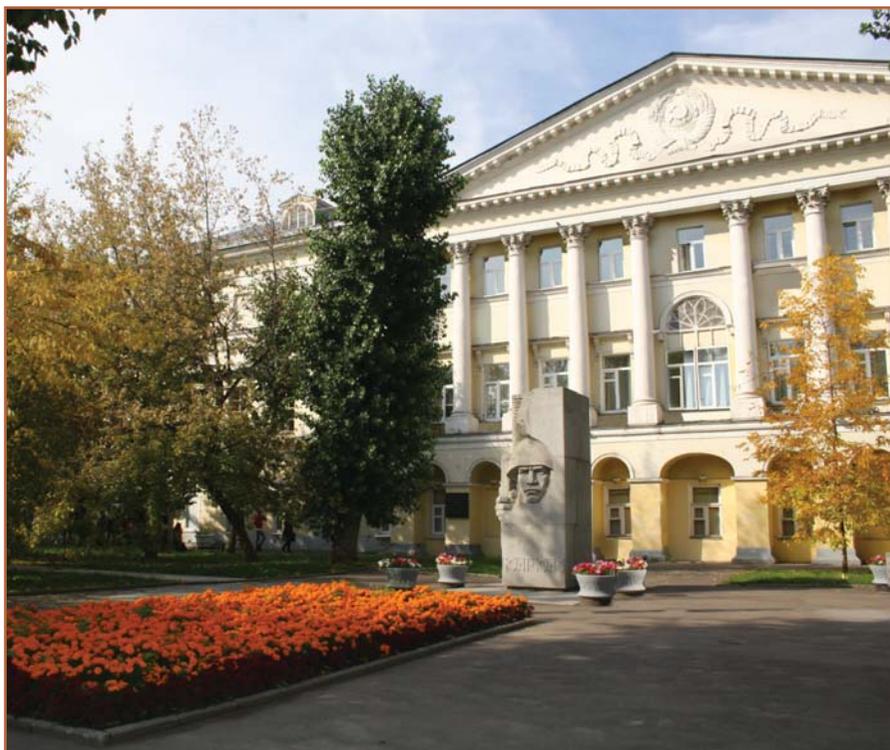

ISSN 2500–347X

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

2 (767)
2016

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY**

SOCIAL SCIENCES

Issue 2 (767)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2016

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Выпуск 2 (767)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2016

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор научного журнала
«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки»
кандидат исторических наук **И. В. Манохин**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Н. М. Алиева, д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Г. Б. Воронина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Р. Гаспарян, д-р филол. наук, проф. (Армения)
К. В. Голубина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
М. К. Гомес, проф. лингвистики (Кадис, Испания)
И. А. Гусейнова, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Н. А. Дудик, канд. филол. наук (МГЛУ)
М. С. Имомзода, д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
К. М. Иришанова, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
О. К. Иришанова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. Я. Касюк, д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Краева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Ф. Красноженова, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
С. С. Кунанбаева, д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Т. В. Медведева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Л. В. Моисеенко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. И. Мусаев, д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Л. А. Ноздрина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Р. К. Потапова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
О. А. Радченко, д-р филол. наук, проф. (Россия)
М. Н. Русецкая, д-р пед. наук, проф. (Россия)
И. А. Семина, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Т. С. Сорокина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. И. Убин, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. Я. Касюк, д-р истор. наук, проф. (*ответственный редактор*)

Политические науки

В. К. Белозёров, д-р полит. наук, доц. (МГЛУ)
А. В. Брега, д-р полит. наук, проф. (Финансовый университет
при Правительстве РФ)
Д. Пророкович, д-р полит. наук (г. Белград, Сербия)
Ю. В. Синчук, д-р полит. наук, проф. (МГЛУ)
И. К. Харичкин, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)

Исторические науки

Л. Г. Ивашов, д-р истор. наук (МГЛУ)
И. Кемаль Оглу, д-р истор. наук, доц. (Турецкая Республика)
А. А. Колесников, д-р истор. наук, проф. (Санкт-Петербургский
информационно-аналитический центр РИСИ)
В. М. Плоских, д-р истор. наук, проф. (Киргизская Республика)
А. М. Хазанов, д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)

Социологические науки

А. Беблер, д-р социол. наук, проф. (г. Любляна, Словения)
Е. И. Кравченко, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
И. В. Образцов, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
А. В. Саблуков, д-р социол. наук, доц. (МГЛУ)
В. Л. Примаков, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Абгарян Р. Э.</i>	
Основные этапы динамики политических конфликтов и методы их решения	9
<i>Вавилов А. И.</i>	
Драма Алеппо как результат двуличной политики Запада	15
<i>Емельянов А. И., Семенова Д. А.</i>	
Генезис теологии освобождения	38
<i>Жеглова Ю. Г.</i>	
Ограниченность возможностей имиджа государства как инструмента внешней политики	45
<i>Кравченко Л. И.</i>	
Проектирование внешнеполитической стратегии Российской Федерации в Латинской Америки	53
<i>Максимова Е. А.</i>	
Коммуникативные доминанты российско-американских отношений в современных условиях	67
<i>Михалёв Ю. А.</i>	
Роль Интернета в политических кампаниях США	77
<i>Селиванов А. И.</i>	
Научная истина и ценность в политическом проектировании и строительстве будущего	83

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Кремер И. С.</i>	
Важный источник по истории заключительного этапа существования ГДР	96
<i>Малахов В. Т.</i>	
Карибский кризис 1962 года	106
<i>Михайлин И. В.</i>	
К вопросу о трансформации современного терроризма	118

<i>Небренчин С. М.</i>	
Исторический опыт работы русской армии с населением мусульманского Востока в XIX–XX столетия	131
<i>Силантьев Р. А.</i>	
Международная деятельность Совета муфтиев России	151

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Арабидзе И. Т.</i>	
Деятельность органов негосударственного сектора по социальной адаптации лиц, уволенных с военной службы: зарубежный опыт	160
<i>Гришенкова Е. В.</i>	
Историографический обзор изучения национально-культурной идентичности	168
<i>Маткаримова Г. В.</i>	
Состояние и основные проблемы этнокультурного развития современной молодежи	178
<i>Примаков В. Л.</i>	
Сущность, содержание и основные направления профилактики современного молодежного экстремизма в России	193
<i>Третьяков А. В., Половнёв А. В.</i>	
Военно-профессиональная ориентация граждан в пунктах отбора на военную службу по контракту	206
<i>Шаева О. Н.</i>	
Методы профилактики экстремизма в молодежной среде: зарубежный опыт	214

CONTENTS

POLITICAL SCIENCES

<i>Abgaryan R. E.</i> The Main Stages of the Political Conflicts Dynamics and their Resolution	9
<i>Vavilov A. I.</i> Aleppo Drama as a Result of the Western Double-Faced Policy	15
<i>Emelianov A. I., Semenova D. A.</i> Genesis of the Liberation Theology	38
<i>Жезлова Ю. Г.</i> Limits of State Image Role as a Foreign Policy Tool	45
<i>Kravchenko L. I.</i> Projection of Russian Foreign Policy Strategy in Latin America	53
<i>Maksimova E. A.</i> Communicative Dominants of Russian-American Relevant Relationship	67
<i>Michalev Yu. A.</i> Internet in Political Campaigns in the United States	77
<i>Selivanov A. I.</i> Scientific Truth and Values in the Political Design and Construction of the Future	83

HISTORICAL SCIENCES

<i>Kremer I. S.</i> Important Source on Final Phase History of GDR Existence	96
<i>Malahov B. T.</i> Caribbean Crisis of 1962: History and Modern Times	106
<i>Mikhailin I. V.</i> Upon the Problem of Transformation of Contemporary Terrorism	118
<i>Nebrenchin S. M.</i> The Muslim East and the Russian Army	131
<i>Silantjev R. A.</i> Council of Muftis of Russia Foreign Policy	151

SOCIOLOGICAL SCIENCES

<i>Arabidze I. T.</i> The Activity of Non-Governmental Sector in the Sphere of the Social Adaptation of Persons Retired from Military Service: International Experience	160
<i>Grishenkova E. V.</i> Historiographic Review of National Cultural Identity	168
<i>Matkarimova G. V.</i> State and the Main Problems of Ethno-Cultural Development of Youth	178
<i>Primakov V. L.</i> Essence, Content and Main Orientations of Prevention of Contemporary Youth Extremism in Russia	193
<i>Tretyakov A. V., Polovnev A. V.</i> Military-Professional Orientation of Citizens at Points of Selection for Military Service Under the Contract	206
<i>Shaeva O. N.</i> Approaches to Prevention of Youth Extremism: a Cross-National Overview	214

УДК 327.83

Р. Э. Абгарян

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии ИМО и СПН, МГЛУ; e-mail: kafedra.politologia@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ДИНАМИКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ И МЕТОДЫ ИХ РЕШЕНИЯ

Статья посвящена исследованию особенностей различных этапов динамики политических конфликтов, определению специфики провокаций как предтечи конфликтов, а также выявлению основных методов разрешения конфликтов.

Ключевые слова: конфликтная ситуация; эскалация конфликта; достижение пиковых витков; спад конфликта; постконфликтный синдром; перманентность; многогранность конфликта; провокация; мирное урегулирование конфликта; статус-кво; силовое решение конфликта.

Abgaryan R. E.

Ph. D. (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor, Department of Political Sciences, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU; e-mail: kafedra.politologia@yandex.ru

THE MAIN STAGES OF THE POLITICAL CONFLICTS DYNAMICS AND THEIR RESOLUTION

This article investigates the characteristics of the different stages of the dynamics of political conflict; the definition of provocation as a forerunner of conflict, and identification of the main methods of conflict resolution.

Key words: conflict situation; the escalation of the conflict; reaching a peak of coils; the decline of conflict; post-conflict syndrome; the permanence; the complexity of the conflict; a provocation; a peaceful settlement of the conflict; the status quo; a military solution of the conflict.

В современной научной литературе категорию «конфликт» чаще всего определяют через понятие «противоречие». Противоречие – это совокупность противоположностей внутри данного объекта

(внутреннее противоречие), либо между объектами (внешнее противоречие). Противоречия можно условно подразделить на неантагонистические и антагонистические. В *антагонистических противоречиях* развитие противоположностей ведет к исчезновению одной из них либо к гибели самого объекта. Так, например, правящая и оппозиционная партии представляют собой две противоположности внутри политической системы (объекта). Если деятельность оппозиции не ведет к подрыву и уничтожению существующих социально-экономических и политических основ общества, а направлена на критическое осмысление политики правящей партии и поиск более адекватных средств достижения социально-значимых целей, то в данном случае можно говорить о *неантагонистическом противоречии*, в котором взаимодействие и развитие противоположностей (правящей и оппозиционной(-ых) партий) является источником совершенствования объекта (политической системы). Деятельность радикальных и экстремистских оппозиционных партий ведет к возникновению антагонистического противоречия. Разрешение такого противоречия ведет либо к запрещению партии(-ий), либо к революционным действиям с ее стороны, направленным на уничтожение существующего конституционного строя страны и создание новых социально-экономических и политических основ общества.

Конфликт представляет собой апогей развития противоречия как антагонистического, так и неантагонистического, это столкновение двух и более разнонаправленных сил с целью реализации своих интересов в процессе единоборства.

Конфликты, так же как противоречия, могут быть антагонистическими и неантагонистическими. Их особенность состоит в том, что из одной формы они могут переходить в другую. Так, например, упущенные возможности решения *неантагонистического конфликта* способствуют его переходу в хронические формы и даже перерастанию в антагонистический конфликт. И наоборот, поиск взаимных компромиссов может привести сначала к снятию острого протекания *антагонистического конфликта*, а затем, при развитии тактики компромиссов, перевести его в неантагонистический конфликт и открыть возможность взаимоприемлемого решения для участников противоборства. Любой конфликт представляет собой процесс, имеющий собственную внутреннюю динамику. Условно ее можно разделить на несколько этапов.

Предтечей конфликта, как правило, бывает **кризис**, или кризисная ситуация, которая знаменует собой необходимость перехода из одного качественного состояния в другое. **Политический кризис** – это сбой в функционировании политической системы из-за ее деятельности в изменившихся реалиях. Так называемый «кризис верхов, когда низы не хотят жить по-старому, а верхи не могут управлять по-старому» [2, с. 5].

Первый этап в динамике конфликта – конфликтная ситуация, в ходе которой происходит осознание возникших противоречий участниками противоборства, а также артикуляция их интересов и позиций. Особенность этого этапа заключается в том, что не всякая конфликтная ситуация перерастает в конфликт. Если притязания сторон на этом этапе удовлетворяются, пусть даже частично, острая форма противоречия снята, конфликт исчерпан полностью либо частично. Если этого не произошло, то возникает *второй этап динамики конфликта*, который связан с достижением так называемых пиковых отметок, когда наблюдается максимальное напряжение сил (экономических, социальных, политических, включая военные) со стороны противоборствующих сторон. *Третий этап динамики конфликта* – спад конфликта. Исход конфликта – *четвертый этап* – может иметь два варианта: 1) конфликт завершен полностью; 2) конфликт завершен частично.

Во втором случае, когда конфликт завершен частично, как правило, возникают **перманентности** и **многомерности** конфликта. Перманентность означает переход конфликта в хроническую форму, в вялотекущий конфликт. Опасность этого процесса связана с возникновением явления многомерности конфликта, когда в любой момент под действием внутренних либо внешних факторов разгорается новый конфликт, являющийся, по сути, производной первоначального конфликта. Примером этого может послужить чеченский конфликт, первопричиной которого было желание чеченского руководства вывести республику из состава Российской Федерации, в результате чего на территорию Чечни были введены федеральные войска, с помощью которых центральная власть защищала политическое устройство своего государства. В исходе конфликта были подписаны Хасавюртовские мирные соглашения, устанавливающие политику статус-кво, т. е. конфликт был решен частично. Эта незавершенность через несколько лет привела к началу Второй чеченской кампании (после

взрыва жилых домов в Москве), которая получила официальное название Контртеррористической операции на территории Чечни – субъекта Российской Федерации. Таким образом, Вторая чеченская кампания представляет собой производную от незавершенного чеченского конфликта и наглядно демонстрирует явления перманентности и многомерности в исходе конфликта [3].

Пятым этапом в динамике конфликта является постконфликтный синдром. Он характеризуется определенной напряженностью в отношениях противоборствующих сторон в течение длительного времени. В результате деятельности различных экстремистских и радикальных сил внутреннего и внешнего характера этот этап может стать основой для возникновения нового конфликта, так как явление многомерности остается актуальным в условиях постконфликтного синдрома.

В качестве катализатора новой конфликтной ситуации может стать любая провокация. **Провокация** – (лат. provocatio – вызов) представляет собой прием противоборства (политического, экономического, социального, военного), который включает в себя специально организованные акции подрывного характера в целях вызова ответных мер со стороны противника. Главная цель любой провокации – дестабилизация обстановки. Достижение этой цели возможно за счет реализации следующих функций: дискредитации деятельности государства, его политических лидеров; дезинформации общественного мнения; дезориентации общественного сознания. Провокации необходимы как предлог, повод для экспансии насилия и начала нового конфликта.

Политических конфликтов множество, их типологизацию можно производить по нескольким основаниям. Например, **по степени значимости** политические конфликты можно разделить на глобальные, общечеловеческие (мировые войны), межгосударственные, региональные (ближневосточные конфликты) и внутргосударственные (чеченский конфликт). **Внутргосударственные конфликты**, в свою очередь, могут подразделяться на **конфликты интересов** (конфликты между правящей и оппозиционной (-ыми) партиями), **ценностные конфликты** (борьба вокруг интерпретации и внедрение ценностей «свобода», «равенство», «демократия», «автономия»), **конфликты идентификации**, возникающие в межкультурных обществах в условиях этнической и религиозной противоположности.

Внутригосударственные политические конфликты также можно разделить на *горизонтальные* (конфликты между социальными группами, общностями и их организациями, конфликты между различными ветвями государственной власти) и *вертикальные* (конфликты между федеральными и региональными органами власти). Помимо вышеперечисленных типологий конфликтов существуют и другие. Выбор той или иной типологии определяется целями и задачами теоретических и прикладных исследований в области конфликтологии.

Прежде чем приступить к разрешению конфликта, необходимо иметь полную информацию об объекте конфликта, составе его участников, исторических корнях конфликта, непосредственном поводе к началу конфликта, а также об уровне напряженности в начальной точке конфликта [1].

Существует три основных альтернативы в разрешении конфликта.

Первая альтернатива – мирное урегулирование – реализуется посредством:

1) *метода переговоров*, когда между сторонами имеются общие интересы;

2) *метода примирения сторон* на основе сближения позиций через посредника. Посредник – нейтральное лицо, помогающее конфликтующим сторонам достигнуть консенсуса. Он не наделен полномочиями принимать решения. В последнее время роль посредников в межнациональном и региональных конфликтах играют миротворческие силы, в том числе войска ООН.

3) *метода третейского разбирательства*, или *арбитраж*, когда стороны добровольно передают свой спор для разбирательства третьей стороне, решение которой является обязательным к выполнению для обеих сторон.

Второй альтернативой в решении конфликта может стать установление политики статус-кво, когда ни одна из противоборствующих сторон не хочет идти на компромисс, при этом не имеет достаточно сил и средств продолжать борьбу за свои интересы. В этом случае используется:

1) *метод избегания конфликта* (отказ от обсуждения проблемы на определенный или неопределенный срок), отставка и/или иммигранция политического деятеля или группы политиков, принимающих активное участие в конфликте;

2) **метод отрицания конфликта либо его подмена** (этот метод позволяет на неопределенный срок избежать прямой конфронтации и с течением времени нивелировать позиции противоборствующих сторон).

Третья альтернатива в решении конфликта – силовое решение, т. е. **метод конфронтации**, который может включать дипломатическую или экономическую блокаду, а также использование регулярных войск, диверсионных групп, отрядов специального назначения.

Резюмируя всё вышесказанное, можно сделать вывод, что любой политический конфликт будет исчерпан еще на этапе «конфликтная ситуация», если противоборствующие силы проявят добрую волю и используют мирное урегулирование как способ разрешения конфликта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дмитриев А. В.* Конфликтология: учеб. пособие. – М. : Гардарики, 2000. – 320 с.
2. *Ленин В. И.* Оппортунизм и крах Второго Интернационала. – М. : Прогресс, 1979. – 34 с.
3. *Синчук Ю. В., Потапов А. С., Белозёров В. К.* Конфликтология: теория и практика: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальностям «Политология», «Психология», «Психология и педагогика». – Ч. I. Научно-теоретическая база конфликтологии. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – 361 с.

УДК 327.569.4

А. И. Вавилов

профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: maryandre@yandex.ru

ДРАМА АЛЕППО КАК РЕЗУЛЬТАТ ДВУЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ ЗАПАДА

Автор анализирует причины затянувшегося конфликта в Сирии, рассматривает основные различия в подходах России и Запада во главе с США к поискам ликвидации этой крупнейшей со времен Второй мировой войны гуманитарной катастрофы.

Ключевые слова: затяжной конфликт в Сирии; нарастание гуманитарной катастрофы; двуличие в подходах Запада к ее ликвидации; принципиальная и последовательная линия России в поисках политического решения сирийской проблемы.

Vavilov A. I.

Advanced Doctor (History), Professor, Department of Theory and History of International Relations, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU; e-mail: maryandre@yandex.ru

ALEPPO DRAMA AS A RESULT OF THE WESTERN DOUBLE-FACED POLICY

In his article the author analyses the reasons for the prolonged conflict in Syria, the fundamental differences in approaches of Russia and Western powers headed by the USA to the searches of outcomes for this largest since the Second World War humanitarian catastrophe.

Key words: prolonged conflict in Syria; aggravation of humanitarian catastrophe; double-faced approaches of the Western powers to its solution; principle and consistent course of Russia towards the political outcome of the Syrian problem.

Затянувшийся на годы кровопролитный и разрушительный конфликт в Сирии стал результатом непоследовательной и противоречивой политики США, а также их западных и региональных партнеров во времена турбулентных перемен, охвативших геостратегически важные Ближний Восток и Северную Африку в период начавшейся в 2011 г. «арабской весны».

Если Москва с самого начала этого непростого периода в жизни народов региона последовательно и неизменно выступала за их суверенное право самим, без вмешательства внешних «доброхотов»,

решать свою судьбу путем инклюзивного демократического диалога, то в западных столицах, сначала застигнутых «весенним паводком» в арабских странах врасплох, решили воспользоваться им для достижения своих корыстных геостратегических целей. Для этого западные политики не гнушались никакими средствами, в том числе поддержкой мифической «умеренной» оппозиции и даже террористов, набравших силу в результате «подпитки» извне и ослабления под внешним давлением местных государственных структур.

Видя в нарастающей активности экстремистов, цинично прятаясь за псевдопатриотическими и религиозными лозунгами и риторикой, серьезную угрозу всеобщему миру и безопасности, российская сторона в лице Президента РФ В.В. Путина и других руководителей неоднократно предлагала и предлагает западным партнерам объединить усилия для коллективного отпора этому вселенскому злу. Соглашаясь на словах с важностью антитеррористической борьбы, западные политики на деле развернули антироссийскую клеветническую кампанию, продолжая под шумок закулисную «подпитку» террористов и боевиков всех мастей.

Несмотря на предпринимаемые Москвой многовекторные объединительные усилия, Россия и США – главные внешние акторы на региональной арене, как с сожалением констатировал в конце августа 2016 г. пресс-секретарь Президента РФ Д.С. Песков, были по-прежнему далеки от реального сотрудничества по урегулированию в Сирии. Отвечая на вопрос, довольны ли в Кремле динамикой развития взаимодействия Москвы и Вашингтона, он отметил: «Здесь по-прежнему хотелось бы видеть большую готовность к реальному сотрудничеству, к выводу нашего взаимодействия не на уровень обмена информацией или спорадического взаимодействия, а именно – полноценного сотрудничества, без которого урегулирование тяжелой сирийской проблемы невозможно» (*ТАСС, 30.08.16*).

На достижение этой главной цели были направлены, в частности, рекордно продолжительные (почти 15 часов) переговоры глав российской и американской дипломатии в Женеве 9 сентября 2016 г. Немало времени (около 5 часов) американским представителям потребовалось для согласования с Вашингтоном реакции на российские предложения: «под занавес» своего президентства Б. Обама решил не напрягаться и отправился играть в гольф. Главе российского внешнеполитического

ведомства С. В. Лаврову пришлось из сострадания дать указание вынести истомившимся в ожидании итогов встречи журналистам несколько коробок с пищей от американской стороны и две бутылки водки – от российской. Их терпение было вознаграждено и результатами переговоров: Россия и США смогли сформировать пакет из пяти закрытых документов по дальнейшим конкретным шагам к урегулированию, предусматривавший переподтверждение установленного ранее прекращения огня на полях сражений с оппозиционерами с 12 сентября 2016 г. на 48 часов с последующими продлениями, обещанное еще в начале года американцами размежевание патриотической оппозиции с боевиками и обеспечение гуманитарного доступа к страдавшему в блокаде у террористов населению второго по значению города Сирии – Алеппо (около 1,5 млн жителей). После семи дней перемирия предусматривалось создание совместного российско-американского исполнительного центра по наблюдению за размежеванием оппозиции и боевиков «на земле» и координации ударов по экстремистам, в число которых американцы согласились, наконец, включить и фанатичную террористическую группировку «Джабгат Фатх аш-Шам» – «Фронт завоевания Сирии и Ливана» (одиозную «Джабгат ан-нусру», перекрасившуюся под патриотов и даже отказавшуюся ради нового благопристойного имиджа от своего пиратского черного флага). О сугубо внутрисирийском вопросе – судьбе президента САР Б. Асада в достигнутых двусторонних договоренностях, как и во всех предыдущих, не было сказано ни слова. Выработанные в Женеве трудными совместными усилиями шаги создавали условия для возобновления в САР политического процесса.

Если официальный Дамаск и курдские силы самообороны вскоре согласились с такой «дорожной картой», и мировые державы поддержали ее, то оппозиция, как всегда, колебалась и свое отношение высказывать не спешила. В итоге в ответ на прекращение правительственными войсками боевых действий 21 группировка оппозиционеров от перемирия отказалась и только за первые два дня нарушила его более 60 раз, и число нарушений в последующем только нарастало, превысив к концу сентября 2016 г. 350. На деле режим тишины соблюдали лишь правительственные войска САР и Воздушно-космические силы (ВКС) России. Террористы же продолжали свои вылазки, а окопавшиеся в Алеппо боевики «Исламского государства» (ИГ, или ИГИЛ)

не только не прекратили огонь, но и стали выступать с открытыми угрозами в адрес подготовленных к отправке гуманитарных конвоев (40 грузовиков).

Действуя по заведенному порядку валить вину «с больной головы на здоровую», американцы стали бесосновательно упрекать российскую сторону в задержках гуманитарной помощи «из-за недостаточного давления на режим Асада». А сами на своих подопечных из числа оппозиционеров – ярых нарушителей режима тишины никакого влияния не оказывали. При таком покровительстве боевики в очередной раз воспользовались прекращением огня со стороны правительственных сил для восстановления боеспособности и проведения перегруппировки в провинциях Алеппо, Хама и Хомс. Они также предприняли безуспешные попытки занять позиции, оставленные правительственными войсками по условиям прекращения огня.

«Решительно призываем всех тех, кто имеет влияние на “отказников”, – отмечалось в комментарии МИД РФ, – прежде всего американскую сторону, разобраться, наконец, со своими клиентами. Нельзя допустить, чтобы их ожидаемые провокационные действия перечеркнули возможность поворота к политическому урегулированию сирийского кризиса» (*ТАСС, 13.09.16*).

Саботаж международных усилий по установлению мира в Сирии нашел понимание у американской стороны. Спецпредставитель США по Сирии М. Ратни подстрекательно и бесосновательно заявил, что российско-американские договоренности по Сирии якобы давали оппозиционерам «право на самооборону в случае атак со стороны сирийской армии или России» (*РИАН, 11.09.16*).

Американцы не пошли навстречу предложению России полностью опубликовать достигнутые в Женеве договоренности, чтобы утвердить их в Совбезе ООН в качестве международно-правового документа, видимо, готовя условия для очередного отказа от взятых на себя обязательств. Позднее после утечек в СМИ они были вынуждены без согласования с Москвой частично обнародовать достигнутые договоренности, оставив многие их положения в тайне, дабы не связывать себе руки в общении с оппозиционерами и экстремистами.

На деле же США продолжали прежний курс на затягивание размежевания между террористами и «умеренной оппозицией», к которой они продолжали относить и бандитов из «Ахрар аш-Шам», занесенных в террористические списки ООН.

«Это связано, – прокомментировал такой неконструктивный подход В. В. Путин, – с трудностями, с которыми сталкиваются США на сирийском треке – они никак не могут отделить так называемую здоровую часть оппозиции от полукриминальных и террористических элементов. На мой взгляд, это продиктовано желанием сохранить боевой потенциал в борьбе с законным правительством Башара Асада, но это очень опасный путь, опасное направление развития событий. Похоже, что наши американские партнеры опять наступают на те же грабли». Российский Президент отметил, что РФ и США имели общее стремление к миру в Сирии и борьбе с терроризмом, но стороны должны были быть честны друг с другом и двигаться к общим целям (*ТАСС, 17.09.16*).

Конструктивный и реалистичный подход российской стороны адекватной реакции Вашингтона не вызвал. Продолжая прежний курс на поддержку деструктивных сил, американские ВВС (четыре самолета и ударный беспилотник) 17 сентября 2016 г., опять же по ставшей обыкновенной «ненамеренной ошибке», нанесли ни чем не обоснованные удары по позициям правительственных сил, которые вели активные бои с боевиками ИГ близ г. Дейр аз-Зор, в результате которых погибли более 60 сирийских военнослужащих и около сотни были ранены. Таким готовившимся целых два дня «промахом», нарушавшим все обещания американцев и выраженную ими готовность к совместным действиям против ИГ после семи дней перемирия, тут же попытались воспользоваться боевики этой группировки, перейдя в атаку, которая была благополучно отбита правительственными силами при поддержке российских ВКС.

«Полагаем, – прокомментировал такое вопиющее нарушение достигнутых в Женеве договоренностей начальник Главного оперативного управления Генштаба ВС РФ С. Ф. Рудской, – что данный инцидент с большими человеческими жертвами стал возможен ввиду незнания обстановки командованием Коалиции и нежеланием американской стороны координировать с Россией свои действия по противодействию террористическим группировкам на территории Сирии» (*РТР I, 18.09.16*).

На проведенном по инициативе России экстренном заседании Совбеза ООН для обсуждения этих ударов американский постпред С. Пауэр, не постеснявшаяся назвать его созыв «циничной и лицемерной выходкой», демонстративно покинула зал во время выступления

своего российского коллеги В.И. Чуркина. Тот в долгу не остался и покинул зал, когда стала выступать американский постпред.

Как отметили в МИД РФ, «американские представители не только оказались не в состоянии дать адекватное объяснение произошедшему, но и пытались, по их обыкновению, перевернуть все с ног на голову». «Если раньше у нас были подозрения, – заявила официальный представитель Министерства М.В. Захарова, – что таким образом выгораживается “Нусра”, то теперь, после сегодняшних ударов по сирийской армии, мы приходим к действительно страшному для всего мира выводу: Белый дом защищает ИГИЛ» (*РИАН, 18.09.16*).

«Особо тревожит то, – отмечалось в весьма жестком Заявлении МИД РФ, – что данный инцидент произошел на фоне множащихся фактов задокументированных нарушений режима прекращения боевых действий (далее – РПБД) со стороны незаконных вооруженных формирований сирийской оппозиции, которые, по утверждениям американской стороны, к нему присоединились. В очередной раз настоятельно призываем Вашингтон оказать необходимое давление на патронируемые им НВФ (незаконные вооруженные формирования. – *А.В.*) в плане безукоризненного выполнения условий РПБД. В противном случае может быть поставлена под угрозу реализация всего комплекса российско-американских договоренностей, достигнутых в Женеве 9 сентября, что противоречило бы интересам всего международного сообщества» (*ТАСС, 18.09.16*).

А из Вашингтона тем временем неслись уже набившие оскомину призывы к Москве «повлиять на сирийские власти и побудить их соблюдать РПБД». В итоге 19 сентября 2016 г. командование сирийских правительственных войск из-за непрекращавшихся ни на день подрывных действий собравшихся с силами и перегруппировавшихся оппозиционеров и боевиков было вынуждено объявить об окончании перемирия. В российском Минобороны отметили, что США и группировки сирийской оппозиции не выполнили ни одно из условий перемирия, а отряды «умеренной» оппозиции и «Джабгат ан-нусры» не только не разделились, но даже слились и готовились к совместным наступательным действиям, и что в таких условиях одностороннее соблюдение режима прекращения огня сирийской армией стало бессмысленным (*ТК «Звезда», 19.09.16*).

«Умеренные» оппозиционеры вместе с боевиками на другой день перешли в наступление на позиции сирийской армии, пытаясь

прорваться к Алеппо. При поддержке российских военных натиску мятежников и террористов вновь был дан достойный отпор.

«Главное, – прокомментировал ситуацию С. Ф. Рудской, – не произошло разделения умеренной оппозиции и “Джабгат ан-нусры”. Более того, мы наблюдаем не разъединение, а слияние отрядов умеренной оппозиции и “Джабгат ан-нусры”. По-прежнему гибнут сирийские военнослужащие и мирные граждане. Причиной создавшегося положения является то, что США не имеют действенных рычагов влияния на умеренную оппозицию и не знают реальной обстановки на земле» (*Первый канал, 20.09.16*). Затягивание американцами обещанного размежевания было на руку джигадистам, позволяя им как щитом прикрываться формированиями «умеренной оппозиции» и продолжать творить свои гнусные дела.

В такой сумятице через несколько дней ударам подвергся стоявший под разгрузкой в восточном Алеппо гуманитарный конвой ООН из 31 грузовика, 18 из которых сгорели или были серьезно повреждены. Жертвами этого теракта стали более 20 сопровождавших, в том числе и сотрудники ООН, которая объявила о приостановке по соображениям безопасности доставки помощи для 300 тыс. заблокированных жителей города, в том числе 100 тыс. детей. Сирийская организация Красного полумесяца в знак протеста против этого варварского нападения приостановила свою деятельность на три дня.

Чтобы отвлечь внимание мировой общественности от «ошибочной» бомбардировки позиций сирийских войск близ Дейр аз-Зора, в западных официальных кругах и СМИ, а затем и с трибуны Генассамблеи ООН с подачи США были запущены версии, возлагавшие, как повелось, вину за совершение нового злодеяния на сирийские и российские войска. При этом, как всегда, доказательства этим измышлениям не приводились. Глава комитета начальников штабов ВС США генерал Дж. Данфорд, к примеру, ни мало не смущаясь, заявил, что американские военные не располагали фактами о причастности России к удару по гуманитарному конвою в районе Алеппо, но считали ее ответственной за этот инцидент (*РИАН, 22.09.16*). А накануне глава госдепа Дж. Керри в зале Совбеза ООН пытался всех убедить в том, что нападение на гуманитарный конвой – дело рук российских военнослужащих (*Интерфакс, 22.09.16*).

«В отличие от председателя комитета начальников штабов ВС США – факты, то есть данные объективного контроля воздушной

обстановки 19 сентября в Алеппо, имеются у нас», – заявил официальный представитель Минобороны России генерал-майор И. Е. Конашенков. «Эти факты совершенно однозначно подтверждают наличие в районе нахождения гумконвой ударного американского беспилотника “Предатор” с авиабазы “Инджирлик”. А всё, что есть у главы комитета начальников штабов ВС США и, как теперь уже всем стало понятно, у министра обороны США, это их личные мнения и страх ответственности за очередную ошибку или намеренную провокацию» (*Интерфакс*, 22.09.16).

Опираясь на объективные данные, Москва и Дамаск с возмущением отвергли клеветнические наветы в свой адрес и назвали нападение на гумконвой неприемлемой провокацией со стороны террористов и их покровителей. А тут, как на грех, и независимые эксперты из Международной группы поддержки Сирии, подробно изучив видеоматериалы и вешдоки, выразили мнение, что налет мог быть просто инсценирован противниками прекращения огня (*Первый канал*, 05.10.16). США такой вывод сразу отвергли, не приведя никаких контраргументов.

Игнорируя тяжелые уроки смертоносного вмешательства в Ливии, в США вновь заговорили об установлении в Сирии бесполетной зоны, но только для самолетов правительственных войск и ВКС России, что развязало бы руки боевикам. А на российские запросы о составлении списка «умеренных» оппозиционеров, опубликовании женеvских договоренностей и тщательном расследовании нападения на гумконвой американцы предпочитали отмалчиваться.

Для оказания дополнительного давления на Москву и Дамаск в попытках повесить на них, по выражению С. В. Лаврова, «всех собак», а также для отвлечения внимания мировой общественности от «ошибочных ударов» под Дейр аз-Зором Вашингтон и его союзники из Лондона и Парижа 25 сентября 2016 г. созвали экстренное заседание Совбеза ООН под лицемерным предлогом «защиты мирного населения Алеппо от варварских российских и сирийских ударов» [1].

В. И. Чуркин в своем выступлении отмел все лживые аргументы западной коалиции и призвал ее членов позаботиться о прекращении «подпитки» псевдоумеренной оппозиции и боевиков, орудовавших в Алеппо, тяжелым вооружением и финансовыми вливаниями. «Восточный Алеппо, – сообщил он, – удерживается под контролем более чем 20 вооруженными группировками, в которых примерно

3500 бойцов. На вооружении у них танки, бронированные машины, орудия полевой артиллерии, системы залпового огня, десятки и десятки единиц, в том числе тяжелой военной техники. Конечно, сделать они кустарно эту технику не могли, всё это было получено и продолжает поступать от щедрых западных покровителей при попустительстве, полагаю, возглавляющих коалицию США. <...> Американская сторона фактически расписалась в неспособности повлиять на подопечные ей группировки и честно выполнить тем самым достигнутые договоренности. Прежде всего, отделить умеренные группировки от террористов и провести соответствующее разграничение на местности». При попустительстве Запада, отметил российский постпред, «на территории Сирии орудуют сотни вооруженных группировок. Территорию страны бомбят все, кому не лень. Возвращение страны к миру стало почти невозможной задачей» (*Первый канал, 26.09.16*).

«Мы констатируем, – заявил Д. С. Песков, – что ситуация действительно весьма тяжелая и вызывает обеспокоенность. Главным образом мы обеспокоены тем, что по-прежнему, несмотря на то, что уже прошел срок больше недели, террористы используют режим прекращения огня для перегруппировки, для пополнения своих arsenалов и для очевидной подготовки, и для осуществления наступательных действий» (*РТР I, 26.09.16*).

В таких критических условиях Москва отказалась от дальнейших односторонних уступок Западу и, прежде всего, по установлению новых, теперь уже семидневных «гуманитарных пауз», которые использовались им в своих геостратегических планах и для поддержки подрывных антирежимных сил.

А Вашингтон продолжал подыгрывать своим подопечным, резко усилив пропагандистские и информационные наскоки на Москву и Дамаск, прибегая к недозванным в международной практике методам шантажа и запугивания. В госдепе договорились до того, что стали в открыто угрожать России приостановкой сотрудничества по Сирии, атаками террористов на ее города, многочисленными жертвами среди ее военнослужащих, потерями самолетов и новыми санкциями. В Москве подобные выпады расценили не просто как выход за все возможные рамки дипломатии, но и как фактическое подстрекательство экстремистов.

«Это очень опасные игры, – отметил С. В. Лавров в интервью Первому каналу 9 октября 2016 г., – учитывая, что Россия, находясь

в Сирии по приглашению законного правительства этой страны и имея там две базы, имеет там средства ПВО для защиты наших объектов». Ранее глава МИД РФ высказал предположение, что подобные недопустимые угрозы были сигналом тем, кто хотел бы это сделать, к началу таких действий [2].

Откликаясь на такой провокационный сигнал своих покровителей, боевики в отместку за эффективные удары ВКС РФ по своим позициям в Алеппо объявили 30 сентября 2016 г. в увязке с пятничными молитвами «всемирным днем гнева и протеста», что представляло прямую угрозу россиянам, находившимся за пределами РФ. Учитывая ее серьезность, российский МИД рекомендовал им воздержаться в тот день от посещения общественных мест.

По оценке замминистра иностранных дел РФ С. А. Рябкова, США, отказывая в поддержке РФ в борьбе с ИГ и делая заявления о возможной угрозе России со стороны террористов, фактически помогли им, и такие заявления являлись «показателем политической низости» (*РИАН, 29.09.16*).

Позднее С. В. Лавров поведал о том, что американская сторона пыталась было взвалить обеспечение безопасности гумконвоев в Алеппо на российских военнослужащих. Когда ей было предложено подключиться к решению этой задачи и американцев, она, ссылаясь на рискованность подобной операции, ответила отказом (*РИАН, 06.10.16*).

Обстановка осложнялась усиливавшейся в преддверии президентских выборов в США разногласий в «коридорах власти», когда госдеп, Пентагон и ЦРУ никак не могли договориться между собой о сотрудничестве с Россией в поисках решения сирийской проблемы и выступали с противоречившими друг другу заявлениями. Если в госдепе, к примеру, открещивались от поддержки «Джабгат фатх аш-Шам», то в Белом доме путано объясняли свое щадящее отношение к этой общепризнанной террористической группировке лицемерной «заботой о мирном населении» (*РТР I, 01.10.16*).

А тут совсем некстати для Вашингтона в мировые СМИ просочились откровения главарей нусровцев о получении от американцев оружия и другой помощи.

В ходе закрытой встречи с представителями сирийских общественных организаций «на полях» 71-й сессии Генассамблеи ООН Дж. Керри сообщил о своих расхождениях с Белым домом по сирийским делам и заявил об отсутствии правовой базы для более глубокого

американского вмешательства во внутренний конфликт в САР, тогда как русские, которые его якобы «обхитрили», действовали там по приглашению правительства Сирии. Кроме того, в отличие от Б. Обамы, глава внешнеполитического ведомства США не исключил участия Б. Асада в выборах в Сирии, хотя и предрек его поражение на них (РИАН, 01.10.16).

Нервная реакция Вашингтона на действия России в Сирии объяснялась и осознанием бесплодности усилий Запада блокировать ее активность на мировой арене, принизить ее роль в международных делах. Как констатировалось в ежегодном докладе лондонского отделения американского Международного института стратегических исследований (IISS), «российское вторжение в Сирию сделало Москву центром ближневосточной дипломатии и продемонстрировало, что попытки Запада изолировать РФ не понизили ее статус как суперсилы» (РИАН, 27.09.16).

В ответ на эмоциональные срывы, граничившие с истерикой, и антироссийские всплески, вызванные во многом неспособностью американцев повлиять на «умеренную» оппозицию и отделить ее от террористов, а также предвыборной суетой, Москва продолжала последовательную линию на поиск совместными усилиями выхода из конфликтного тупика – прекращения огня и налаживания внутрисирийского политического урегулирования, предусмотренного международными договоренностями, закрепленными в резолюциях Совбеза ООН. Для этого от американцев требовалось выполнение данных еще в начале 2016 г. обещаний провести размежевание их подопечных от террористов. Одновременно МИД РФ предостерегал Вашингтон от агрессивных действий в Сирии, которые могли вызвать непоправимые тектонические сдвиги во всем истерзанном конфликтами регионе.

В Москве искренне не хотели, чтобы покидавшая политическую сцену администрация Б. Обамы вошла в историю как спонсор «Джабгат ан-нусры» вслед за тем, как администрация Р. Рейгана способствовала появлению на свет «Аль-Каиды», а Дж. Буша-мл. – ИГ.

В начале октября 2016 г. на фоне успехов сирийской армии, наступавшей на позиции террористов при поддержке ВКС РФ, администрация Б. Обамы объявила о прекращении двусторонних контактов с Россией по поддержанию перемирия в САР и сворачивании интенсивно работавших в Женеве групп специалистов. А созданная еще после запуска первого режима перемирия 27 февраля 2016 г. «горячая

линия» связи между российской авиабазой «Хмеймим» и американской аналитической военно-политической группой в Аммане была закрыта по инициативе США еще в конце июля 2016 г. Военные каналы во избежание конфликтов в воздушном пространстве Сирии между ВКС РФ и ВВС США были благоразумно сохранены. Глава Пентагона Э. Картер признал, что Россия действовала при решении конфликтных ситуаций в небе над Сирией «очень профессионально». Каких-либо новых инициатив или альтернатив по распутыванию туго затянутого (не без участия американцев и их партнеров) сирийского узла Вашингтоном предложено не было. Там лишь безосновательно и заученно твердили о том, что Россия «не достигла своих целей» в борьбе с террористами. Хотя факты говорили об обратном: по данным Минобороны РФ, в период с 27 февраля по 1 сентября 2016 г. в Сирии было уничтожено около 35 тыс. экстремистов, из них более 2700 выходцев из России и стран СНГ, освобождено 586 населенных пунктов и 12360 кв. км. территории (ТК «Звезда», 07.10.16).

Резкий поворот в американской политике свидетельствовал о неспособности США выполнить взятые на себя обязательства в соответствии с достигнутыми немалыми трудами венскими договоренностями. «Именно Соединенные Штаты Америки, – заявил в этой связи И. Е. Конашенков, – с треском провалили все договоренности по режиму прекращения огня от 9 сентября, не сумев отделить ни одного формирования так называемой оппозиции от “Джабгат ан-нусры” и позволив террористам провести очередную перегруппировку и пополнить запасы. Не пора ли нашим американским партнерам публично признать, что практически вся выпестованная и подконтрольная им оппозиция в Сирии – неотъемлемая часть одного зонтичного бренда “Аль-Каиды” – “Джабгат ан-нусры?”» (РБК ТВ, 04.10.16).

Вскоре террористы вновь обстреляли российское Посольство в Дамаске. Одна из выпущенных ими мин упала на его территории в опасной близости от жилого здания, две другие взорвались неподалеку от нее. К счастью, никто из сотрудников дипмиссии не пострадал, однако здание получило повреждения. Обстрел повторился 12 октября 2016 г.

США при поддержке Великобритании и Украины заблокировали российское предложение осудить в Совбезе ООН атаку боевиков

на Посольство РФ, внося в проект документа нелепое утверждение о «вине самой России в росте напряженности в Сирии» (*Комсомольская правда*, 06.10.16). В Вашингтоне провокационно заговорили о возможности нанесения американских ударов по позициям сирийской армии и российских ВКС. Однако прибытие к берегам Сирии корабельной ударной группировки ВМФ РФ из восьми боевых кораблей во главе с тяжелым авианесущим крейсером «Адмирал Кузнецов», наличие в САР зенитно-ракетных систем С-400 и С-300 и намерение Москвы создать в Тартусе полноценную военно-морскую базу окazyвали на «горячие головы» в Пентагоне, ЦРУ и на Западе в целом сдерживающее и санирующее воздействие.

«У нас крепнет впечатление, – отмечалось в комментарии МИД РФ, – что в стремлении добиться вожделенной смены власти в Дамаске Вашингтон готов “заключить сделку с дьяволом” – пойти на союз с отъявленными террористами» [3].

Такое намерение плохо отражалось на положении мирного населения в Сирии: из-за нарушений боевиками и примыкавшей к ним «умеренной оппозицией» прекращения огня к началу октября 2016 г., по данным Минобороны РФ, в стране погибли более 16 тыс. человек, из них почти 13 тыс. были гражданскими лицами (*РБК ТВ*, 07.10.16).

Неспособность и нежелание американцев отмежевать «хороших» оппозиционеров от «плохих» приводили к тому, что мирное население становилось «живым щитом» для прикрытия и тех, и других. А ответственность за гибель простых людей произвольно возлагалась Западом на Дамаск и Москву.

В первой декаде октября 2016 г. настоящая баталия по сирийскому урегулированию развернулась в Совбезе ООН. Россия заветировала франко-испанский проект резолюции Совета об установлении над Алеппо пресловутых бесполетных зон как грубо искажавший реальное положение дел, носивший политизированный, несбалансированный и односторонний характер. В ответ западники «проголосовали ногами», демонстративно покинув зал заседаний. Они блокировали российское предложение поддержать инициативу спецпосланника Генерального секретаря ООН по Сирии С. де Мистуры организовать вывод боевиков с оружием из Алеппо для предотвращения новых жертв среди мирного населения осажденного города.

Террористы такую миротворческую инициативу отвергли и, пытаясь вырваться из окружения, продолжали запрещенные международным правом неизбирательные обстрелы жилых кварталов Алеппо, его больниц и школ, в результате которых гибли мирные жители, женщины и дети. По данным российского Центра по примирению сторон, к атакам были причастны и формирования, ранее заявившие о прекращении боевых действий. Чтобы пополнить свои поредевшие ряды, джихадисты объявили мобилизацию подростков в возрасте 14 лет. Одновременно шло объединение сил террористов вокруг «Джабгат ан-нусры», под крыло которой примостились и «Ахрар аш-Шам», и дюжина других группировок, которых США продолжали числить умеренными. А выпестованный Вашингтоном в Саудовской Аравии «сверхумеренный» Высший комитет по переговорам, отработывая полученные авансы, верноподданнически обратился к американцам с просьбой в «одностороннем порядке вмешаться в ситуацию в Алеппо».

Несмотря на обострившуюся конфронтацию вокруг сирийского кризиса, реакция российской стороны на одностороннее прекращение контактов американскими партнерами и другие их далеко не дипломатические выверты отличалась конструктивностью и взвешенностью. Как отметил С. В. Лавров, Москва считала важным не допустить нарушения российско-американских договоренностей по Сирии, обеспечить усилиями мирового сообщества прекращение боевых действий и создать условия для возобновления политического процесса в стране (*РТР I, 03.10.16*).

Вскоре жизнь подтвердила реалистичность и обоснованность последовательной линии Москвы на коллективные поиски политических развязок туго затянутого стараниями западных государств и их региональных подопечных сирийского конфликтного узла. Почти каждодневные контакты глав дипломатических ведомств России и США не прерывались (к октябрю их число с начала 2016 г. перевалило за 70), а 15 октября в Лозанне прошла министерская встреча по Сирии в «узком формате» с участием представителей России, США, Ирана, Катара, Саудовской Аравии, Турции, Египта, Ирака, Иордании и спецпосланника генсекретаря ООН по Сирии С. де Мистуры.

В ходе обсуждения основной акцент был сделан на задачах восстановления режима прекращения боевых действий в Алеппо и в целом в САР в контексте достигнутых 9 сентября в Женеве российско-

американских договоренностей и скорейшего перезапуска политического процесса на основе положений соответствующих резолюций СБ ООН, решений МГПС и Женевского коммюнике 2012 г. Хотя прорывных соглашений на встрече достигнуто не было, все ее участники подтвердили приверженность сохранению САР в качестве целостного, независимого и светского государства, в котором будущее своей страны должны определить сами сирийцы в ходе инклюзивного политического диалога.

Россия воспользовалась встречей, чтобы еще раз довести до всех ведущих акторов в конфликте и регионе свою точку зрения. С ее стороны было подтверждено и подчеркнуто, что залогом восстановления и успешной реализации режима прекращения огня, обеспечения гуманитарного доступа ко всем нуждавшимся в помощи являлось отмежевание отрядов «умеренной» оппозиции от боевиков «Джабгат фатх аш-Шам» и других аффилированных с ней террористических группировок. В этой связи требовалась соответствующая работа всех участников встречи с присутствовавшими в Сирии силами. При этом было необходимо понимать, что операции против террористов должны были быть продолжены [4].

Для облегчения трагического положения мирных жителей Алеппо Москва и Дамаск, проявив добрую волю, пошли на 8-часовое прекращение огня в Алеппо 18 октября 2016 г., чтобы дать горожанам возможность как следует подготовиться к выходу из блокированного боевиками города по гуманитарным коридорам, намеченному на 20 октября. Одновременно перед вооруженными отрядами оппозиции были вновь открыты два коридора, чтобы покинуть захваченные городские кварталы с личным оружием. Такое решение давало новые возможности для их размежевания с фанатичными террористами. Вскоре коридоры стали использоваться больными, ранеными и престарелыми, а также некоторыми боевиками. Это побудило Президента РФ В. В. Путина, по согласованию с сирийской стороной, дважды продлевать гуманитарную паузу.

Новые конструктивные шаги России и Сирии к политическому урегулированию кризиса вызвали весьма своеобразную реакцию сколоченной США антитеррористической коалиции: накануне гуманитарной паузы истребители ВВС Бельгии при дозаправке в воздухе от американского самолета, по выверенным данным российских военных, которые, тем не менее, бельгийская сторона стала неуклюже опровергать, нанесли удары по Алеппо и его окрестностям,

убив и ранив мирных жителей (*РБК, 19.10.16*). Тогда же три постоянных члена Совбеза ООН и примкнувшая к ним Украина, заблокировали российский проект заявления Совета по гуманитарной паузе в Алеппо. «Некоторые из наших друзей, – саркастически прокомментировал ситуацию В. И. Чуркин, – вновь показали свое истинное лицо».

Да и гуманитарную помощь страдавшему от экстремистов населению через открывшиеся коридоры, несмотря на все словесные заверения, на Западе оказывать не торопились. Слабую активность в решении этого жизненно важного вопроса проявляли и сотрудники ООН. «С сожалением приходится констатировать, – отметил в этой связи замминистра иностранных дел РФ Г. М. Гатиллов, – что в течение трех суток, объявленных режимом тишины, гуманитарные агентства ООН не смогли реализовать эту возможность и обеспечить вывод из восточной части Алеппо нуждающихся в помощи. При этом раньше нас заверяли в том, что ООНовцы будут готовы эвакуировать до 200 больных, и ради этого Россия пошла на то, чтобы ввести режим тишины. Вместе с тем, как выяснилось, такие планы не были реализованы» (*Интерфакс, 24.10.16*).

В дальнейшем структуры ООН демонстрировали свою неспособность воспользоваться режимом тишины, неоднократно продлевавшимся российской стороной, для эвакуации раненых и доставки гуманитарной помощи, ссылаясь на отсутствие «необходимых условий безопасности». Западные «доброхоты», охотно витийствуя о «варварстве российского медведя», не торопились пополнять бюджет ООН для гуманитарных операций в Сирии, для которых все тот же «медведь» создавал благоприятные условия. Его дефицит к концу октября 2016 г. достиг кругленькой суммы в 300 млн долл. США (*Известия, 24.10.16*). Зато с трибун неслись потоки клеветы и грубой лжи в адрес Москвы и Дамаска, обвинявших во всех мыслимых и немыслимых смертных грехах при подавлении террористов в Алеппо. Не отставал от таких хулителей борцов с экстремизмом и Совет по правам человека ООН, который на своей спецсессии принял британский проект резолюции, искажавший истинное положение дел и выгораживавший боевиков.

«Сирийское досье в СПЧ, – заявил российский постпред при Женевском отделении ООН А.Н. Бородавкин, – рассматривается уже пятый год, и оценки ситуации стараниями определенной группы

стран уходят всё дальше от реальности. Сегодняшняя сессия – яркий тому пример. Вместо того чтобы поддержать сирийское Правительство и народ в борьбе против международного терроризма, ее инициаторы стремятся вывести террористов из-под удара, спасти их от уничтожения, дать возможность перегруппировать силы и продолжить свои зверства на израненной сирийской земле». Правда колола глаза западным лицемерам и выступление российского постпреда на сессии было грубо прервано (РИАН, 21.10.16).

Двойственная позиция западной коалиции и ее региональных партнеров подвигла непримиримых боевиков отвергнуть предложение покинуть Алеппо. При покровительстве извне они продолжали обстреливать открытые коридоры, препятствуя выходу жителей и доставке гумпомощи, и по-прежнему использовали мирное население истерзанного города в качестве «живого щита». В результате таких подрывных действий были ранены три российских офицера, под обстрел попали также съемочные группы НТВ и RT. Как и в прошлом, боевики под руководством все той же переключившейся, но не утрачивавшей свой террористический и экстремистский нрав «ан-Нусры», «правившей бал» в Восточном Алеппо, использовали неоднократно продлевавшуюся Россией и Сирией гуманитарную паузу для активной перегруппировки, получения новых вооружений, нередко американского производства, в том числе ПЗРК и крупнокалиберных минометов для подготовки прорыва окружения.

При этом они активно пользовались попустительством внешних покровителей, прежде всего американских, которые открыто заявляли, что «ан-Нусра» не являлась целью ударов коалиции. «У нас возникают подозрения, – отметил в этой связи С. В. Лавров, – что есть осознанные линии на сохранение “Джабгат ан-нусры” в качестве наиболее боеспособной силы, которую кто-то хочет, наверное, использовать в конечном итоге для силового свержения режима в Дамаске». По его мнению, «это напрямую нарушает резолюции Совбеза ООН, которые принимались, прежде всего, на основе российско-американских инициатив» (РИАН, 21.10.16).

Положение осложнилось 17 октября 2016 г. с началом наступления иракских войск, курдского и шиитского ополчения при поддержке с воздуха западной коалиции на г. Мосул – оплот ИГ в соседнем Ираке. Оно порождало опасность перетекания боевиков на сирийскую территорию по указанию их главарей, а также наплывом беженцев из

числа жителей города (к середине ноября их число превысило 50 тыс. чел.), многих из которых экстремисты по своему варварскому обыкновению держали в заложниках в стремлении использовать их в качестве «живого щита», а желавших покинуть его, в том числе женщин и детей, безжалостно расстреливали сотнями. При этом на Западе по-прежнему не желали реагировать на такие зверства боевиков.

«Надеемся, – отметил в этой связи начальник российского Генштаба генерал армии В. В. Герасимов, – что наши партнеры из международной коалиции осознают, к чему приведут свободно кочующие крупные банды ИГИЛ в ближневосточном регионе. Поэтому необходимо не гонять террористов из одной страны в другую, а уничтожать их на месте» (РИАН, 19.10.16).

В результате саботажа боевиками, так и не отделенных, несмотря на многократные обещания США, от сил «умеренной оппозиции», очередной инициативы России и Сирии по прекращению огня и оказанию гуманитарной помощи остро нуждавшемуся в ней мирному населению бои в истерзанном Алеппо 23 октября возобновились с новой силой. Несмотря на это, российские и сирийские боевые самолеты воздерживались от полетов над городом в радиусе 10-километровой зоны, давая его жителям возможность бежать от войны через восемь открытых гуманитарных коридоров, работавших в круглосуточном режиме.

В конце октября 2016 г. боевики, перегруппировавшись и получив извне щедрую помощь вооружением, в надежде деблокировать своих поделщиков в Западном Алеппо воспользовались режимом тишины, строго соблюдавшимся сирийской и российской авиацией, и попытались перейти в контрастступление под шквальным огнем по жилым кварталам, школам и больницам города артиллерии и ракетных установок, а также начиненных взрывчаткой БПЛА и с использованием химического оружия. «США, – констатировал в этой связи С. Ф. Рудской, – не выполнили ни одного взятого на себя обязательства, и подконтрольные им вооруженные отряды после перегруппировки в одностороннем порядке возобновили боевые действия» (Интерфакс, 28.10.16). Тогда же экстремисты вновь обстреляли территорию российского Посольства в Дамаске, нанеся ему, к счастью, лишь материальный ущерб. Через несколько дней две мины, выпущенные боевиками, опять взорвались близ здания Посольства, оставив его на сей раз без повреждений.

Несмотря на такие наглые провокации, получившие наконец-то осуждение в Совбезе ООН, В. В. Путин, руководствуясь гуманными соображениями, отклонил предложение Минобороны РФ возобновить удары ВКС по позициям экстремистов, дабы дать возможность США все-таки выполнить свое давнее обещание отмежевать опекавшихся ими пресловутых «умеренных» оппозиционеров от террористов и сохранить открытыми коридоры для выхода мирных жителей и доставки им остро необходимой помощи.

По согласованию с властями Сирии 4 ноября в Алеппо была вновь установлена 10-часовая пауза для размежевания террористов и «умеренной» оппозиции, а также выхода мирного населения и боевиков по гуманитарным коридорам и доставки помощи. Джигадисты вновь сорвали российскую мирную инициативу, продолжили обстрелы и не позволили ни одному мирному жителю покинуть подконтрольные им городские кварталы.

А в это время коалиционная авиация, в том числе и американские стратегические бомбардировщики, продолжали запрещенные международным правом неизбирательные удары, жертвами которых часто становились мирные жители Мосула и его окрестностей.

В Белом доме заученно бубнили о том, что Россия своими действиями якобы затрудняла мифические американские усилия по поиску мирного решения конфликта в Сирии. Одновременно не стихала развязанная американцами в мировых СМИ яростная антироссийская информационная война, в ходе которой ее организаторы и вдохновители не гнушались ни клеветой, ни откровенной ложью, чтобы шельмовать Россию. В конце октября 2016 г. они, к примеру, обвинили Москву и Дамаск в нанесении «кровавых ударов» по школе в Идлибе, что на проверку оказалось, по словам М. В. Захаровой, враньем (*Первый канал, 29.10.16*). «Мы не знаем, – признался ничтоже сумняшеся представитель Белого дома Дж. Эрнест, – кто нанес удар – режим Асада или Россия. Но мы знаем, что это был кто-то из них двоих» (*РИАН, 27.10.16*).

К тому времени к антироссийской кампании активно подключились и спонсировавшиеся Западом НПО, на мировом информационном поле наряду с одиозной лондонской «Обсерваторией по правам человека» заработала еще одна «нейтральная» общественная организация – «Белые каски», активно снабжавшая масс-медиа однобокими и часто подтасованными данными о развитии ситуации в Алеппо.

Британская независимая журналистка В. Билли обнаружила, что этот новый поставщик компромата на Россию и Сирию находился на содержании спецслужб США, Великобритании и ряда других западноевропейских государств, упрямо выступавших за свержение режима Б. Асада. Она также выяснила, что «каска» тренировал в Турции британский офицер, повоевавший в Косово, Афганистане, Ираке и тесно связанный с частной охранной организацией «Blackwater», представлявшей услуги ЦРУ и печально прославившейся своими бесчинствами в Ираке (*Первый канал, 27.10.16*).

Одновременно активно разрабатывалась и прежняя тема химоружия, в применении которого Запад по-прежнему голословно обвинял Дамаск, как бы не замечая многочисленные задокументированные случаи использования этого смертоносного оружия джихадистами. К концу октября 2016 г. появился четвертый заключительный доклад Совместного механизма ОЗХО и ООН по расследованию химатак, содержащий, как и предыдущие, предвзятые и необоснованные выводы, разночтения и нестыковки, обходивший стороной очевидные и доказанные случаи применения такого запрещенного международным правом оружия боевиками, в Алеппо, в частности. «К сожалению, – отметил в этой связи директор Департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД РФ М. И. Ульянов, – приходится констатировать, что сирийское химическое досье усилиями ряда стран превращается в инструмент геополитики с негодными целями» (*ТАСС, 27.10.16*).

Провокационные информационные вбросы были нацелены на то, чтобы отвлечь внимание мировой общественности от реальных нарушений международного права, совершавшихся США и их союзниками в Сирии и Ираке.

В ответ на пропагандистские выпады Минобороны РФ передало американским коллегам строго задокументированные свидетельства неизбирательности ударов коалиции по иракскому Мосулу, в результате которых только с 21 по 23 октября погибли более 60 мирных жителей и более 200 получили ранения (*Первый канал, 29.10.16*).

И. Е. Конашенков в начале ноября 2016 г. отметил «радикальные отличия» ситуации в Алеппо и операции по штурму Мосула. По его словам, к тому времени в Алеппо более двух недель вообще не работала российская и сирийская авиация. «Кроме того, – заявил генерал-майор, – в Алеппо Россией и сирийскими властями развернуты шесть

гуманитарных коридоров с пунктами горячего питания и медицинской помощи, по которым готовы, но из-за минирования подходов и обстрелов боевиками, не могут выйти мирные жители». «В Мосуле, – продолжал он, – мы слышим о надвигающемся “штурме” городских кварталов, населенных мирными жителями с туманными, но крайне тревожными из-за массовых жертв последствиями. При этом ни о каких гуманитарных коридорах даже речи не идет, словно миллионный город населяют одни террористы». Представитель военного ведомства России отметил, что в Алеппо «во избежание напрасного кровопролития и, кстати, по просьбе американской стороны», оставались открытыми два специальных коридора для безопасного выхода из города боевиков с техникой и оружием в другие районы Сирии. Коалиция заявляла о «железном кольце» окружения для последующего уничтожения находившихся в Мосуле боевиков. Наконец, по словам И. Е. Конашенкова, в Алеппо находились и работали представители ООН, «Красного полумесяца», других международных организаций, а также журналисты. «В Мосуле же, по странному стечению обстоятельств, – сообщил он, – нет ни журналистов, ни активистов, ни волонтеров “белых” или иных радужных оттенков “касок”. Никого. Поэтому все, что могут себе позволить транслировать американские и европейские телеканалы – это бодрые цензурированные доклады о необычайных успехах коалиции и грядущей великой победе над террористами, не подтвержденные реальными съемками» (*РИАН, ТАСС, Интерфакс, 01.11.16*).

По данным Минобороны РФ, в результате штурма в Мосуле ежедневно гибло до 40 мирных жителей, которых исламисты повсеместно использовали в качестве «живого щита». Число беженцев из осажденного города к началу ноября 2016 г. превысило 20 тыс. человек (*Первый канал, 07.11.16*).

Реакции американцев на представленные неоспоримые факты допущенных ими грубых нарушений международной законности и тем более их объективного расследования, как и можно было ожидать, не последовало. Представитель госдепа Дж. Кирби, к примеру, 1 ноября 2016 г., не моргнув глазом, заявил, что его ведомство не располагало информацией о жертвах среди мирного населения при операции по освобождению Мосула (*РИАН, 01.11.16*). И это при ежедневных 25 бомбардировках и ракетных ударах коалиционной авиации по осажденному городу.

Одновременно российская сторона распространила по каналам ООН составленный на основе данных объективного наблюдения «Перечень военных преступлений США и их союзников в Сирии», который убедительно свидетельствовал о том, что самолеты коалиции с октября 2015 г. наносили в САР удары по гражданской инфраструктуре и медицинским учреждениям, что приводило к массовой гибели мирных граждан (*РИАН, 28.10.16*).

Тогда же в Совбезе ООН, на площадках ООН не только в Нью-Йорке, но и в Женеве, среди соответствующих органов и структур этой Организации был распространен подготовленный в Москве объемный «Сравнительный анализ выполнения российско-американских договоренностей», в котором приводились все факты реализации российской стороной своих обязательств по договоренностям с США и невыполнения оных американцами (*Интерфакс, 27.10.16*).

Несмотря на представленные весомые и неопровержимые доказательства виновности США в военных преступлениях в Сирии и Ираке информационный прессинг на Россию в западных и некоторых региональных СМИ продолжался. При этом, критикуя действия России и Сирии по «выкорчевыванию» террористов из Алеппо под лицемерным предлогом «защиты мирного населения», Запад забывал о нем, нанося смертоносные неизбежные удары по Мосулу.

Признавая устами Дж. Керри, что «ситуация в Сирии – крупнейшая со времен Второй мировой войны гуманитарная катастрофа», американцы не делали практически ничего, чтобы облегчить страдания мирного населения САР, а их продолжавшаяся поддержка «умеренной» оппозиции лишь способствовала консервации этой катастрофы. Так, к примеру, *The Washington Post* в конце октября 2016 г. поведала читателям о существовании в администрации Б. Обамы вопреки ее официальным опровержениям пресловутого плана Б, согласно которому в дополнение к многолетней программе ЦРУ по подготовке и вооружению сирийских оппозиционеров на базах в Иордании и Турции (10 тыс. боевиков за три года) американское вооружение, в том числе и средства ПВО, могли быть переданы повстанцам в случае неудачи поисков политического урегулирования. Единственными сдерживавшими факторами для реализации этого подрывного плана, по мнению газеты, было присутствие в Сирии российских ВКС и угроза конфронтации с Москвой в случае применения поставленного оружия (*НТВ, 24.10.16*).

В первой декаде ноября 2016 г. в Сирии возник еще один очаг напряженности: курдские вооруженные формирования и мятежники под руководством американских советников и инструкторов при поддержке с воздуха коалиционной авиации, не спрашивая согласия Дамаска, приступили к штурму Ракки, объявленной исламистами столицей «халифата».

В ответ на дестабилизирующие действия США и их партнеров Россия, думая о будущем, предложила мировому сообществу поразмышлять о восстановлении совместными усилиями государственности и экономики стран региона, пострадавших от вмешательства извне и террористов. «Колоссальный масштаб разрушений, – отметил В. В. Путин, выступая в конце октября 2016 г. на пленарном заседании Международного дискуссионного клуба “Валдай”, – требует сегодня выработки долгосрочной и комплексной программы, если хотите, своего рода “план Маршалла” для возрождения этого истерзанного войнами и конфликтами региона. И Россия, конечно, готова принять активное участие в такой совместной работе» (*Интерфакс, 27.10.16*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Официальный сайт МИД РФ. – URL: [http:// www.mid.ru](http://www.mid.ru) 26.09.16
2. Официальный сайт МИД РФ. – URL: [http:// www.mid.ru](http://www.mid.ru) 30.09.16
3. Официальный сайт МИД РФ. – URL: [http:// www.mid.ru](http://www.mid.ru) 04.10.16
4. Официальный сайт МИД РФ. – URL: [http:// www.mid.ru](http://www.mid.ru) 16.10.16

УДК 327.35

А. И. Емельянов, Д. А. Семенова

Емельянов А. И., кандидат политических наук, доцент кафедры политологии ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: anton.politolog@ya.ru

Семенова Д. А., магистр кафедры политологии ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: lavalive@gmail.com

ГЕНЕЗИС ТЕОЛОГИИ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Статья посвящена исследованию зарождения и развития такого феномена политической жизни, как «теология освобождения». В данной работе изложены основные причины, способствующие появлению движения, рассматривается процесс его закрепления и развития. Авторы излагают данную теологическую доктрину как одну из форм модернизации общества, уделяя особое внимание ее распространению и проявлению в странах Латинской Америки.

Ключевые слова: теология освобождения; политика; политология; Латинская Америка; религия; католическая церковь; модернизация.

Emelianov A. I.

Ph. D. (Political Sciences), Associate Professor, Department of Political Sciences, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU; e-mail: anton.politolog@ya.ru

Semenova D. A.

Master Student, Department of Political Sciences, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU; e-mail: lavalive@gmail.com

GENESIS OF THE LIBERATION THEOLOGY

This article is devoted to the analysis of the origin and development of such phenomenon of political life as “liberation theology”. This article investigates the main reasons that lead to the emerging of this movement, the process of its consolidation and development. The authors consider this theological doctrine as a form of social modernization, paying special attention to the way it manifests and extends in Latin America.

Key words: liberation theology; Latin America; social and political reforms; church; modernization.

XX век был отмечен резким переходом от привычного миропорядка, сопровождавшегося резкой сменой политико-экономических и социально-политических моделей во многих странах мира. Эти преобразования не могли не отразиться и на духовной сфере, которая оказывает большое влияние на общественные настроения, политическую

психологию и политическую идеологию. Так, объектом воздействия указанных процессов стала церковь, которая, стремясь соответствовать требованиям времени, вышла с новой революционной идеей – христианской школой, которой в будущем суждено стать одной из политических доктрин. Большой интерес для политической науки представляют эти процессы в странах Латинской Америки, в которых параллельно шло развитие цивилизационной самоидентификации.

Теология освобождения активно распространилась в нескольких странах Латинской Америки в 1970–1980-х гг., представляя собой оригинальное теологическое течение, ставшее широким социальным движением, оказавшим влияние на политическую жизнь региона. Данному процессу способствовала ситуация в обществе. В конце 1950-х гг. в Бразилии активизировалась деятельность местных, так называемых первичных общин, выступавших за реформацию в духовной сфере. Первые шаги в этой области были сделаны бразильским психологом-педагогом Паулу Фрейре, работающим в области народного образования, которое включало в себя идеи марксизма и теории противостояния колониализму. В результате им был разработан новый метод ликвидации безграмотности в процессе само совершенствования и развития сознания [8].

Влияние на формирование новой идеологии оказали труды европейских священников-рабочих. Так, французский кардинал Эммануэль Сюар основал «Французскую миссию», позволяя священникам работать на фабриках, чтобы быть в кругу рабочего класса для продвижения своих идей в народные массы. Среди наиболее ярких примеров этого движения были представитель Доминиканского ордена Жак Лёв (*фр.* Jacques Loew) и священник Мишель Фавро. Подобная инициатива, исходившая от церковных служащих, не может не говорить о необходимости перемен при работе с прихожанами и привлечения масс в ряды католиков по всему миру. Несмотря на свою перспективность, данная инициатива монашеских орденов не была поддержана понтификом. В 1954 г. Папа Пий XII призвал всех рабочих священников вернуться к своей пасторской работе в приходах, ограничившись работой среди своих религиозных общин [8].

Феномен возникновения теологии освобождения является интересным с политической точки зрения. Как уже говорилось выше, стремясь адаптироваться к новым социальным и политическим требованиям времени, можно говорить о ней как о новом витке политической

модернизации. В странах Западной Европы модернизация повсеместно способствовала ослаблению деятельности церкви: здесь традиционные религиозные формы и ценности постепенно были вытеснены светскими социально-политическими ценностями. В результате политическая наука, говоря о модернизации, чаще всего подразумевает рыночную экономику, распространение демократических ценностей и секуляризацию общества [3, с. 136].

Позже политологи стали обращать внимание на то, что в некоторых странах модернизация сопровождалась ростом религиозности общества и увеличением присутствия религиозных деятелей в политическом процессе. Примером могут послужить страны с преобладанием ислама (Турция, Тунис, Египет), конфуцианства (Китай) и индуистской традиций (Индия) [1, с. 13]. В них модернизация проходила с опорой на систему традиционных, в том числе и религиозных, ценностей, что естественно привело к укреплению влияния теологических концепций на светскую жизнь.

Включенность религии в политический процесс и ее политизация является одной из основных тенденций развития. Это приводит к тому, что ряд функций религии как социального института трансформируется в политические, в то время как политические институты активно используют систему религиозных ценностей. Таким образом, религия и церковь выступают в качестве политического института.

Появление и распространение течения теологии освобождения пришлось в Латинской Америке на определенный исторический этап. В течение нескольких столетий Латинская Америка не имела своей религиозной доктрины. На смену доколумбовым верованиям пришло католичество, которое, несмотря на свою популярность, не смогло дать национальной идеи жителям Нового света. В связи с этим следует заметить, что страны Латинской Америки всегда перенимали европейские варианты теологических доктрин. В этом выражается зависимость государств Латинской Америки от развитых стран Европы и США, которая была не только политической и экономической, но также церковной и теологической.

Исторически католическая церковь в Латинской Америке всегда поддерживала имущие классы и аристократию, но, поняв, что данная политика не дает положительных результатов, а европейский опыт не жизнеспособен в условиях Латинской Америки, теологи начали задумываться над социально ориентированной теорией,

более подходящей для условий данного континента. Как подчеркивал К. Шмитт, «католическую церковь уже тысячу раз попрекали тем, насколько различны партии и правительства, с которыми она вступала в коалицию в разных странах» [9, с. 102]. В результате произошел раскол церкви на три основные группы. Первую составили консерваторы, придерживающиеся уже существующих порядков и находящиеся в согласии с правящими слоями общества, которые, прежде всего, пытались сохранить свое положение ради личной выгоды и влияния. Вторую – умеренные силы, видящие необходимость проведения некоторых социальных реформ; в третью вошли реформаторы, выступающие за передел и социальное реформирование церкви.

Большинство основателей теологии освобождения обучались в крупнейших теологических центрах Европы (Италии, Германии), а также в США, были хорошо знакомы с европейской философией, с теологией, имеющей политическую окраску, – «теологией революции», «теологией надежды», «политической теологией».

Решающим фактором в формировании теологии освобождения стал подготовленный модернистской оппозицией II Ватиканский Собор, созданный по инициативе «красного Папы» Иоанна XXIII 11 октября 1962 г. и завершившийся при Папе Павле VI 8 декабря 1965 г. На Соборе была выдвинута новая доктрина Католической церкви, радикально модернизированная в соответствии со «знаками времени», первые отголоски которых возникли в католицизме еще в первой половине XIX в., представлявшие собой модернистские течения с коллективистским социалистическим оттенком. Целью II Ватиканского собора, по словам Иоанна XXIII, было «развитие католической веры, обновление (aggiornamento) христианской жизни, приспособление церковной дисциплины к нуждам и обычаям нашего времени, т. е. создание церкви, открытой миру» [4, с. 256].

Еще одним толчком к укреплению позиций «Теологии освобождения» стала Вторая конференция СЕЛАМ (Латиноамериканского епископального совета), состоявшаяся в 1968 г. в г. Медельин (Колумбия) и ознаменовавшаяся заметным «полевением» латиноамериканской ветви католической церкви. Такие преобразования объясняются тем, что церковь не могла закрывать глаза на стремления народа покончить с социальным неравенством и достичь экономического достатка.

Итак, благодаря этой череде событий, религия стала не только более социально ориентирована, но и, как следствие, политизирована. Сама по себе религия имеет интеграционную функцию, которая помогает мобилизовать общество на решение различных проблем. Потенциал политизации религии может проявляться различными способами, такими как участие религиозных организаций в освободительной борьбе за свободу и независимость своего народа, в политической модернизации общества, в деятельности законодательных и исполнительных органов власти, в избирательных кампаниях.

Так, социально-политические доктрины католической церкви способствовали развитию народной демократии в странах Латинской Америки, что, в свою очередь, дало толчок формированию оппозиционного лагеря к деятельности США. Стоит отметить, что европейские страны, потерявшие контроль над латиноамериканским регионом, не теряя надежды сохранить над странами Южной и Центральной Америки экономический и духовный контроль, старались использовать новое религиозное движение для удовлетворения своих национальных интересов в регионе, подчеркивая культурную и духовную близость Европы и Латинской Америки.

Страны Латинской Америки в попытках противостоять внешнему давлению и вмешательству во внутренние дела стран континента вырабатывали собственную национальную политическую доктрину, и, как это представляется очевидным, эти стремления нашли отклик в духовной сфере, а также в виде активного участия стран региона в движении неприсоединения. Теология освобождения сыграла немаловажную роль в формировании демократических институтов в Латинской Америке. Густаво Гутьеррес, один из идеологов теологии освобождения, отмечал, что именно священнослужители приняли активное участие в модернизации социально-политической сферы латиноамериканского общества: они активно выступали против существующего строя, принимали участие в политической вооруженной борьбе [11].

Важно отметить влияние, которое оказал и другой теоретик и идеолог теологии освобождения, колумбийский католический священник Камило Торрес. Вначале он стремился к созданию независимого массового движения для «установления народовластия» и построения социализма. Увидев, что легальная деятельность неэффективна, он ушел в подполье, присоединился к партизанам из Армии национального

освобождения (ELN – Ejército de Liberación Nacional). Торрес стал врачом партизан, причем как телесным, так и «духовным». Он обучал детей, переводил тексты Мао, Ленина и Кастро, которые пользовались популярностью среди латиноамериканцев и зарождали в них чувство национальной гордости, а также стремление к интернационализации их борьбы с олигархическими режимами региона. По этому поводу в 1965 г. Торрес писал: «Мой долг как священника – сделать все, чтобы люди встретились с Богом, а для этого самый эффективный путь – сделать так, чтобы люди служили народу по совести. Я не стремлюсь агитировать своих братьев-коммунистов, пытаюсь побудить их принять христианское учение и практиковать церковный культ. Но я требую, чтобы все люди действовали по совести» [2]. Его дело продолжил католический священник Мануэль Перес Мартинес, который также присоединился к Армии национального освобождения.

Следует отметить, что уже в тот момент большая часть всех католиков проживала в Латинской Америке. Таким образом, латиноамериканский регион уже во второй половине XX в. становился новым ядром католического мира. Обращение партизан к христианству способствовало массовому притоку в армию новых бойцов и это при том, что параллельно с христианством вооруженные формирования исповедовали также и марксизм.

Отдельно стоит отметить деятельность одного из самых авторитетных идеологов теологии освобождения, которым считается перуанский священник-доминиканец Густав Гутьеррес. Именно он в 1971 г. впервые использовал термин «теология освобождения». Среди всех опубликованных работ одной из наиболее известных является «Теология освобождения», написанная в 1972 г., в которой он изложил представление о том, что «христианская любовь побуждает к солидарности с бедными и к протесту, направленному на освобождение от угнетения» [12].

На цитатах из Писания и исторических примерах Гутьеррес доказывал взаимообусловленность двух начал – спасения души и непримиримой борьбы за земную справедливость. «Теология освобождения» завоевывала умы не только крестьян, которые сочувствовали партизанам, но и столичные университеты. Оставаясь священником, Гутьеррес был признан интеллектуальным наследником марксистского философа Луи Альтюссера.

В заключение важно подчеркнуть, что теология освобождения не является религией в чистом виде, так как содержит в себе довольно большой «светский» элемент. Представляя собой относительно новое политическое течение, теология освобождения соединила в себе не только духовную составляющую, важную для людей, живущих за чертой бедности, чьи социальные и экономические права не защищены, но и предложила социальные и политические изменения, которых все так ждут, идеалы равенства и освобождения от угнетения. Именно эти характеристики и позволили теологии освобождения получить широкое распространение и влияние.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белозеров В. К.* Особенности геополитической картины современного мира // Россия и мусульманский мир. – 2013. – № 1. – С. 11–16.
2. *Дринова Е. М.* Конфессиональная геополитика: политические процессы в религии. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010. – 338 с.
3. *Дринова Е. М.* Модернизация и три стадии политизации религии // Электронный журнал «Вестник МГОУ». – 2015. – № 1. – С. 135–139.
4. *Калиниченко Е. В., Пономарёв В. П., Пучкин Д. Э., Тюшагин В. В.* Второй Ватиканский Собор // Православная энциклопедия. Т. VII. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2004. – 659 с.
5. *Касюк А. Я., Харичкин И. К.* Внешние угрозы национальной безопасности Российской Федерации и перспективы их нейтрализации // Вестник Московского государственного университета. – 2015. – № 1. – С. 25–34.
6. *Ледяев В. Г.* Власть, авторитет и господство в России: основные характеристики и формы // Политическая концептология. – 2009. – № 4. – С. 61–84.
7. *Станкевич Г. В.* Религиозный фактор современного политического процесса: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – Пятигорск, 2012. – 52 с.
8. *Фрейре П.* Образование как практика освобождения. – URL: http://prosv.ru/ebooks/best_pdf/paul_freire.pdf
9. *Шмидт К.* Политическая теология. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. – 336 с.
10. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование общества. Сравнительное изучение цивилизации. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 416 с.
11. *Gutierrez G.* A theology of liberation: history, politics and salvation. – N. Y.: Orbis, 1973.
12. *Inglehart R., Welzel G.* Modernization Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence. – Cambridge, 2005. – 344 p.

УДК 327.8

Ю. Г. Жеглова

кандидат политических наук, заведующая кафедрой связей с общественностью ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: yzheglova@yandex.ru

ОГРАНИЧЕННОСТЬ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИМИДЖА ГОСУДАРСТВА КАК ИНСТРУМЕНТА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

В статье поднимается вопрос о том, что практика предъявляет требование пересмотра роли имиджа государства как инструмента внешней политики. Автор изучает понятие имиджа государства и приходит к выводу о необходимости дальнейшего его уточнения и пересмотра взглядов на значимость имиджа государства, особенно в условиях крайнего обострения информационной войны.

Ключевые слова: «мягкая сила»; имидж государства; внешняя политика; информационная война; политический маркетинг.

Жеглова Ю. Г.

Ph. D. (Political Science), Head of the Department of Public Relations, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU;
e-mail: yzheglova@yandex.ru

ОГРАНИЧЕННОСТЬ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИМИДЖА ГОСУДАРСТВА КАК ИНСТРУМЕНТА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Reality, states the author, makes it necessary to review state image's role as a foreign policy tool. Having studied the very notion of state image, the researcher arrives at the conclusions that this notion should be specified and its role as foreign policy tool shouldn't be overstated, especially at the height of information war.

Key words: soft power; state image; foreign policy; information war; political marketing.

Международно-политическая реальность подтверждает многие констатации и прогнозы, заложенные в утвержденной в 2013 г. Концепции внешней политики Российской Федерации. В частности, о том, что «на передний план выдвигаются, наряду с военной мощью, такие важные факторы влияния государства на международную политику, как экономические, правовые, научно-технические, экологические, демографические и информационные» [4]. К инструментам реализации, упомянутым в этом ряду последними, но не последними по значимости информационно-коммуникативными факторами, относится имидж государства.

Имидж в целом в научном дискурсе понимается и описывается как конструкт, позволяющий приблизить реальный образ объекта к желаемому или идеальному. При всем многообразии определений имиджа в каждом из многих их десятков так или иначе отображены четыре его объективно важнейших признака. Первый – это его очевидная связь с реальным прототипом и даже опора на него. Второй – нетождественность имиджа и прототипа, что представляется также не требующим отдельного доказательства. Хотя бы потому, что в случае тождественности имиджа и прототипа необходимости в имидже как в лишенной самостоятельного содержания сущности просто не было бы. Третий признак – инструментальный характер имиджа, поскольку он рассматривается специалистами в большей степени именно как инструмент, причем многофункциональный. И, наконец, признак номер четыре – основанность имиджа на стереотипах. Из этого следует высокая степень устойчивости уже сформировавшегося имиджа, его резистентность по отношению к попыткам полного пересмотра или модификации.

Вопрос о понимании сущности имиджа государства представляется – при столь же многочисленных попытках предложить формулировки его понимания – несколько менее систематизированным. Прежде всего, водораздел проходит по линии разграничения между имиджем государства и страны. Так, И. В. Лябухов считает необходимым их развести, видя между ними принципиальные различия: «Имидж страны представляет собой актуальный образ, формирующийся в течение достаточно длительного периода времени на основе условно-статичных характеристик – географического положения, климатических особенностей, этнического и религиозного состава населения и пр. В противоположность этому имидж государства формируется в сравнительно более короткий временной период и обладает большими возможностями трансформации, основываясь преимущественно на условно-динамичных характеристиках, таких как политико-правовая система, уровень развития экономики, степень развития демократических институтов и т. п.» [5]. А. В. Федякин также отмечает различия между понятиями имиджа страны и государства: «Часто имеют место ситуации несовпадения интересов и ценностей государства и народа, что приводит к противопоставлению образа государства и образа родины-страны, особенно характерное для российской политической традиции» [12].

Многочисленную группу определений имиджа страны/государства можно в этом смысле назвать группой компромиссных формулировок. К ним, например, относится понимание, сформулированное Ю. В. Быбой, которая рассматривает имидж государства как «комплексное стереотипизированное представление о государстве, основанное на объективных характеристиках государства с учетом исторических особенностей его развития, сформированное с помощью мифологизации и информационно-коммуникативных технологий, опосредованное коллективным опытом народа» [1].

Сложности также возникают с составлением типологии имиджей государства. Как правило критерием при решении этой задачи выступает направленность имиджа – внутрь или вовне государства и сфера функционирования. Исходя из этого выделяют, например, политический, туристический, экономический, культурный, образовательный имиджи. Предметом исследований является также международный имидж, который функционирует на международной арене и определяется, например, Э. А. Галумовым как «комплекс объективных взаимосвязанных между собой характеристик государственной системы (экономических, географических, национальных, культурных, демографических и т. д.), сформировавшихся в процессе эволюционного развития российской государственности как сложной многофакторной подсистемы мирового устройства, эффективность взаимодействия звеньев которой определяет тенденции социально-экономических, общественно-политических, национально-конфессиональных и иных процессов в стране. Это база, определяющая, какую репутацию приобретет страна в сознании мировой общественности в результате тех или иных действий ее субъектов, взаимодействующих с внешним миром» [2].

Обращает на себя внимание определение имиджа – виртуально-го конструкта – через комплекс реальных характеристик, что особых возражений не вызывает, но всё же требует уточнения. Также терминологически не до конца выдержанной выглядит увязка именно в таком контексте имиджа с репутацией. Кроме того, из этого определения вытекает, что международный имидж является многосоставным, практически поглощающим другие имиджи государства.

В данных обстоятельствах выглядит небесполезным расширение набора критериев для классификации имиджей, в частности учета

критерия целевой аудитории. За счет расширения в исследовательских и практических целях удастся развести, например, понятия международного и внешнеполитического имиджа государства, т. е. сузить предмет исследований и конкретизировать практические задачи.

При введении этого критерия можно было бы четче соотнести понятия международного и внешнеполитического имиджа как более специфического. При этом под внешнеполитическим имиджем логично было бы понимать функционирующий во внешнеполитическом сегменте информационно-политического пространства стереотипизированный когнитивно-эмоциональный инструментальный образ государства в связи с его внешнеполитической деятельностью в сознании активной и информированной общественности, а также представителей внешнеполитического руководства в других странах и в международных организациях.

Таким образом, внешнеполитический имидж видится как адекватно направленный инструмент информационно-коммуникативного воздействия – не на широкое общественное мнение, как в случае международного имиджа, а на узкую и играющую решающую роль целевую аудиторию. Эта трактовка внешнеполитического имиджа позволяет на практике выделить специфические каналы и формы политической и личной коммуникации, провести тонкую настройку контента, системы тезисов и аргументов с целью максимально убедительного донесения собственной позиции по вопросам внешнеполитической повестки дня. Только таким образом понимаемый и используемый внешнеполитический имидж государства смог бы эффективно выполнять функцию информационной поддержки внешней политики Российской Федерации.

Это тем более актуально в ситуации, которая в российских доктринальных документах еще в 2013 г. справедливо описана следующим образом: «Возрастает конкуренция вокруг распределения стратегических ресурсов, которая лихорадит сырьевые биржи и рынки. Качественные трансформации происходят в энергетической сфере, что связано, в том числе, с использованием инновационных технологий добычи трудноизвлекаемых запасов углеводородов. В то время, когда для обеспечения экономической безопасности государств всё больше требуется диверсификация их присутствия на мировых рынках, наблюдается ужесточение необоснованных ограничений и других дискриминационных мер» [4]. В настоящее время, когда

дискриминационные меры в отношении Российской Федерации стали постоянными, более чем справедливым представляется положение Н. Н. Медведевой о том, «внешнеполитический аспект государственного имиджа в общем виде – это инструмент решения конкурентных задач» [6].

По сути мы говорим о настоятельной потребности сконцентрироваться на такой имиджевой политике, которая могла бы быть реально эффективной в условиях донельзя обострившейся геополитической конкуренции и информационного противоборства, благодаря точечным выверенным действиям – в противовес политике «стрельбы по площадям» с использованием при этом, по большей части, технологий политического маркетинга.

Здесь уместно опереться на теорию «коммуникативного действия», автором которой является Ю. Хабермас [13]. Коммуникативное действие, согласно Ю. Хабермасу, является совместным действием, предпринятым акторами по результатам дискуссии. Целью коммуникативного действия является не доминирование, а поиск решения, которое будет признано истинным обеими сторонами. Коммуникативное действие основано на коммуникативной рациональности, которая противопоставляется Ю. Хабермасом инструментальной, нормативной и драматургической рациональности.

Если «приземлить» и актуализировать теорию Ю. Хабермаса, то примерами коммуникативного действия можно считать активность учрежденного в 2004 г. международного дискуссионного клуба «Валдай», экономические, инвестиционные форумы, как бы ни было в сложившихся условиях обеспечивать их репрезентативность, а также статьи знаковых политиков, публикация экспертных мнений, активизация работы пресс-представителей таких ведомств, как Министерство обороны и иностранных дел, представителей, например, Совета национальной безопасности РФ, работу по дипломатическим каналам и неформальные контакты представителей аналитических центров. Важно, что это контакты и имиджевая работа по линии *peer to peer*, т. е. между равными по уровню квалификации, подготовленности, положению в истеблишменте и принципиальным подходам к оценке действительности контрагентами. Имиджевая работа в контексте теории коммуникативного действия позволяет повышать информированность международных контрагентов о реальной российской внешней политике и позициях Российской Федерации, демонстрировать ее

логичность, а также упорство и твердость в ее реализации. Так создаются условия для того, чтобы если не менять, то корректировать представление о России и ее внешней политике, т. е. модифицировать ее внешнеполитический имидж. И уже такая корректировка может вылиться в принятие более адекватных, более соответствующих национальным интересам РФ решений. Именно это и является, в конечном итоге, целью имиджевой работы, именно таким образом реализуется его функция как инструмента конкуренции, мультипликатора эффективности внешней политики РФ.

Работа на обобщенный «международный имидж», надо признать, не способна привести к осязаемым и, главное, устойчивым результатам. По итогам восьми лет наблюдений и социологических исследований в разных странах один из родоначальников маркетингового подхода к продвижению стран и территорий, автор концепции национального бренда, известный консультант, теоретик и практик С. Анхольт в 2013 г., выступая в ходе дискуссий уже упоминавшегося клуба «Валдай», констатировал: «Исследование снабдило нас удивительной информацией, важной для понимания того, что люди думают о других странах и почему они так думают. Один из главных итогов – восприятие людьми других стран [с течением времени] не изменяется очень сильно или очень быстро: большинство из нас, судя по всему, имеют довольно застывшее мнение относительно других наций, и мы предпочитаем не менять его. Проводя опросы, мы не обнаружили никаких свидетельств того, что попытки намеренно манипулировать имиджем той или иной страны дают хоть какой-то эффект: нет никакой взаимосвязи между тем, сколько денег или усилий потрачено той или иной страной на продвижение своего национального имиджа, и тем, что в итоге обычные люди думают о данной стране» [7].

Эффективность традиционной деятельности по продвижению международного имиджа (например, 7-дневный фестиваль «Русская масленица» в Лондоне) стремится к нулю особенно в ситуации обострения во внешнеполитической и информационной сферах. Косвенным, но убедительным свидетельством этого стало принятое в России в 2015 г. решение отказаться от PR-деятельности в попытке улучшить имидж страны в мире. В частности, было прекращено сотрудничество с американской PR-компанией Ketchum, в задачи которой входило имиджевое продвижение России на Западе. Об этом решении

объявил пресс-секретарь Президента РФ Д. Песков, сказавший, что в такой обстановке имиджевыми проектами заниматься вряд ли целесообразно. «Нынешняя ситуация информационной истерии и фактически информационной войны против России вряд ли способствует активизации имиджевых усилий», – констатировал, обобщая полученный практический опыт, Д. Песков [4]. Таким образом, эта работа была заморожена до лучших времен, приближения которых можно и нужно добиваться, в том числе и концентрируя усилия на более узком направлении.

Вместе с тем, отмечал пресс-секретарь Президента РФ, Москва продолжит «аргументированно и последовательно разъяснять свою позицию по самым различным вопросам и аспектам внутренней и внешней политики». Со временем возможно и продолжение взаимодействия и с глобальными коммуникационными компаниями [9; 10]. То есть имиджевая работа, направленная на широкие и диверсифицированные международные целевые аудитории традиционными, установленными практикой средствами, может быть эффективной в благоприятных для нее общих условиях, вне обострения геополитического противостояния и сопровождающего его информационного противоборства. В этих условиях она может выполнять в лучшем случае ограниченную функцию.

Примечательно, что, комментируя уже позднее антироссийские санкции, Д. Песков заявлял, среди прочего, что «нужно сделать так, чтобы экономика была конкурентоспособной и участвовала в глобальной конкуренции» [11]. Эта мысль представляется релевантной и по отношению к имиджевой работе, имея прямой выход на концепцию «мягкой силы» (или «гибкой силы», «мягкого влияния», «несиловой мощи» и т. д.) [8]. При отсутствии консолидированной трактовки самой концепции и возможностей ее применения в интересах России налицо понимание того, что «мягкая сила» – стратегия привлечения симпатий к государству на основе привлекательности его реальных дел. Это означает, что одним из факторов «мягкой силы» является, в том числе, устойчиво развивающаяся экономика, а равно и реальная внешняя политика, информацию о которой необходимо систематически доводить до релевантных целевых аудиторий. И эти основания «мягкой силы» перевешивают по значимости нуждающиеся в корректировке имиджевые технологии, включая технологии странового брендинга,

продемонстрировавшего невысокую эффективность в «мирное время» и вовсе не реализуемые в условиях информационного противоборства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Быба Ю. В.* Имидж современного российского государства: состояние и перспективы формирования: дис. ... канд. полит. наук. – М., 2008. – 79 с.
2. *Галумов Э. А.* Международный имидж России: стратегия формирования. – М.: Известия, 2003. – С. 12.
3. Концепция внешней политики Российской Федерации: от 12 февраля 2013 г. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/2/25.html>.
4. *Латухина К.* Кремль отказался от услуг PR-агентства Ketchum // Российская газета, 12 марта, 2015. – URL: <https://rg.ru/2015/03/12/agentstvo-site-anons.html>
5. *Лябухов И. В.* Государственная политика по формированию имиджа Российской Федерации на международной арене: дис. ... канд. полит. наук. – Барнаул, 2011. – 93 с.
6. *Медведева Н. Н.* Внешнеполитический имидж России в контексте развития отношений с Европейским Союзом: дис. ... канд. полит. наук. – М., 2008. – 220 с.
7. Международный имидж России. Почему он важен // РИА Новости, 15 сентября, 2013. – URL: <https://news.rambler.ru/economics/21124883-mezhhdunarodnyu-imidzh-rossii-pochemu-on-vazhen/>.
8. *Паришин П. Б.* Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России / Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России: Аналитические доклады. – Вып. 1 (36). – 2013. – URL: <http://ehd.mgimo.ru/IORManagerMgimo/file?id=B1031D15-3AB9-EE66-9A7E-779AF76736C3>
9. *Песков:* сотрудничество с пиар-компанией Ketchum окончено // Русская служба BBC, 2015. – URL: http://www.bbc.com/russian/rolling_news/2015/03/150312_rn_ketchum_russia_pr
10. *Песков* подтвердил отказ Кремля от услуг пиар-агентства Ketchum, 12 марта 2015. – URL: <http://polit.ru/news/2015/03/12/ketchum/>
11. *Песков:* российская экономика должна участвовать в глобальной конкуренции // Финмаркет, 28 марта 2016. – URL: <http://www.finmarket.ru/news/4248199>
12. *Федякин А. В.* Политика формирования позитивного образа Российского государства (теоретико-методологические и прикладные аспекты политологического анализа): автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2010. – 50 с.
13. *Habermas J.* The Theory of Communicative Action. – Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society, 1984. – Boston : Beacon Press. – 277 p.

УДК 327.35

Л. И. Кравченко

эксперт Центра научной политической мысли и идеологии (Центр Сулакшина);
e-mail: likravchenko88@mail.ru

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

В статье представлено проектирование внешнеполитической стратегии России, разработаны три проекта (сценария) стратегии РФ в Латинской Америке, отличающиеся по уровню вовлеченности России в регион. Анализируется влияние реализации проектов на роль и место РФ в международном разделении труда и в мировой политике.

Ключевые слова: Латинская Америка; внешнеполитическая стратегия; проектирование; политический диалог; сотрудничество; мировая держава.

Kravchenko L. I.

Expert of the Center of Scientific Thought and Political Ideology (Sulakshin Center);
e-mail: likravchenko88@mail.ru

PROJECTION OF RUSSIAN FOREIGN POLICY STRATEGY IN LATIN AMERICA

This article deals with the projection of Russia's foreign policies. There are three projects (scenario) of Russia's strategy in Latin America, characterized by levels of Russian involvement in the region. The article investigates the effect of the implementation of projects on the role and place of Russia in the international division of labor and in world politics.

Key words: Latin America; foreign policy strategy; projection; political dialogue; cooperation; world power.

Отечественными исследователями обоснованно ставится вопрос о расширении сферы применения метода проектирования в государственной политике России [1]. На этот метод целесообразно опираться и при реализации внешнеполитической стратегии России в том или ином регионе мира, в частности при формировании внешнеполитической стратегии России применительно к Латинской Америке. Рост влияния региона в мире, политические трансформации в ряде латиноамериканских государств ставят на повестку дня вопрос пересмотра внешнеполитического курса России в регионе. Автор статьи предлагает проектирование возможных внешнеполитических стратегий страны и оценку их влияния на роль и положение РФ в мире.

Основы внешней политики нашей страны в отношении региона Латинская Америка определены в Концепции внешней политики России 2013 г. По мере развития стратегического проектирования во внешнеполитической практике страны и российско-латиноамериканских отношений подходы к региону менялись. Ранее в Концепции 2000 г. приоритетными направлениями внешнеполитической стратегии были названы: поощрение экспорта в латиноамериканские страны российской наукоемкой промышленной продукции, развитие с ними военно-технического сотрудничества и кооперации, расширение взаимодействия с государствами в международных организациях, рост политического диалога и экономического сотрудничества со странами региона [6]. В 2008 г. к данному перечню были добавлены и такие национальные интересы России в регионе, как осуществление совместных проектов в сфере энергетики, инфраструктуры, высоких технологий как с государствами, так и с интеграционными объединениями [7]. В 2013 г. национальные приоритеты были еще более расширены. К ним относятся: расширение политического взаимодействия, продвижение торгово-экономического, инвестиционного, инновационного, культурно-гуманитарного сотрудничества, совместный поиск ответов на новые вызовы и угрозы, закрепление российских компаний в динамично развивающихся секторах промышленности, энергетики, связи и транспорта стран региона, консолидация связей с латиноамериканскими партнерами на международных и региональных форумах, расширение сотрудничества с многосторонними объединениями Латинской Америки и Карибского бассейна [8]. Эти изменения показывают, что по мере усложнения процессов в мировой политике и сближения России со странами региона, внешнеполитическая стратегия России эволюционирует. Исследовательская задача, формируемая в связи с данным процессом, заключается в том, чтобы выработать возможные проекты (сценарии) внешнеполитической стратегии и оценить их влияние на развитие России и ее положение в мире.

Теоретические основы проектирования

Основные параметры проектов внешнеполитической стратегии представлены в таблице 1: торговля, инвестиции, политико-дипломатическое партнерство, научное и военно-техническое сотрудничество, гуманитарное сотрудничество (образование, формирование

позитивного образа России), гуманитарная помощь и противодействие угрозам общественной безопасности.

Таблица 1

**Направления реализации внешнеполитической стратегии России
в Латинской Америке**

Направление сотрудничества	Критерии
Торговля	Субъекты экономического взаимодействия Товарная структура российского экспорта Особенности внешнеторгового оборота Основные российские торговые партнеры в регионе
Инвестиции	Направления российского инвестирования (сферы экономической деятельности) Конкурентоспособность России в сфере инвестирования
Научное и военно-техническое сотрудничество	Состояние научного сотрудничества (сферы) Поставки российской военной техники Российские военные объекты в регионе
«Мягкая сила» (гуманитарный аспект взаимодействия)	Представительство российских СМИ в регионе Характер культурных связей Активность российских НПО как инструмента «мягкой силы» Численность студентов из ЛА, обучающихся в России Туристический поток Представительство и деятельность РПЦ в регионе Имидж России в регионе Политика в отношении соотечественников за рубежом, проживающих в регионе
Политическое и дипломатическое партнерство	Стратегические партнеры России в регионе Характер взаимодействия с интеграционными объединениями Консультативный диалог по вопросам международной безопасности Взаимодействие в ООН Противодействие угрозам безопасности Площадки взаимодействия Латиноамериканский опыт в российском преломлении

На основе предложенных элементов выстраиваются проекты внешнеполитической стратегии. Первый проект базируется на исторически заданной эмпирике – российско-латиноамериканских отношениях, сложившихся в 1990-е гг. Второй проект предусматривает параметры, соответствующие заложенным в Концепции внешней политики 2013 г. целевым ориентирам. Третий проект характеризуется более высокой интенсивностью связей со странами региона. Для оценки влияния внешнеполитической стратегии России в регионе на

позиционирование в мире используем метод экспертной оценки [5]. С помощью экспертной оценки проведем оцифровку параметров по шкале от -10 до +10 для двух дихотомичных параметров (применительно к России, которые соответствуют характеристике обеспечения национальных интересов страны). На одной оси – вектор от страны-изгоя до мировой державы. На другой – экономическое состояние и положение в мировой торговле России: от страны, которая преимущественно потребляет, но ничего не производит, до инновационного государства. Таким образом, все факторы, в системе координат имеют две координаты (x ; y), где x – это координата по оси роль страны в мировой политике, а y – положение в международном разделении труда. По оси x расположены следующие значения: страна-изгой – частичная изоляция – национальное развитое государство (начало координат) – региональная держава – мировая держава. По оси y : развивающаяся экономика, слабо представленная в международном разделении труда – сырьевая держава – самодостаточная экономика без конкурентоспособного экспортного товара (начало координат) – экономика с развитой ориентированной на экспорт обрабатывающей промышленностью – инновационная экономика.

Положение факторов в той или иной четверти координат определяет влияние выбранной внешнеполитической стратегии России в регионе на место и роль России в мире. При этом необходимо учитывать, что данный подход не предполагает сосредоточение всей внешней политики на латиноамериканском направлении, а указывает, что при естественной эволюции внешнеполитического курса страны Россия будет укреплять свои позиции во всех регионах мира, в том числе и на латиноамериканском направлении. Условно обозначим проекты внешнеполитической стратегии как стратегия «Ограниченных ресурсных возможностей», стратегия «Диверсификации внешнеполитического курса» и стратегия «Интенсивного российско-латиноамериканского сотрудничества».

Проекты внешнеполитической стратегии России в Латинской Америке

Внешиполитическая стратегия «Ограниченных ресурсных возможностей». Латинская Америка – наименее значимый партнер России. Проект внешнеполитической стратегии соответствует ограниченным ресурсным возможностям России и предполагает

позиционирование России как развивающегося государства в статусе субрегиональной державы, сфера влияния которого ограничена узким географическим подходом. Основные характеристики данной стратегии [6]:

- экономические связи с регионом не входят в приоритетные направления российской внешней политики, контакты слабые, осуществляются на уровне частных инициатив;
- товарная структура российского экспорта в регион состоит преимущественно из сырья и продукции низкой переработки;
- доля торгового оборота со странами региона в российском внешнеторговом обороте составляет 1–2 %;
- торговые партнеры – крупнейшие экономики региона, с другими латиноамериканскими государствами объемы торговли незначительны;
- российские инвестиции сосредоточены преимущественно в топливно-энергетическом секторе и добывающей промышленности [13];
- по объему инвестиций в регион Россия существенно уступает США, ЕС, КНР, Индии;
- поставки военной техники в государства – традиционные импортеры российского вооружения; объемы несопоставимы с поставками государств-конкурентов;
- направление научного сотрудничества не развивается;
- у России нет военных стратегических объектов в Латинской Америке;
- образ России в регионе формируется западными информационными агентствами средствами информационной борьбы;
- культурные связи единичны, реализуются за счет частных инициатив: в регионе менее пяти Русских домов, культурные мероприятия проводятся с интервалом свыше одного года (дни России, дни стран Латинской Америки и др.);
- количество российских неправительственных организаций гуманитарной направленности в регионе незначительно, организации представлены не во всех латиноамериканских республиках;
- туристический поток в регион из всего российского турпотока менее 5 %, Россия не субсидирует авиаперелеты;
- контакты в образовательной сфере не развиваются: годовое число студентов из Латинской Америки менее 1 % от общего потока иностранных учащихся в высших учебных заведениях РФ [2];

- РПЦ в регионе представлена приходами, но связи с Москвой слабые;
- отношение латиноамериканских государств к России ухудшается;
- отсутствуют программы развития сотрудничества с соотечественниками за рубежом;
- Россия сотрудничает преимущественно с государствами, в отношении которых США ввели ограничительные меры (Куба, Венесуэла, Никарагуа);
- российские интеграционные объединения не взаимодействуют с латиноамериканскими;
- Россия практически не поддерживает постоянный политический диалог с регионом по проблемам международного мира и безопасности;
- Россия не взаимодействует с представителями стран в Генеральной Ассамблее и Совете Безопасности ООН;
- Россия оказывает исключительно консультативную помощь, осуществляется непостоянное сотрудничество специализированных структур в рамках противодействия угрозам безопасности (наркотрафик, терроризм, нелегальный оборот оружия, финансовое мошенничество);
- Россия взаимодействует со странами региона на традиционных площадках;
- Россия не изучает опыт латиноамериканских стран для учета ошибок и правильных практик [13].

Стратегия «Диверсификации внешнеполитического курса». Россия увеличивает контакты со странами региона, интенсивно развиваются новые направления сотрудничества. Это содействует диверсификации внешнеполитического курса.

Основные параметры сотрудничества:

- российские государственные монополии действуют на латиноамериканском рынке, их деятельность сопровождается дипломатическими мероприятиями (визиты главы государства и правительства), расширяется число членов Российско-латиноамериканского совета;
- Россия диверсифицирует товарную структуру экспорта – увеличивается доля машин и оборудования, продукции химического производства (нефтепереработка), инновационных товаров, расширяется число постоянных торговых партнеров [5];

- доля региона во внешнеторговом обороте России составляет около 5% при положительном сальдо торгового баланса России входит в десятку крупнейших зарубежных торговых партнеров Латинской Америки;
- главными торговыми партнерами выступают наиболее развитые страны в интеграционных объединениях, объем торговли с остальными государствами незначителен [4];
- Россия реализует инвестиционные проекты в топливно-энергетическом и военно-техническом секторах силами государственных компаний [11];
- Россия входит в десятку крупнейших инвесторов, но по объему вложений в несколько раз отстает от США, ЕС и КНР;
- Россия развивает военно-техническое сотрудничество, заключает договоры о военно-техническом сотрудничестве с 16 крупнейшими латиноамериканскими государствами, подписывает долгосрочные контракты с крупнейшими государствами региона, входит в пятерку крупнейших поставщиков военной техники;
- выстраивается сотрудничество в сфере науки и технологий: космос, инновации. Организуются ежегодные симпозиумы ученых, стажировки по обмену научных сотрудников. Однако главными партнерами латиноамериканских республик в этом направлении остаются США, ЕС и Китай;
- Россия строит стратегические объекты военного назначения в регионе, проводит совместные учения;
- увеличивается число пророссийских СМИ в регионе. Российские СМИ имеют постоянную аудиторию в каждой латиноамериканской республике. По численности аудитории российские телеканалы входят в пятерку наиболее влиятельных;
- Россия выстраивает культурно-гуманитарное сотрудничество: ежегодное проведение Дней культуры, конгрессов соотечественников, усиление культурных связей государственных учреждений, имеющих мировое имя, на основе государственного планирования;
- расширяется представительная сеть российских НПО, особенно в республиках, где проживают российские соотечественники [12];
- растет взаимный туристический поток, открываются новые регулярные прямые рейсы туристического направления;
- финансируются программы обмена студентами, увеличивается поток латиноамериканских студентов в общей численности

иностранцев студентов в России до 5% при ежегодной численности студентов из Южной Америки от 5 тыс. человек;

- РПЦ расширяет число приходов, соотечественники участвуют в делах церкви;

- сохранение позитивного образа России, особенно в государствах – стратегических партнерах;

- принимаются программы сотрудничества с соотечественниками [14]. Россия предоставляет соотечественникам в Латинской Америке льготные путевки, экскурсии для посещения исторической родины, проводит обучение русскому языку;

- укрепляются связи с ведущими экономиками и государствами пророссийской ориентации;

- поддерживается консультативный постоянно действующий диалог с региональными организациями на уровне российских органов власти и ЕАЭС;

- Россия взаимодействует со странами региона в формате регулярных встреч на высшем уровне по основным проблемам в сфере мира и безопасности;

- Россия и страны региона вырабатывают совместные проекты в коллегиальных органах ООН;

- осуществляется обмен опытом в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков, оружия, терроризмом, отмыванием средств, полученных преступным путем. Ежегодно проводятся семинары служб, ответственных за противодействие угрозам общественной безопасности;

- российско-латиноамериканское сотрудничество осуществляется в международных институтах, организациях. В состав БРИКС приглашаются новые члены. Россия развивает политический диалог через присутствие страны в наблюдательных органах или ассоциированное членство в латиноамериканских структурах [10];

- Россия изучает опыт интеграции в Латинской Америке, в частности тарифной политики с целью извлечения практических рекомендаций.

Стратегия «Интенсивного российско-латиноамериканского сотрудничества». Россия располагает более высокой ресурсной базой, география интересов расширена, Россия использует историческую память латиноамериканских государств для продвижения своего влияния.

Основные параметры сотрудничества:

- торговлю с латиноамериканскими республиками ведет средний и крупный бизнес, частный бизнес по объему торговли превышает компании с государственным участием;
- основа экспорта – машины и оборудование (до 80%), высокая доля инновационной продукции (свыше 50%);
- доля торгового оборота с латиноамериканскими государствами в российском внешнеторговом обороте достигает 7–8%, на долю России приходится около 15% торгового оборота стран региона;
- торговля ведется со всеми членами МЕРКОСУР, АЛБА, Тихоокеанского альянса, с рядом республик Центральной Америки. Главные торговые партнеры – это лидеры субрегиональных систем (интеграционных объединений) [13];
- Россия инвестирует в крупные инфраструктурные проекты, строительство промышленных предприятий (в том числе АЭС, ГЭС, мосты, дороги, аэропорты), в инновационные отрасли, сектор банковских услуг [15];
- Россия входит в пятерку инвестиционных партнеров;
- Россия занимает 2–3-е место по поставкам военной техники, осуществляет строительство военных заводов, центров по обслуживанию техники;
- Ростех участвует в региональных проектах, в регионе представлена сеть ГЛОНАСС, Россия экспортирует космические услуги странам региона (Аргентине и Бразилии), реализуются совместные проекты развития альтернативной энергетики в Латинской Америке;
- в Западной полушарии расположены российские военные базы (Куба, Никарагуа), в том числе военно-морского флота в зоне Никарагуанского канала;
- российское телевидение вещает на испанском и португальском языках, охват территории на уровне ВВС, большой тираж печатных изданий (особенно в странах-центрах роста), многочисленная латиноамериканская аудитория российских интернет-порталов на испанском языке;
- русские дома действуют в странах-партнерах, осуществляется культурно-просветительская деятельность посольств, проводятся вечера знакомств с российской культурой консульствами и посольствами;

– создана широкая сеть неправительственных культурных организаций, популяризирующих изучение русского языка, русской литературы. По числу неправительственных организаций Россия занимает второе место;

– проводится обмен студентами, открытие кафедр русского языка во всех крупнейших латиноамериканских вузах, работают программы обмена, особенно в сфере преподавания русского языка и литературы, медицинских наук и технических специальностях. Доля латиноамериканских студентов в общем потоке студентов из дальнего зарубежья в России составляет 9–11 %¹;

– взаимный туристический поток. Привлечение латиноамериканских туристов в поездки по историческим и рекреационным памятникам, включая Сибирь и Дальний Восток. Доля туристов из стран Латинской Америки в общем потоке туристов из дальнего зарубежья должна достигать 7–10 %;

– Русская Православная Церковь имеет епархии в большинстве стран Латинской Америки, растет численность прихожан, ведется просветительская деятельность русских религиозных деятелей;

– Россия осуществляет мониторинг результатов опросов международных социологических служб, при негативной динамике увеличивает расходы на «мягкую силу»;

– Россия проводит ежегодные съезды конгрессов в Латинской Америке соотечественников с участием российских министров, ведущих деятелей культуры и искусства. Открыта горячая линия в посольствах и консульствах по обращению граждан, организована выдача льготных путевок, экскурсий для посещения исторической родины, обучения русскому языку [14];

– ведется широкоформатное сотрудничество со странами-лидерами субрегиональных систем, политический диалог и торгово-экономическое партнерство с государствами пророссийской ориентации;

– подписано Соглашение о создании зоны свободной торговли между региональными постсоветскими и латиноамериканскими институтами. Действует постоянный консультативный диалог, выстраивается единая экономическая линия в ВТО;

– усиливается взаимодействие с УНАСУР и СЕЛАК, особенно в сфере обороны и военно-технического сотрудничества. Выработана

---

¹ Соответствует доле населения ЛА в мировом за вычетом постсоветских стран (9 %) и Африки (10,6 %).

единая позиция в Совете Безопасности и Генеральной Ассамблее ООН, инициируются совместные международные договоры по вопросам мира и безопасности;

- ведется постоянный диалог в структурах ООН, проводятся регулярные встречи министров иностранных дел, российский министр иностранных дел участвует в заседаниях латиноамериканских региональных структур с целью выработки единой ценностной политической платформы;

- проводится межведомственное взаимодействие на регулярной основе по вопросам обеспечения национальной безопасности и правопорядка. Проходят регулярные курсы повышения квалификации, организуются консультативные встречи на уровне региональных структур (ШОС и СЕЛАК);

- российскими акторами на международной арене являются не только государственные структуры, но и неправительственные организации, участвующие в движении альтерглобалистов;

- происходит обогащение российской политической мысли посредством изучения латиноамериканского опыта, применения наиболее успешных практик создания межгосударственных образований (интеграций) на постсоветском пространстве.

Оценка проектов внешнеполитических стратегий

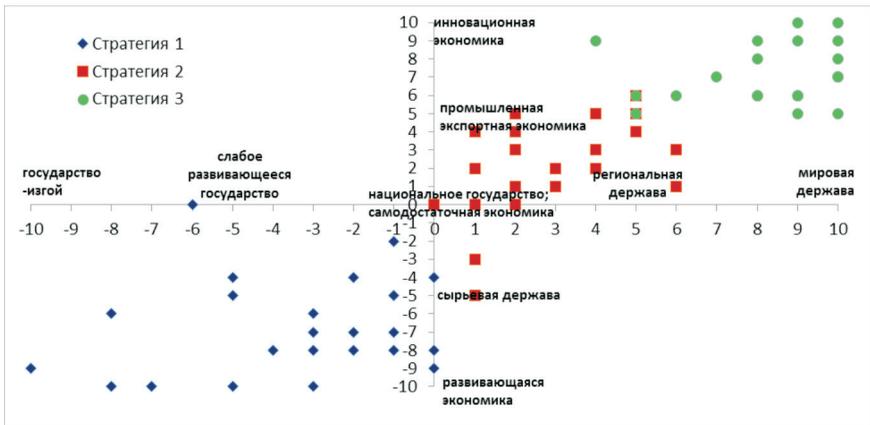

Рис. 1. Карта реализации проектов внешнеполитической стратегии России в Латинской Америке

В соответствии с методологическими основаниями, изложенными выше, на основе экспертной оценки параметры отображаются на координатной плоскости (см. рис. 1).

На координатных осях отмечены характеристики, обозначающие уровень обеспечения национальных интересов страны. По оси *x* отмечена степень влияния страны на международные процессы: страна изгой – частичная изоляция – национальное развитое государство (начало координат) – региональная держава – мировая держава. Последняя характеристика отвечает указанному в Стратегии национальной безопасности интересу – «закрепление за Российской Федерацией статуса одной из лидирующих мировых держав, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях полицентричного мира» [16]. По оси *y* – экономическое состояние и положение в мировой торговле России: развивающаяся экономика, слабо представленная в международном разделении труда, – сырьевая держава – самодостаточная экономика без конкурентоспособного экспортного товара (начало координат) – экономика с развитой ориентированной на экспорт обрабатывающей промышленностью – инновационная экономика. Последние две характеристики отвечают задаче обеспечения национальных интересов страны – «повышение конкурентоспособности национальной экономики» [16].

Итак, при *первом проекте* внешнеполитической стратегии, реализация которого возможна при сокращении текущего объема сотрудничества России с латиноамериканскими государствами, Россия в мировом разделении труда займет положение страны с сырьевой экономикой, позиционируя себя на мировой арене как слабое развивающееся государство. Эта стратегии в наибольшей степени соответствует уровню российско-латиноамериканского сотрудничества 1990-х гг., когда Россия из-за внутренних проблем сворачивала контакты, установленные в советский период.

При реализации *второго проекта* стратегии на международной арене Россия будет выступать как устойчивое национальное государство, в редких случаях претендующее на статус региональной державы. Россия реагирует на международные процессы, однако сама не задает тренды развития в международных отношениях. Экономическое состояние России более благоприятное, нежели при первом проекте: страна может обеспечить себя товарами высокой переработки,

во внешней торговле представлена слабо, по некоторым параметрам выступает развитым государством с экспортно ориентированной промышленностью. Однако в таком случае Россия частично обеспечивает национальные интересы посредством повышения конкурентоспособности собственной экономики, но не достигая задачи инновационного развития. Второй проект отвечает целевым ориентирам российско-латиноамериканских отношений, заложенных в Концепции внешней политики.

Третий проект внешнеполитической стратегии, требующий большей ресурсной базы, позволяет стране претендовать на статус мировой державы, выступая гарантом стратегической стабильности в соответствии с национальными интересами страны. Экономика развивается по инновационному пути, Россия выступает одним из лидеров технологического прогресса в мире. При текущем уровне развития России реализация этого варианта не представляется возможной.

Подводя итог, констатируем, что метод проектирования во внешнеполитической деятельности является инструментом стратегического планирования. Предложенные проекты внешнеполитических стратегий России в Латинской Америке – «Ограниченных ресурсных возможностей», «Диверсификации внешнеполитического курса» и «Интенсивного российско-латиноамериканского сотрудничества» позволяют определить возможный сценарий российско-латиноамериканского сотрудничества, исходя из уровня вовлеченности России в дела региона и ресурсных возможностей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белозёров В. К.* От стратегии национальной безопасности – к глобальному и перспективному стратегическому проектированию // *Власть.* – 2016. – № 7. – С. 10–15.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации, 2000 г. – URL: http://old.nasledie.ru/polityne/18_3/article.php?art=9
3. Концепция внешней политики Российской Федерации от 15 июля 2008 г. // Президент России: веб-сайт. 2008. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/785>
4. Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 г // МИД России: веб-сайт. 2013. – URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf
5. *Сулакшин С. С.* Наука, научность, практика. О работе Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования (лекция – размышление). – М. : Научный эксперт, 2009. – 208 с.

6. *Давыдов В. М. и др.* Латинская Америка в современной мировой политике. – М.: ИЛА РАН, 2009. – 581 с.
7. Обзор МИД России. Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность РФ в 2015 г. // МИД России: веб-сайт. 2016. – URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2255624
8. *Арефьев А. Л., Шереги Ф. Э.* Иностранцы в российских вузах. – М.: Центр социологических исследований, 2014. – С. 128–131.
9. *Путин В. В.* Интервью латиноамериканскому агентству «Пренса Латина» и российскому агентству ИТАР-ТАСС // Президент России: веб-сайт. 2014. – URL: <http://www.kremlin.ru/news/46190>
10. *Емельянов А. И.* Основные направления сотрудничества между Российской Федерацией и странами Латинской Америки // Актуальные проблемы внешней и внутренней политики Российской Федерации. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 45–50. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 2 (688). Исторические и политические науки).
11. Обзор МИД России. Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2010 г. // МИД России: веб-сайт. 2010. – URL: http://mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/obzory
12. *Косачев К. И.* «Мягкая сила»: актуальные задачи и возможности российской внешней политики // Международная экономика. – 2012. – № 6. – С. 5–10.
13. *Подрез С. В.* Генезис и проблемы современного положения российской диаспоры в Латинской Америке: дис. ... канд. истор. наук. – М., 2005. – С. 52.
14. *Мартынов Б. Ф.* BRICS: «будем реалистами – потребуем невозможного!» // Латинская Америка. – 2011. – № 10. – С. 4–16.
15. *Моисеев А.* Актуальное интервью. Директор Латиноамериканского департамента МИД России Александр Щетинин: «Связи между Россией и Латинской Америкой динамичны и взаимостребованы» // Международная жизнь. – 2013. – № 10. – С. 57.
16. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета: веб-сайт, 2015. – URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>

УДК 32.327

Е. А. Максимова

соискатель кафедры политологии ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: catherine.maximova@mail.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ ДОМИНАНТЫ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В современных условиях в отношениях России и США выделяются ключевые проблемы, в связи с которыми разворачивается активная информационная деятельность. Следовательно, имеются основания для выделения определенных коммуникативных доминант в отношениях двух стран, к которым относятся такие угрозы международной жизни, как терроризм, вопросы ПРО и стратегической стабильности, политический кризис в Сирии и Украине, а также проблемы в области международной информационной безопасности. В свою очередь эти доминанты влияют на решение проблем, в связи с которыми они возникли.

Ключевые слова: политическая коммуникация; внешняя политика; коммуникативные доминанты; киберпреступность; ПРО; информационная безопасность.

Maksimova E. A.

Postgraduate Student, Department of Political Sciences, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU;
e-mail: catherine.maximova@mail.ru

COMMUNICATIVE DOMINANTS OF RUSSIAN-AMERICAN RELEVANT RELATIONSHIP

Relevant informational relationship between the Russian Federation and the USA is characterized by many actual problems. This fact allows us to determine such communicative dominants in bilateral relationship as terrorism, missile defense and strategic stability, political crisis in Syria and Ukraine and also international information security. At the same time all these dominants operate on the decision making process of original difficulties in Russia-USA relations.

Key words: political communication; foreign policy; communicative dominants; cybercrime; missile defense; information security.

Конец XX – начало XXI вв. ознаменовался серьезными изменениями в мировой политике, которые нашли свое отражение в российско-американских отношениях. Было бы целесообразно и небезынтересно рассмотреть многообразие изменений сквозь призму коммуникативных доминант российско-американского взаимодействия.

В отечественной научной литературе доминанты определяются как главенствующие идеи, вокруг которых строятся международные отношения и разрабатывается информационная политика [7, с. 173]. К доминантным направлениям сотрудничества РФ и США можно отнести такие угрозы международной жизни, как терроризм, вопросы ПРО и стратегической стабильности, политический кризис в Сирии и Украине, а также проблемы в области международной информационной безопасности.

1. *Противодействие терроризму.* В последние десятилетия терроризм претерпел ряд значительных изменений. Пройдя восходящую траекторию за небольшой исторический период времени, из маргинальной практики он превратился в политическую стратегию, став глобальной транснациональной угрозой [9, с. 60]. Ряд российских политологов разделяют данное мнение, отмечая, что глобализация ослабляет роль государства как главного политического актора международных отношений и расширяет возможности новых, нелегитимных политических игроков в лице международного терроризма и сращивающейся с ним транснациональной организованной преступности [2, с. 17]. Таким образом, понимая, что терроризм стал фактором глобального значения, страны начали разрабатывать средства борьбы с ним как во внешней, так и внутренней политике.

Говоря о проблеме международного терроризма применительно к актуальной картине дня, особое внимание стоит уделить ставшему в последнее время популярным понятию «гибридная война». Восприятие «гибридной войны», к которой непосредственно относится и терроризм, у изучаемых стран разное. Причиной несовпадения взглядов, как представляется, является различное видение политической ситуации международного уровня.

Расположение в одном ряду «гибридной войны» и терроризма обусловлено тем, что в условиях глобализирующегося мира трудно выделить черты тех или иных военных действий, которые бы точно идентифицировали конкретное понятие. В то же время, как справедливо отмечают российские политологи А. В. Соловьев и В. К. Белозёров [3, с. 8], синонимичность рассматриваемых понятий обусловлена пропагандистскими целями западных военных и политиков с целью обвинения Российской Федерации в происходящих событиях в Украине.

Если по вопросу «гибридной войны» рассматриваемые страны придерживаются кардинально противоположных точек зрения, то

готовность вести борьбу с запрещенной в нашей стране террористической организацией ИГИЛ споров не вызывает. Действительно, трудно отрицать необходимость борьбы с организацией, которая ставит своей целью не только привлечь в свои ряды как можно больше сторонников, но и захватить силовым путем целые страны для создания своего квазигосударства.

2. *Вопросы стратегической стабильности в российско-американских отношениях.* Вопросы, связанные с обеспечением безопасности, являются первостепенными для любой страны, и проблема противоракетной обороны и стратегической стабильности занимает среди них одно из первых мест.

Наличие системных противоречий в двусторонних отношениях ярко демонстрирует отсутствие подобных взглядов на проблему ПРО. Выход США из Договора по ПРО в 2002 г. и действия России и США вне его усилили конфронтацию между странами что, в свою очередь, стало причиной «охлаждения» российско-американских отношений. Полностью избежать дестабилизирующего воздействия ПРО на баланс потенциалов стратегических ядерных сил двух стран возможно только в случае радикального изменения военно-политических отношений между Вашингтоном и Москвой, что также отмечает В. В. Путин, комментируя данную ситуацию: «Если бы тогда (в ходе встречи президентов России и Америки в Кеннебанкпорте в 2007 г. – *Е. М.*) удалось добиться прорыва по ПРО, то в буквальном смысле открылись бы шлюзы для выстраивания качественно новой, близкой к союзнической модели сотрудничества и во многих других чувствительных областях» [6].

На данный момент ситуация, касающаяся возможности российско-американского сотрудничества в вопросе ПРО, не изменилась: отсутствие четкого, юридически оформленного договора по одной из важнейших тем, а также создание ЕвроПРО и сообщения, транслируемые СМИ, о желании некоторых государств в перспективе нацелить разрабатываемую систему на нашу страну [11] не способствуют налаживанию диалога.

В то же время необходимо отметить, что информация о наблюдаемой гонке вооружений активно обсуждается как в российских, так и зарубежных средствах массовой информации, в результате чего происходит выполнение эмотивной задачи политической коммуникации. Предвосхищая события и официальные заявления, они выражают

опасения о нарастающем развитии российской системы вооружения, основная цель которого, по их мнению, заключается в оказании сопротивления США в будущем [5].

Несогласованность действий и мнений российской и американской стороны в настоящее время свидетельствует о том, что двусторонние отношения, по всей видимости, переживают не лучшие времена. Рост фактора военной силы в мире и возможность ее практического применения, – всё это выявило напряженность в сфере безопасности, области, которая определяет развитие событий во всех остальных направлениях.

Единственным решением в данной ситуации, которая при текущем положении дел не приносит пользу ни одной из сторон, является выход на международную политическую площадку с целью проведения переговоров с участием всех заинтересованных сторон, дискуссий, обсуждений для поиска компромисса, который в той или иной степени сможет удовлетворить обе стороны.

Рассмотрев проблему ПРО в российско-американских отношениях, следует отметить, что помимо сдерживания в применении ракетного оружия, важен также баланс в ядерной сфере. Стратегические ядерные вооружения являются не единственной составляющей стратегической стабильности. В результате глобальных изменений стратегическая стабильность стала рассматриваться как военно-политический аспект безопасности, связанный с балансом военных сил в рамках определенной системы безопасности.

3. Политический кризис в Сирии и Украине. Затянувшаяся гражданская война в Сирии в очередной раз выявила несовпадение взглядов России и Америки на пути разрешения конфликтных политических ситуаций.

В 2012 г. Президент США принял решение оказать материальную и техническую поддержку так называемой сирийской оппозиции, предъявив при этом Сирии и мировому сообществу главное условие – смену сирийской власти, которая, по мнению заместителя госсекретаря США Энтони Блинкена, является магнитом, притягивающим ИГИЛ. Одновременно он заявил: «У России есть огромное влияние на режим, и было бы очень позитивным, если она сможет использовать это влияние, чтобы подтолкнуть режим к согласованной передаче власти» [4]. При этом Россия и ряд других государств придерживаются противоположной точки зрения, выступая против насильственной смены власти.

Сегодня ситуация в Сирии обострена до предела, необходимо искать пути решения конфликта, в результате, в частности, привлекаются силы извне. Понимая бесперспективность организации переговорного процесса с ИГИЛ, разрешение сложившейся ситуации возможно лишь силовым путем. В частности, наша страна оказывает поддержку в борьбе с этой террористической организацией, в то время как США, на недавно прошедшем заседании Генеральной Ассамблеи ООН заявлявшие о желании сотрудничать с Российской Федерацией, в итоге изменили свою позицию.

При рассмотрении российско-американских отношений не меньшего внимания заслуживает ситуация в Украине. Украинские события можно рассматривать как новый виток наиболее открытого противостояния изучаемых стран, который вновь поставил на первый план проблему обеспечения безопасности и суверенитета государств. Возникшая нестабильная политическая и экономическая ситуация в Украине, интересы которой тесно взаимосвязаны с внешней политикой нашей страны, не могла не повлиять на общемировые политические отношения, в частности взаимодействие РФ и США. Очевидно, что обеспечение двух обозначенных государствообразующих концепций необходимо обеим странам, однако понимание важности и условий существования данных сфер у другого государства подчас вызывает противоречивые оценки.

В ряду применяемых стратегий и технологий политического влияния на процесс развития политической коммуникации в рассматриваемых условиях следует особо выделить следующие: 1) стратегию подталкивания (например, политические и экономические ограничительные меры – санкции); 2) стратегию приманивания (национальное единство в Украине, заключающееся в сплочении граждан России (по духу и нации)); 3) стратегию убеждения (выступление Президента РФ перед Федеральным Собранием о вхождения Крыма в состав России). К применяемым технологиям политического влияния относятся функциональные и инструментальные технологии, которые трактуют политические решения и действия в выгодном для коммуникатора аспекте.

Рассматривая предметные технологии политического влияния, следует обратить внимание на один из примеров такого способа воздействия – лоббирование. В результате применяемых в отношении России санкций со стороны США и стран Европы, последние также ощущают их контрпродуктивность, отражающуюся на экономике

своих государств. В результате с целью недопущения непоправимых экономических потерь, представители различных компаний ищут возможность поддержания партнерских отношений даже в условиях экономического и политического кризиса.

Таким образом, очевидно, что актуальная политическая обстановка на международной арене не способствует улучшению российско-американских отношений. Несовпадение взглядов Российской Федерации и Соединенных Штатов порождает политическую конфронтацию, в результате чего усиливаются стратегии и технологии политического влияния на оппонента. Однако среди всех имеющихся средств воздействия достаточно трудно выделить одно, которое бы превалировало над остальными. В условиях противодействия все способы оказания давления применяются в совокупности, где одна стратегия плавно влечет за собой реализацию другой. Что же касается нормативных и девиантных технологий политического влияния на процесс развития политической коммуникации, то они находятся в плотном взаимодействии со стратегиями влияния, реализуя одну общую цель.

Изучение российско-американских отношений в условиях глобализации видоизменяет и дополняет новыми чертами уже существующие доминанты двустороннего взаимодействия и одновременно с этим выдвигает на передний план другие проблемы, входящие в сферу интересов Российской Федерации и США. Одним из таких направлений взаимодействия является международная информационная безопасность, появление которой обусловлено активным развитием и использованием информационных технологий, которые также стали объектами воздействия.

4. *Обеспечение международной информационной безопасности.* Важной составляющей международных отношений является информационная сфера. Однако информация, существующая в рамках глобальной информационной системы, также претерпевает воздействие извне, что вызывает необходимость консолидированного обеспечения международной информационной безопасности.

Вопрос информационной безопасности в условиях глобализации неразрывно связан с использованием интернет-коммуникации. Проникновение Интернета в процесс политической коммуникации оказывает влияние на политику, способствуя трансформации традиционных политических процессов, делая ее более динамичной и позволяя

преодолевать всевозможные территориальные, языковые и иерархические препятствия, в результате чего все интернет-пользователи объединяются в единую коммуникационную сеть.

В результате политическая коммуникация в интернет-пространстве преобразовалась в значимое интерактивное средство связей с общественностью, которое позволяет осуществлять диалог представителей политики и общества в масштабе всего мира. При этом политические интернет-коммуникации становятся важным инновационным фактором в деятельности партий и политических лидеров в борьбе за влияние на электорат, а также создание и поддержание на должном уровне своего авторитета и имиджа.

Таким образом, информация, распространяемая как в Интернете, так и за его пределами, приобретает статус стратегической значимости, и наличие единой информационной среды (пространства) становится одним из основных государствообразующих признаков и одновременно обязательным условием и характеристикой самого информационного общества.

Вопросы развития информационного общества в рамках единого информационного пространства государства регулируются соответствующими законодательными актами, в частности Международной стратегией развития киберпространства в США, а в нашей стране – Стратегией развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации.

В рамках решения вопросов национальной безопасности в сфере информационных технологий, существование которых продиктовано наличием реально существующих угроз: угрозы государству – его целостности и независимости, угрозы обществу – его демократическим институтам, угрозы личности – ее правам и свободам, проводятся многочисленные встречи представителей государственных структур Российской Федерации с политическими и экономическими деятелями иных стран, в ходе которых обсуждаются пути развития информационно-коммуникационных технологий.

Что касается российско-американского взаимодействия в данной сфере, то ввиду различных политических событий подобные встречи в последнее время являются нерегулярными. Так, во время одного из заседаний, организованного в Вашингтоне в рамках «круглого стола» в августе 2013 г., российская делегация во главе с министром связи и массовых коммуникаций обсудила с многочисленными американски-

ми представителями политической и финансовой сферы возможные способы проведения общей работы по развитию информационно-коммуникационных технологий, включающей участие международного общества в управлении интернет-пространством, защиту авторских прав, некоторые аспекты информационного образования и многое другое. Таким образом, политическая коммуникация в реальном пространстве позволяет обеспечивать продуктивное функционирование политической коммуникации и в виртуальной среде.

Вообще вопросы защиты информации в Интернете – киберпреступность и кибертерроризм – являются одними из самых острых в российско-американской политической коммуникации, однако перед тем как перейти к рассмотрению конкретных примеров следует определиться с понятийным аппаратом. В чем разница между информационным терроризмом, киберпреступностью и кибертерроризмом, и есть ли она?

Думается, что целесообразно будет начать с наиболее широкого из перечисленных понятий – киберпреступности, как следствия глобализации информационных процессов. Киберпреступность – это незаконные преступные действия в виртуальном пространстве, имеющие целью завладение частной информацией [8, с. 173]. Кибертерроризм (он же информационный терроризм) является узким понятием и представляет собой «преднамеренные, политические мотивированные атаки на информационные, компьютерные системы, компьютерные программы и данные, выраженные в применении насилия по отношению к гражданским целям со стороны субнациональных групп или тайных агентов» [10, с. 4–5]. С учетом рассматриваемой проблемы международной политической коммуникации и ее реализации в рамках противодействия информационным преступлениям, последний термин представляет большую значимость по причине его политической мотивированности.

Так, одними из значимых мировых событий в сфере киберпространства стали проект WikiLeaks и информация, переданная общественности с помощью СМИ Эдвардом Сноуденом. WikiLeaks представляет собой Международную некоммерческую организацию, занимающуюся публикацией на одноименном сайте информации, взятой из секретных источников или полученную при утечке данных. В результате деятельности сотрудников данной Организации в 2006 г. на просторах интернет-пространства появился сайт, создатели

которого заявили, что обладают информационной базой документов политического, а в частности дипломатического характера.

Еще одним аналогичным фактом разглашения секретной информации в интернет-пространстве стала публикация в 2013 г. в газетах *The Guardian* и *The Washington Post* данных, полученных от бывшего сотрудника ЦРУ и Агентства национальной безопасности США Э.Сноудена. Предоставленная им информация касалась тотальной слежки американских спецслужб за информационными коммуникациями между гражданами, в том числе политическими деятелями многих государств, осуществленной при помощи современных информационных сетей связи.

Появление данных информационных ресурсов и возможность доступа к подобному рода документам с их последующим опубликованием, – всё это стало подтверждением того, что в современном мире, даже при соблюдении правил безопасности и защиты информации, сокрытие данных в Интернете невозможно. Также стало понятно, что не только информация личного характера обычных пользователей Сети, но и информация, генерируемая представителями политической власти и государственных структур, уязвима и может в любой момент быть не только доступна для всего мирового сообщества, но и получить совершенно иную, далекую от оригинала трактовку.

Провокационные действия такого рода сами по себе не могут кардинально изменить текущий ход политических событий, однако даже факт возможности подобного рода действий заставляет задуматься и принять меры относительно изучения способов обеспечения более эффективных методов информационной безопасности в Интернете.

Обеспечение международной информационной безопасности требует не только согласования представлений разных политических акторов об этом феномене, но и реализации совместного плана действий по обеспечению защиты информации. Обе страны действуют сплоченно в сфере обеспечения информационной безопасности, что позволяет выделить данную доминанту международных отношений как одно из самых перспективных и эффективных направлений сотрудничества.

В заключение следует отметить, что проблемы отношений России и США находят свое отражение в сфере массовой информации и коммуникации, в которой возникают определенные тематически доминанты. Об обострении или же смягчении отношений двух держав

можно судить по состоянию этой сферы. Разумеется, от претензий на глобальную гегемонию в Вашингтоне не откажутся, о чем убедительно свидетельствует и анализ доктринальных документов США [1], что будет осложнять двусторонние отношения. Вместе с тем возможности для налаживания сотрудничества и информационного взаимодействия двух стран сохраняются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белозёров В. К.* Стратегия национальной безопасности США как новый манифест глобальной гегемонии // *Власть*. – 2015. – № 4. – С. 19–24.
2. *Белозёров В. К., Ивашов Л. Г., Касюк А. Я., Синчук Е. В., Шершнев И. Л., Яшкова Т. А.* Глобальные вызовы XXI века – геополитический ответ России: коллективная монография / под ред. академика И. И. Халеевой. – М. : МГЛУ, 2012. – 316 с.
3. *Белозёров В. К., Соловьёв А. В.* Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе // *Власть*. – 2015. – № 9. – С. 5–11.
4. *Блинкен:* США ожидают от России влияния для смены власти в Сирии // МИА «Россия сегодня» 05.10.2015. – URL: <http://ria.ru/world/20151005/1297063032.html>
5. *Григорьев Е. Е.* Вашингтон нацеливает ПРО на Восток // *Независимая газета*, 27.08.2014.
6. *Путин В. В.* Россия и меняющийся мир // *Московские новости*, 27.02.2012.
7. *Словарь иностранных слов*. – 15-е изд., испр. – М. : Русский язык, 1988. – 608 с.
8. *Тропинина Т. Л.* Киберпреступность и кибертерроризм: поговорим о понятийном аппарате: сб. науч. тр. Междунар. конф. «Информационные технологии и безопасность». – Вып. 3. – Киев : Национальная академия наук Украины, 2003. – С. 173–181.
9. *Щекочихина Т. Н.* Терроризм как угроза национальной безопасности России // *Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов*. – 2008. – № 4 (22). – С. 60–63.
10. *Clay Wilson.* CRS Report for Congress. Computer attack and Cyber Terrorism: Vulnerabilities and Policy Issues for Congress // *Congressional Research Service. The Library of Congress*. – 2003, October 17. – 35 p.
11. *Pifer S.* The limits of U.S. missile defense // *The National Interest*. 2015. March 30.

УДК 327

Ю. А. Михалёв

доцент, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: kafedra.politologia@yandex.ru

РОЛЬ ИНТЕРНЕТА В ПОЛИТИЧЕСКИХ КАМПАНИЯХ США

В статье рассматривается влияние и роль Интернета в политических кампаниях в США. На сегодняшний день Интернет превратился в средство, с помощью которого кандидаты могут доносить свои идеи до широкой аудитории.

В эпоху информационных технологий Интернет становится важным коммуникативным инструментом, широко используемым государственной властью, партиями, политическими лидерами и представителями гражданского общества в своих интересах, в том числе и в ходе предвыборных кампаний. И это вполне естественно, так как в последнее время наблюдается стабильный рост аудитории интернет-пользователей. Сегодня они составляют значительное число избирателей.

Ключевые слова: Интернет; информационные технологии; политические технологии.

Michalev Yu. A.

Ph. D. (Political Sciences), Associate Professor, Department of Political Sciences, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU; e-mail: kafedra.politologia@yandex.ru

INTERNET IN POLITICAL CAMPAIGNS IN THE UNITED STATES

The article discusses the influence and role of Internet in political campaign in the United States. Nowadays the Internet has turned into a means with the help of which candidates can transmit their ideas to an incredibly wide audience.

In the age of information technologies the Internet is becoming an important communicative tool widely used by the governmental powers, political parties and leaders, and by representatives of the civil community in their interests including election campaigns. It is quite natural as recently there has been a stable increase in the number of Internet users and today they already constitute a significant number of electors.

Key words: the Internet; information technologies; political technologies.

Интернет – это объединенные между собой компьютерные сети, глобальная мировая система передачи информации с помощью информационно-вычислительных ресурсов.

Разработка данной системы началась в 1957 г. на фоне гонки вооружений. Целью создания такой Сети стало решение МО США,

опасающегося нападения со стороны СССР. В результате была разработана сеть компьютеров, взаимосвязанных друг с другом и способных обмениваться информацией между собой.

Сегодня Интернет стал глобальной компьютерной системой, главное отличие которой состоит в том, что у нее нет официального владельца и управленца. Интернет часто упоминают как Всемирная, или Глобальная сеть. Он состоит из тысячей локальных, правительственных, научных и развлекательных компьютерных сетей. С помощью Сети появилась возможность посылать электронную почту (e-mail) в более чем 200 стран [10, с. 63].

Еще совсем недавно считалось, что Интернет – это скорее средство связи, общения, информирования, что соответствовало особенностям его реального использования. Сегодня же нити Всемирной паутины нередко оказываются ориентированными на политическую пропаганду и даже на политико-правовое воздействие [2, с. 76].

На протяжении существования общества и государства за революционными изменениями в коммуникационных технологиях следовали значительные изменения в протекании политического процесса. На современном этапе развития в мире все быстрее идет массовая интернетизация. Из локального изобретения ученых, облегчающего им исследовательскую работу, Интернет превратился во Всемирную сеть, коммуникация в которой все больше влияет на все стороны жизни человечества. В стороне от этой тенденции не остается и мир политики.

Рассматривая политическую интернет-коммуникацию с точки зрения политического процесса, необходимо обозначить два основных момента, касающихся политического потенциала Интернета.

С одной стороны, граждане в пространстве Сети более самостоятельны в сборе, организации и циркуляции информации и менее зависимы от субъектов политики и их информационных проводников. Пользователи поднимают действительно актуальные темы, позволяя не только «фильтровать» информацию, но и формировать и выражать свое мнение, анализировать различные ее источники, точки зрения на проблему.

С другой стороны, интернет-технологии позволяют обеспечивать диалог между субъектами политики и пользователями Сети и государственное управление, не выходя из дома [6, с. 102]. А информационное пространство Сети обеспечивает хранение результатов такого

взаимодействия сколь угодно длительное время во множестве точек локализации. Коммуникационные возможности Сети могут воздействовать на политический процесс посредством упрощения горизонтальных и вертикальных политических связей: между властными институтами, между государством и гражданами, внутри самого гражданского общества [1, с. 27].

Современные технологии хранения и передачи фото- и видеоматериалов позволяют любое неосторожное слово или действие политического субъекта за считанные минуты сделать достоянием всего мира, а политические противники будут тиражировать эти материалы и использовать по всем каналам коммуникации. Причем подобные материалы могут появиться и из прошлого.

Подобная ситуация имела место во время президентских выборов 2009 г. в США, которые по праву будут занесены в качестве примера в учебники по политическим интернет-технологиям. В пик предвыборной кампании штаб МакКейна разместил в Интернете большой объем компромата на конкурирующего кандидата [6], который моментально разлетелся по стране. Однако следует сказать, что штаб Барака Обамы отреагировал неожиданно. Политтехнологи не стали предоставлять опровержения и контркомпромат, а посредством Сети превратили весь процесс в продуманную игру. Многотысячному электорату американского Интернета было предложено выявить и доказательно опровергнуть клевету, выложив свою ссылку, и им это удалось. Не прошла без скандалов и кампания по выборам президента США в 2016 г. Много компромата на Х. Клинтон было опубликовано WikiLeaks, основным источником послужила ее переписка, которая проходила через незащищенный сервер по открытым каналам Интернета [6].

Активно использовал Интернет и 45-й Президент США Д. Трамп. По мнению И. Ветрова, победа Дональда Трампа над Хиллари Клинтон на выборах президента США продемонстрировала неэффективность телевидения в изменившейся медиасреде, в которой Интернет занимает доминирующие позиции [3].

Так, при анализе специалистами живого потока постов на Facebook было установлено, что прямая онлайн-трансляция последнего выступления Д. Трампа набрала 135 тыс. лайков и 1,5 млн просмотров. Аналогичное выступление Х. Клинтон набрало 11 тыс. «мне нравится» и 321 тыс. просмотров.

Самая популярная соцсеть микроблогов Twitter сообщила следующие данные: официальная страничка Хиллари Клинтон имеет 8,1 млн подписчиков, а аккаунт ее конкурента-республиканца – 10,6 млн.

Ранее группа программистов провела подсчет данных в Twitter, поскольку часто многие известные личности искусственно «накручивают» общее число подписчиков за счет фальшивых аккаунтов (ботов). Однако экспертиза подтвердила тот факт, что 70 % подписчиков кандидата от Республиканской партии США на самом деле являются поклонниками политика, 90 % этих людей голосовали на выборах ранее. Аккаунт Д. Трампа в «Инстаграме», по последним данным, имеет около 2,2 млн подписчиков, а аналогичный аккаунт Х. Клинтон – 1,8 млн.

Но самые ошеломляющие данные показывает самый популярный сайт видеоблогов «YouTube». Можно заметить, что онлайн-трансляции выступления Хиллари Клинтон набирают около 30 тыс. просмотров, одновременно с этим ее конкурент может похвастаться 500 тыс. просмотров. Д. Трамп опережает кандидата от Демократической партии США на целых 59 % [11]. Новоизбранный американский президент подчеркнул, что обязан своей победой именно соцсетям. Д. Трамп трактует свою победу огромным количеством подписчиков, которые внимательно следили за его действиями (<http://vevby.ru/high-tech/37757-donald-tramp-vyskazalsya-v-podderzhku-socialnyh-setey.html>).

Вопрос о степени влияния возможностей интернет-коммуникации на отечественный политический процесс еще долгое время останется открытым. Во всяком случае, до того момента, когда коммуникационная значимость Интернета, как по техническому обеспечению, так и по суммарному уровню интернет-грамотности граждан, если не превысит, то хотя бы достигнет уровня влияния традиционных каналов массовой коммуникации. В конечном счете, трансформация политического процесса зависит от готовности государства и общественности принять и использовать возможности, которые дают новые коммуникационные технологии: изменение форм и способов политического участия, взаимоотношений между обществом и субъектами политики [5, с. 47].

Одним из показателей такой готовности можно с уверенностью назвать активность формирования отдельными гражданами общественных объединений, групп интересов и давления, которые

аккумулируют общие цели, вовлекают в активный общественно-политический процесс.

Общественно-политическая мысль постоянно акцентирует внимание на снижении уровня политического участия граждан, потере традиционными общественными институтами консолидирующей роли [4, с. 47]. Немалую роль в этом процессе сыграли и традиционные средства коммуникации [9, с. 227]. Способны ли виртуальные технологии сетевого общества обратить эту тенденцию?

Коммуникационные возможности Сети могут воздействовать на политический процесс посредством упрощения горизонтальных и вертикальных политических связей: между властными институтами, между государством и гражданами, внутри самого гражданского общества.

Так, сетевые технологии облегчают задачу консолидации граждан и их взаимодействия с государством, переступая через географические и социально-демографические барьеры реальности. Снижаются организационно-информационные издержки политических объединений; увеличиваются возможности по сбору взносов и пожертвований; появляется возможность самостоятельно, посредством информационных ресурсов Сети, распространять свое влияние, находить новых участников, – всё это предоставляет новые возможности в самоорганизации общества. Интернет может способствовать коллективным действиям даже на местном уровне – вплоть до ассоциаций жильцов, члены которых могут общаться через интернет-ресурс, а не проводить собрания. При этом следует понимать, что коммуникационные ресурсы Сети как открывают дополнительные возможности для уже существующих в оффлайне объединений, так и порождают свои виртуальные объединения, не существующие в реальном мире. Интернет дает возможность идентификации и самоопределения группам общественности, которые не могут сформироваться в реальном пространстве.

Благодаря сетевой коммуникации отдельные индивиды с общими целями в различных точках страны могут превратиться в мощную силу, оказывающую в рамках системы «мысли глобально – действуй локально» информационное, а в ряде случаев и деятельностное, давление на субъекты политики. Более того, с помощью Сети отдельный индивид может поднять личную проблему на национальный уровень как проблему системную, привлечь к ней внимание властей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акопов Г. Л.* Интернет и политика. Модернизация политической системы на основе инновационных политических интернет-коммуникаций: монография. – М. : КНОРУС, 2013. – 240 с.
2. *Вершинин М. С.* Политическая коммуникация в информационном обществе. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2001. – 354 с.
3. *Ветров И.* Интернет победил телевизор. – URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2016/11/09/10318019/internetvstv.shtml>.
4. *Касюк А. Я.* Социокультурный аспект и его учет в процессе обучения иностранным языкам // Инновации в образовании. – 2003. – № 3. – С. 43–53.
5. *Киселев А. А., Самаркина И. В.* Интернет: модель и практики политического участия. – Краснодар : Отгиск, 2007. – 103 с.
6. *Клинтоны: суровая неприкрытая реальность.* – URL: <http://inosmi.ru/politic/20161029/238107679.html>.
7. *Мальшиева Ю.* Маккейн обвиняет Обаму // Взгляд (7 октября 2008 г.).
8. *Синчук Ю. В.* Россия и основные геополитические силы в современном мире // Геополитика и безопасность. – 2012. – № 3(19). – С. 60–65.
9. *Рукавицын П. М.* Сохранение национальной идентичности странами запада в условиях этнодемографического вызова // Геополитика. Международные отношения. Социология. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. – С. 224–232. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 25 (658). Сер. Исторические и политические науки).
10. *Харичкин И. К.* О понятии «политическое управление» // Вестник университета (Государственный университет управления). – 2012. – № 4. – С. 99–103.
11. Правда.Ру.–URL:<http://www.pravda.ru/news/world/northamerica/usacanada/11-08-2016/1309590-tramp-0/>

УДК 32.327.

А. И. Селиванов

доктор философских наук, профессор, гл/ научный сотрудник Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета при Правительстве РФ; e-mail: seliv21@mail.ru

НАУЧНАЯ ИСТИНА И ЦЕННОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ И СТРОИТЕЛЬСТВЕ БУДУЩЕГО

В статье исследуется соотношение научной истины и ценности при проектировании и строительстве будущего на основе материалистической философии с примерами других метафизических платформ. Анализируется соотношение фундаментальных и прикладных социальных наук, приводятся примеры политического проектирования будущего гражданского и военного назначения.

Ключевые слова: истина; ценность; метафизика; проектирование; будущее; национальные интересы.

Selivanov A. I.

Advanced Doctor (Philosophy), Professor, Chief Researcher, Center for Economic Security and Strategic Planning, Institute for Economic Policy and Issues of Economic Security, Financial University under the Government of the Russian Federation; e-mail: seliv21@mail.ru

SCIENTIFIC TRUTH AND VALUES IN THE POLITICAL DESIGN AND CONSTRUCTION OF THE FUTURE

The article investigates the relation of scientific truth and values in the design and construction of the future on the basis of materialist philosophy with examples of other metaphysical platforms, analyses the ratio of basic and applied social sciences. The article contains examples of political planning future civil and military purposes.

Key words: truth; value; metaphysics; design; future; national interests.

Научное познание во всех социальных науках по сравнению с естественным и техническим научным познанием отличается сильнейшей и неустранимой ценностной наполненностью. Это впервые удачно показал глава баденской школы неокантианства В. Виндельбанд, деливший науки на номотетические и идеографические. Последующее развитие наук подтвердило, усовершенствовало и углубило понимание сходства и различия типов наук.

В отечественной философской методологии науки в заключительной трети советского периода доминировал скрытый позитивистский подход. При этом известно, что в рамках позитивизма в принципе невозможно провести и обосновать указанное отличие типов наук, а самостоятельной, глубокой материалистической интерпретации и системы аргументации в решении этой проблемы за пределами общих идеологических оценок разработано не было. Различия «в целом» понятны, однако здесь необходимы предметные комплексные разработки – по крайней мере потому, что в настоящее время необычайно заострились различные грани этой проблемы. Одной из принципиальных сторон является теоретическое и практическое понимание и использование соотношения ценностей и целей, с одной стороны, и истины – с другой. Особенно в сфере политики, геополитики, экономики, геостратегии, в том числе при проектировании и строительстве будущего.

Приведем пример. Представители российской власти и СМИ в последние годы столкнулись с проблемой масштабного и массового использования откровенной либо прикрытой лжи для достижения определенных целей многими странами, особенно США, Украиной, странами ЕС¹. Искреннее возмущение степенью наглости искажения очевидных либо доказанных фактов, структурой аргументов и процедурами доказательств действительно стало поражать воображение даже тех, кто сам использует эти же приемы. Требование при этом понятно – дайте людям (гражданам) своих стран истинную информацию (истинное знание) о тех или иных событиях. Однако истинное знание продолжает настойчиво скрываться, препарироваться, искажаться. Вместо него формируется и транслируется иное, ложное, знание. В результате в планетарном информационном пространстве и в сознании людей формируется искаженное представление о реальности, а часто – просто симулякр, иллюзорный образ, не имеющий отношения к реальности вообще. Люди живут, пользуясь этими образами, принимая на их основе жизненные либо управленческие решения, в том числе при проектировании и строительстве будущего.

Единственное политологическое обоснование такой позиции, как ни странно, скрывается в концепции макиавеллизма и подходах,

---

¹Проблема лжи и ее оттенки достаточно хорошо исследованы в отечественной философии, см., например: [2; 6; 13].

использующих эту платформу сторонников прагматизма. Сущность ее в радикальном виде известна – «цель оправдывает средства».

Но здесь необходимо от примера вернуться к теории. Дело в том, что не вполне корректные классификации философских систем в отечественной философской мысли, в частности выделение прагматизма лишь как традиции американской философской мысли, привело к отсутствию либо ослаблению оснований для объяснения и прагматического конструирования реальности на основе материалистической (и иных) философских систем. Прагматика как бы «выпала» из других метафизических платформ и мировоззрений. Тогда как прагматика (прагматизм) на деле присутствует абсолютно во всех мировоззрениях, естественно, получая различные обоснования в целях, ценностях, рекомендуемом и допустимом характере действий. В действительности же базовых философских концепций в европейской и русской культурных традициях пять: материализм, объективный идеализм, субъективный идеализм, религиозная философия (по типам религий), позитивизм. Остальные направления философской мысли (включая экзистенциализм, прагматизм и т. д.) появляются и развиваются (могут развиваться) на основе каждой из пяти указанных философских традиций.

Так, в США прагматизм базируется на специфическом наборе течений христианской религии¹, а также на распространенных среди элит сектантских религиозных конструкциях, масонском и иных мистических учениях. Кроме того, доминирующие в США религиозные и мистические течения отличаются высокой степенью одномерности (в сущности своей отрицающей право иного на собственную истину) и чрезвычайно высоким уровнем мессианства. По сути, что бы американцы ни делали, они полагают себя делающими это нечто во благо мессианской идеи. Как известно, это всегда оправдывает в том числе и ложь как «меньший грех», искупаемый «великими целями», «великой правдой», ложью «во спасение» (себя и «заблудших») и т. д.

¹В США более половины населения протестанты (четверть из них баптисты различного толка), четверть – католики и т. д. Причем, согласно исследованию, проведенному в 2002 г. Pew Global Attitudes Project, США – единственная из развитых стран, где большинство населения сказали, что религия играет «очень важную роль» в их жизни (см.: U.S. Stands Alone in its Embrace of Religion. Pew Global Attitudes Project. – URL: // https://ru.wikipedia.org/wiki/Соединенные_Штаты_Америки).

Второй уровень ценностей – деловая прагматика, прагматика бизнеса, частные и групповые интересы в социальном мире. Особенно важно, что и сегодня здесь работает природа капитала, известная со времен К. Маркса: «Обеспечьте капиталу 10 % прибыли, и капитал согласен на всякое применение, при 20 % он становится оживленным, при 50 % положительно готов сломать себе голову, при 100 % он попирает все человеческие законы, при 300 % нет такого преступления, на которое он не рискнул бы пойти, хотя бы под страхом виселицы. <...> Доказательство: контрабанда и торговля рабами» [7, с. 770] (добавим – сейчас доказательств гораздо больше: терроризм, локальные конфликты, наркотики и т. д.).

Но при этом: а) капитал, любые деловые интересы, цели и действия ищут метафизического оправдания, внутреннего (в глазах самих акторов) и корпоративного (в своем кругу) легального либо тайного оправдания и искупления в идеологии или метафизике; б) для оправдания в глазах граждан (избирателей и налогоплательщиков) они должны прикрываться интересами народа, национальными интересами, метафизическими и мировоззренческими ценностями первого уровня, в том числе используя технологии замещения реальных ценностей и целей создаваемыми всеобщими (общенациональными) симулякрами, псевдоидеалами, ложными истинами и образами и т. д. (не случайно в эпоху Просвещения появилась и такая образная фраза: «религия – опиум для народа»). Конечно, на *прямое* отождествление частных и корпоративных интересов с национально-государственными интересами в тех или иных регионах планеты или отраслях (такими как интересы США, Великобритании и других имперских стран) могут претендовать лишь наиболее крупные капиталы либо их группы. Но и более мелкие деловые структуры находятся «под крышей» этой идеологии.

К сожалению, с некоторых пор в нашей стране (и в мире в целом) практически перестали говорить о социальной и тем более социально-групповой (в том числе классовой) природе науки, ее связи с различными социальными (в том числе политическими) акторами. Это произошло исключительно по идеологическим основаниям, исходящим от глобалистов и право-либеральных идеологов, пытающихся замаскировать истинные смыслы и цели своей деятельности. Данный «отказ» не имеет никаких научных оснований, а сама «отмена» социальной природы науки в либеральной науке и идеологии, естественно,

не отменила действительную социальную природу данного феномена человеческой культуры. Никакая наука: ни естественная, ни техническая, ни тем более социально-гуманитарная – никогда не бывает внекультурной, внесоциальной (внегрупповой), внеисторической. Мировоззренческие, метафизические основания науки обуславливают тот факт, что наука и как процесс познания, и как система знания, и как социальный институт носит социально-групповой (в том числе классовый) характер. Перефразируя К.Маркса, можно сказать, что суть науки не есть абстракт, присущий некоему отвлеченному научному познанию и знанию, в своей действительности она есть совокупность всех социально-культурно-исторических отношений.

Добавим, что социально-групповое (в том числе классовое) противостояние в сфере науки в современную эпоху обостряется. В первую очередь и особенно это относится к отделам социальных наук, имеющим проективное свойство, исследующим и конструирующим будущее. Здесь ведутся настоящие баталии, базирующиеся на различных метафизических платформах, мировоззрениях, ценностных основаниях и целях.

Приведем пример. Материализм – это философия, базирующаяся на признании первичности реальности, ее объективных закономерностей и перспектив, на поиске (в том числе на основе разума) наиболее эффективных форм и путей развития этой реальности в ее гармонии. Соответственно, в обществе первичными признаются внутренние закономерности, потребности и т. д., требующие понимания и уважения со стороны исследователя и управленца¹.

Субъективный идеализм (особенно английская традиция) и основанная ней элитарная идеология – это, напротив, навязывание миру своих ценностей, идеалов, причем в отношении человеческого общества осмысляемого исключительно на основе элитарной и человеконенавистнической идеологии, основанной на принципе «каждому – свое» (отметим важное сходство – именно эту фразу надменно написали немецкие нацисты на воротах концлагеря Бухенвальд). Здесь

¹ Кстати, попытки сведения материализма к земному потребительству и мещанству – не более чем результат войны мировоззренческих концепций, поскольку: а) материализм есть философская концепция первичности материи, а не первичности материальных потребностей; б) именно религиозная метафизика протестантизма стала основанием буржуазного строя, создавшего невиданные по уровню мещанства, потребительства, уровню бездуховности общества современности.

первичны – субъективная оценка и воля (элит). Всему человеческому сообществу и миру в целом на основе этой философии и идеологии навязывается как целевая функция и главная ценность – служение «великому английскому миру», а точнее, его деловым и политическим элитам. И самые дикие (в смысле духовной примитивности) формы протестантизма, особенно американского, являются наиболее удобной социальной базой для защиты этих ценностей и идеологии англосаксонских элит, их «пушечным мясом» (которое, впрочем, начало проявлять себя как нечто разумное и самостоятельное на выборах президента США в 2016 г.).

Другие метафизические платформы предлагают свои решения [5; 6]. Дискуссии, конкуренция, взаимодействие между ними – естественный процесс, ведущий к отбору решений, вариантов, сценариев развития.

Вернемся к теории. Нужны ли в таких «баталиях» истинные знания и истинная информация? Безусловно. Они важны: а) для общедемократического процесса развития, установления реального консенсуса в мире, для решения всех больших и малых дел; б) для социальной инженерии, проектирования будущего, разработки социально-гуманитарных технологий, поскольку всё это может быть эффективным лишь при воздействии на всесторонне исследованный объект средствами, реально имеющими в распоряжении субъекта технологии. Поэтому истинные знания существуют, они постоянно воспроизводятся и востребуются, в том числе теми, кто их скрывает либо искажает.

Это относится как к фундаментальным, так и к прикладным исследованиям будущего. Причем в любой социально-гуманитарной науке необходимы философская платформа, фундаментальные и прикладные исследования, которые составляют органические диалектически связанные стороны исследований, каждая из которых постоянно опирается на другую и исходит из другой, одновременно питает ее. Они взаимно дополняемы и не существуют друг без друга.

Фундаментальные исследования изучают: а) элементную базу развивающихся объектов и совокупность существующих и потенциальных конфигураций элементной базы; б) природу и закономерности причинно-следственных, функциональных, генетических, системных и иных взаимосвязей и взаимодействий (компонентов объекта между собой, объекта с внешней средой, различных состояний объекта во времени) преимущественно для *типов объектов*, разрабатывают их

классификации, типологии и базовые модели относительно фундаментальных взаимодействий и т. д. Одним из важных направлений фундаментальных исследований культур являются философские исследования и исследования философских концепций, вскрытие метафизических оснований культур.

Прикладные исследования – это объектно ориентированное познание, которое предназначено для исследования элементной базы, конфигурации элементов, комбинаций связей и отношений *в конкретном индивидуальном объекте и/или процессе и состоянии*, в том числе – это исследование поведения (деятельности, поступков) конкретных объектов. Спектр задач здесь разнообразен – от получения знания о поведении и динамике объекта в конкретных ситуациях, организации системы текущего мониторинга и решения отдельных ситуационных задач проблемного свойства – до осуществления прогнозов, конструкторских разработок стратегических проектов, выработки государственных политик, формирования программ и планов (и т. д.) применительно к индивидуальному объекту, процессу, состоянию. Всё это осуществляется на основе фундаментального знания элементной базы, законов и закономерностей взаимосвязей и взаимодействий путем формирования различных моделей и сценариев поведения конкретного объекта на основе сочетания теории, эмпирии и экспертно-аналитической деятельности (методы которой исследуются специально [8]) с учетом индивидуальных особенностей конкретного объекта, динамики ситуации и внешней среды.

Причем именно такая «связка» – от философии через фундаментальные исследования к прикладным исследованиям и социальным технологиям – дает необходимый результат в исследовании и практически эффективный результат: через переход от научно-исследовательских работ (НИР) и получение нового научного (в том числе проективного) знания – к опытно-конструкторским разработкам (ОКР, НИОКР), созданию действующих образцов нового, моделей социальных объектов и отношений, социальных технологий и т. д.

Отметим принципиальный момент в формировании научного знания, особенно важный при формировании знания о будущем. Привычными до недавнего времени были аналитические исследования, которые развивались в 1950–1980-х гг. в мире и в СССР и использовались в том числе в военных и разведывательных целях. Эти исследования необходимы, они продолжают и сегодня осуществляться, в том числе

специализированными исследовательскими структурами (например, Российским институтом стратегических исследований)¹. Однако по самой своей постановке они стали совершенно недостаточными, поскольку в условиях нового типа мировой конкуренции и противостояния недостаточно лишь объяснения и понимания (даже глубокого). Более того, сам этот методологический подход, основанная на нем информация являются неконкурентоспособными по сравнению с теми методологиями и результатами исследований, которые разработаны на Западе и являются эффективным интеллектуальным обеспечением социального проектирования и современных социально-гуманитарных технологий. В первую очередь речь идет о проективных, конструкторских разработках и технологиях, имеющих целью не только анализ проблем, но главное – синтез новых моделей (сценариев, проектов), разработку новых образов (будущего), технологий их осуществления и непосредственно их внедрение (как в гражданских, так и в военных целях). Для этого необходимы научно-прикладные учреждения (центры) иного профиля (эффективные для советского периода учреждения такого типа были представлены НИИ Госплана и отраслевыми институтами; в настоящее время в России таких структур нет, но они есть во всех развитых и интенсивно развивающихся странах).

Приведем пример. Военные исследования в условиях традиционных войн 3–5 поколений были и остаются важными. И уже в первой половине XX в. философия войны – это была комплексность видения войны, а также путь от теории к практике и способ организации подготовки командного состава Красной Армии, предполагающий изучение театра военных действий не только как пространственной географии, но и как военной географии, включающей демографию, экономику, строгие научные знания, статистические данные и т. д. [12]. Этот подход полностью оправдал себя в Великой Отечественной войне, в которой в том числе военная экономика, деятельность тыла сыграла ключевую роль².

Урок комплексности нужно извлекать и сегодня, в современной войне. Так, безусловно важно то, что новые технологии шестого

---

¹ В РИСИ проведены совершенно блестящие аналитические исследования. Например, по проблеме организации научных и аналитических исследований в мире изданы работы [4; 5].

² В своих мемуарах Г.К. Жуков неоднократно с огромным уважением и благодарностью упоминает работу тыла и армейские службы тыла [3].

технологического уклада изменяют собственно военные паритеты, направления военной активности, военную технику, основные механизмы военных действий, направления военных ударов для подчинения воли противника и т. д. Изменяются соотношения традиционных методов и средств ведения войны, в частности резко возрастает роль диверсионной активности, которая усиливается новыми типами вооружений, в том числе с носителями взрывчатых веществ огромной разрушительной мощности, технических воздействий на каналы и системы управления и связи, диверсионное оружие космического базирования и т. д. Но это пока не вполне учтено в организации системы национальной безопасности.

Однако мировая конкуренция расширила и продолжает расширять спектр инструментов и требует соответствующего расширения сфер исследований и разработок, в том числе опытно-конструкторских разработок в сфере социально-гуманитарных технологий (управленческих, политических, экономических, культурно-коммуникационных, информационно-идеологических и т. д.). К сожалению, приходится утверждать, что в сфере разработки и реализации технологий такого типа Россия допустила резкое отставание от западных стран. Это при том, что сегодня изменилась и продолжает на глазах меняться философия отношения культур, в том числе философия войны, характер войны, меняются средства и силы ведения войны, меняются сами театры военных действий, временные периоды ведения операций и самих войн. В настоящее время обеспечение национальной безопасности выходит далеко за пределы компетенции Министерства обороны и Федеральной службы безопасности в сферы компетенции Министерства внутренних дел, Министерства науки и образования, Министерства здравоохранения (эпидемиологических служб), экономических и финансовых ведомств, государственных органов по координации средств массовой информации и Интернета и т. д. Однако осмысление новой реальности и разработка методов ведения новой войны в России явно отстает. Не ведется и подготовка кадров в этих направлениях, тогда как все русские военачальники уделяли огромное внимание новому. Так, Г. К. Жуков в его «науке побеждать» возводил в культ практическую учебу, освоение опыта современных войн в сочетании теории и практики, основанных на умении объективно анализировать противника и обстановку [9, с. 21].

Несмотря на уроки прошлых лет современный характер войны в содержании и осуществлении доктрины национальной безопасности

практически игнорируется. Тогда как войны 6-го поколения – это не только войны высокоточные, высокотехнологичные, бесконтактные, войны «без человека». В современных «гибридных» войнах на первый план выходит именно «борьба за души людей», активно развертываемые в этом направлении технологии. Причем в свое время это активно использовалось и МО СССР: в частности, серьезный вклад в обеспечение деятельности наших войск в Афганистане вносили информационные операции по линии Главного политического управления СА и ВМФ.

И если Карл Клаузевиц в свое время говорил, что «война есть продолжение политики иными средствами», то сейчас война «довоенными» средствами стала органическим компонентом войны и даже доминантой военных усилий. Теперь социально-гуманитарные и информационные технологии полностью и органично включены в перечень собственно военных сил и средств как до «горячей фазы» войны, так и после ее наступления. В том числе потому, что современная война, имеющая многоэтапный и многоаспектный характер, предполагает высокую степень активности противника на широком спектре сторон внутренней жизни страны («внутренний фронт»). Эта активность состоит из множества сил и средств информационно-идеологического воздействия («мягкой силы»), организационно-управленческих технологий и действий, «жесткой силы» разведывательного и диверсионного типов. Это трансформирует спектр угроз, задачи сил и средств по поддержанию правопорядка и противодействию угрозам. Основные дополнительные внутренние угрозы, связанные с началом военных действий на внутреннем фронте России следующие:

- «оранжевая» активность, включая общественные организации, НКО, политические партии, известные политические лица, деловые круги, альтернативные «пирамиде власти» и т. д.;
- повышение антироссийской информационно-идеологической активности;
- диверсионная активность, замаскированная под аварийные ситуации и террористическую деятельность;
- активизация экстремизма и терроризма, повышение организованности этих действий;
- хаотизация управления, выведение из подчинения (власти) региональных и ведомственных органов государственной власти

и управления, саботаж со стороны либеральной и коррумпированной части чиновников, использование некомпетентности чиновников, подобранных по принципу клановости и т. д.;

– активизация криминальных сообществ, в том числе международных;

– дестабилизация социальной ситуации, в том числе через усложнение финансовых обстоятельств, возникновение по разным поводам в различных регионах страны стихийных волнений;

– проведение специальных атак на основе новых высокотехнологических разработок;

– активизация нероссийских деловых кругов, в том числе российских по происхождению, но давно нероссийских по сути ТНК, банковских и иных структур.

С учетом изложенного следует согласиться с обоснованностью позиции исследователей, утверждающих, что стратегия развития нашей страны и обеспечения национальной безопасности должна быть не ре-активной (де-факто – пассивной), а наступательной, ориентированной на перспективу и глобальное пространство, стать своего рода «наукой побеждать» [1].

Отсюда важно то, что исследования философии войны вновь становятся актуальными и должны углубляться. Так, с точки зрения категориальной системы диалектического материализма «философию войны» как теоретический конструкт целесообразно представить как некоторый идейный комплекс, который включает в себя осмысление «материи» войны, идеи (целей), движения (активность / покой), пространства (границ войны), времени (времени ведения войны), а также категорий содержание – форма, часть – целое, сущность – явление, цель – средство, причина – следствие, движение – покой, новация – традиция и т. д. Именно так сегодня необходимо осмысливать философию войны, так ее необходимо строить. Например, одно из актуальных направлений философских исследований войны – военное *времяведение*: если изучение пространств, театров военных действий – традиционная военная задача, то изучение природы времени войны представлено лишь в общих чертах, как изучение оперативного и стратегического времени (военных действий, сроков операций), тогда как это – специальная комплексная задача.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белозёров В.К.* От стратегии национальной безопасности – к глобальному и перспективному стратегическому проектированию // *Власть.* – 2016. – № 7. – С. 10–15.
2. *Дубровский Д.И.* Обман. Философско-психологический анализ. – М.: Канон+, 2010. – 336 с.
3. *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления: в 2 т. – Т. 1. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1969. – 415 с.
4. *Комиссина И.Н.* Научные и аналитические центры стран Азии. – М.: РИСИ, 2013. – 324 с.
5. *Комиссина И.Н.* Научные и аналитические центры стран Южной Азии. – М.: РИСИ, 2014. – 316 с.
6. *Лобанов С.Г.* Хронико-событийная информация как социальный феномен: дис. ... канд. филос. наук. – Уфа, 2003. – 147 с.
7. *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 23. – 2-е изд. – 834 с.
8. Рождение коллективного разума: О новых законах сетевого социума и сетевой экономики и об их влиянии на поведение человека. Великая трансформация третьего тысячелетия: сборник / под ред. Б. Б. Славина. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – 288 с.
9. *Савинкин А.Е.* «Целью моей жизни была военная служба, защита Родины...» (к 120-летию со дня рождения Маршала Советского Союза Г.К. Жукова) // *Военный академический журнал.* – 2016. – № 3. – С. 24–33.
10. *Селиванов А.И.* Метафизика в культурологическом измерении // *Вопросы философии.* – 2006. – № 3. – С. 27–39.
11. *Селиванов А.И.* Развитие объектов. Наука управления будущим. – М.: Алгоритм-Пресс, 2016. – 848 с.
12. *Снесарев А.Е.* Введение в военную географию. Письма из Индии и Средней Азии. – М.: Центриздат, 2006. – 512 с.
13. *Щербатых Ю.* Искусство обмана. Популярная энциклопедия. – М.: Эксмо-Пресс, 2002. – 720 с.
14. Turkey // US Department of State (USA), 2008. – URL: <http://www.state.gov/j/drl/rls/irf/2008/108476.htm>
15. *Kubicek P.* Turkey's place in the 'New Europe' // SAM, Center for Strategic Research, 2004. – URL: <http://sam.gov.tr/tr/wp-content/uploads/2012/01/Paul-Kubicek.pdf>
16. *Taspinar O.* Europe needs Turkey // Brookings Institution (USA), 2003. – URL: <https://www.brookings.edu/opinions/europe-needs-turkey>
17. *Tony Blair's* speech in Warsaw. Full text // The Guardian (United Kingdom), 2003. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2003/may/30/eu.speeches>.

18. Turks leave Copenhagen with broken heart, but hopeful. [Electronic resource] // Hurriyet (Turkey), 2002. – URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/turks-leave-copenhagen-with-broken-heart-but-hopeful.aspx?pageID=438&n=turks-leave-copenhagen-with-broken-heart-but-hopeful-2002-12-14>.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 323 (430.2)

И. С. Кремер

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории международных отношений ИМО и СПН, МГЛУ; e-mail: kremer_ilya@mail.ru

ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ЭТАПА СУЩЕСТВОВАНИЯ ГДР

В статье, помимо анализа общего ослабления ГДР, потери властями контроля над событиями и возникновения оппозиции, содержится информация о многотомном историческом источнике – публикации материалов так называемой Анкетной комиссии, образованной бундестагом ФРГ.

Ключевые слова: Германская Демократическая Республика; оппозиция; Анкетная комиссия; объединение Германии.

Kremer I. S.

Advanced Doctor (History), Professor, Department of Theory and History of International Relations, Institute International Relations and Social and Political Sciences; e-mail: kremer_ilya@mail.ru

IMPORTANT SOURCE ON FINAL PHASE HISTORY OF GDR EXISTENCE

Besides general analysis of GDR's influence depression, loss of authority control over the events and opposition emergence, the article deals with information about voluminous historical source – publications of materials so called «Questionary commission» established by Bundestag of FRG.

Keywords: German Democratic Republic; opposition; Questionary commission; Germany's reunification.

За 45 лет существования послевоенного германского вопроса накопилось огромное количество документальных источников и научной литературы, посвященных истории раскола Германии, развития Федеративной Республики Германии, Германской Демократической

Республики, истории политической борьбы на международной арене по вопросам воссоединения страны и, наконец, самому ее объединению.

В распоряжении исследователей находились сборники документов, речи, статьи, переписка государственных деятелей, воспоминания активных участников событий. Никто из историков-германистов, не мог в своей работе обойтись без официальных документов и мемуаров, которые в сумме своей позволяли воссоздать богатую событиями историю «холодной войны» и ее центрального поля битвы – развития германского вопроса.

В нашей стране и в Германии в последнюю четверть прошлого века появились серьезные исследования и очень важные «свидетельства времени»: мемуары активных участников событий на русском и немецком языках. Речь идет прежде всего о работах П. А. Абрашимова, А. А. Ахтамзяна, Ю. А. Квицинского, Э. Кренца, И. Н. Кузьмина, И. Ф. Максимычева, Х. Модрова, Н. В. Павлова, В. Н. Терехова, В. М. Фалина, Г. Шредера, а также на немецком языке – о мемуарах Г. Коля, Э. Бара, В. Брандта, Р. Ф. Вайцзеккера, Г. Шмидта, Х. Д. Геншера, монографиях и статьях Г. А. Якобсена, Э. Шульца, К. Кайзера.

Вместе с названными монографиями и мемуарами образовалась целая библиотека книг, дающая детальное представление о том, что в действительности происходило в Центральной Европе и в мире в связи с таким сложным наследием большой войны, как германская проблема.

Настоящим подарком для германистов стал документальный сборник «Михаил Горбачев и немецкий вопрос», составители и авторы исследований – известный историк А. А. Галкин и помощник президента СССР М. С. Горбачева – А. С. Черняев [1]. Они собрали в этой книге такие материалы, как подробные записи встреч и бесед Президента с лидерами ведущих стран Европы и Америки, копии писем, записи телефонных разговоров мировых лидеров (1986–1991).

И все же, когда знакомишься с большим количеством источников и исследований по интересующей нас проблеме, понимаешь, что по крайней мере одному из них не повезло – почти никто не использует и не цитирует девятитомное немецкое издание, работа над которым велась более двух лет, но, на наш взгляд, должна занять достойное, одно из главных мест в ряду исторических источников (в первую очередь тех изданий, в которых речь идет об истории Германской

Демократической Республики). Мы имеем в виду материалы Анкетной комиссии бундестага «К итогам изучения истории и последствий диктатуры СЕПГ в Германии». Этот труд обязан своим появлением на свет специальному решению бундестага ФРГ от 12 марта 1992 г. [5].

В этот день по предложению всех тогдашних фракций бундестага (ХДС/ХСС, СДПГ/СВДП, Партии демократического социализма – наследницы СЕПГ, «Союз 90/“зеленые”») было принято решение о создании специальной Анкетной комиссии для исследования всех сторон жизни Германской Демократической Республики: условий ее образования, функций марксистско-ленинской идеологии, особенностей экономической системы, роли юстиции и силовых структур в качестве инструментов СЕПГ, отношений церкви и государства, развития внутригерманских отношений, причин и самого хода мирной революции осенью 1986 г.

Интересно отметить, что по поводу внесенного в бундестаг предложения выступили В.Брандт, Г.Коль, глава фракции ХДС/ХСС В. Шойбле, один из лидеров «свободных демократов», В.Мишник и член правительства А.Меркель [4, с. 5–8].

В.Брандт выступил за то, чтобы ничего «не замалчивать», но вместе с тем не забывать и о достижениях ГДР. Ораторы подчеркивали, что из исторических дискуссий может «вырасти» единство, если задача комиссии понимается как задача всех немцев. В.Шойбле говорил, что раскол был общей судьбой всех немцев, а его последствия – их общее бремя.

В этих выступлениях отражены опасения, что «копание» в прошлом и осуждение СЕПГ могут усугубить дистанцирование двух соединившихся частей нации. Назначенный председателем комиссии депутат Райнер Эппельман (ХДС) заявил, что задачи комиссии «носят общегерманский характер, и ее работа станет вкладом во всеобщее примирение» [там же, с. 5–6].

Хотя руководители комиссии пишут, что экономические, военные вопросы и проблемы международных отношений в ходе работы комиссии были только обозначены, читатель найдет в текстах этого источника материалы и по этим вопросам.

Если попытаться несколько детализировать задачи комиссии и практические сферы ее интересов, то мы встретим в собранных материалах сведения о создании иерархии власти в ГДР, об ответственности властных структур и кадров на местах, о воздействии

репрессивных механизмов и, прежде всего, Министерства государственной безопасности, о взаимоотношениях СДПГ с четырьмя блоковыми партиями, средствами массовой информации, с деятелями культуры и т. д. Комиссия не обошла вниманием и такую проблему, как влияние СЕПГ на повседневную жизнь граждан, в том числе на образование, условия труда, спорт и тому подобное.

Всего в комиссию был избран 31 депутат (16 – от ХДС/ХСС, 7 – от СДПГ, 5 – от СВДП, 2 – от «Союза 90 / “зеленых”» и 1 – от ПДС). В помощь членам комиссии было решено пригласить 21 эксперта (тоже принадлежавших к той или иной партии) [4, с. 5–8].

Комиссия очень энергично взялась за дело и в течение двух лет работы провела 40 пленарных заседаний, 150 заседаний групп экспертов, опросила несколько сот «свидетелей времени». Среди последних мы встречаем имена самых известных деятелей Федеративной республики – Г. Коль, Г. Шмидт, Р. Барцель, В. Шеель, Д. Геншер, Х. Модров, Х. Фогель, Г. Шабовски, В. Мишник, Э. Бар. В списке отпрошенных стоит и имя московского историка В. И. Дашичева. Члены комиссии использовали также материалы федеральных и земельных архивов, специальные делегации комиссии выезжали в Москву и встречались с руководством советских (российских) архивов.

Весь объем исследований был разделен на шесть областей:

- I. Структуры власти и механизмы принятия решений в государстве СЕПГ и вопрос об ответственности.
- II. Роль и значение идеологии.
- III. Право, юстиция, полиция в государстве СЕПГ.
- IV. Внутригерманские отношения и международные рамочные условия (именно в рамках этого раздела рассматривается влияние перестройки в СССР на решение германского вопроса).
- V. Роль и самосознание церкви на различных этапах.
- VI. Возможности и формы сопротивления, действий оппозиции, мирная революция осенью 1989 г., объединение Германии и последствия деятельности структур и механизмов диктатуры [там же, с. 9].

До сих пор мы имели дело с подробным докладом Комиссии бундестагу, содержащим чуть более 300 страниц текста, а также вводные материалы, помещенные в первом томе издания. Но попробуем обратиться ко всем томам издания, общий объем которых составляет много тысяч страниц. Возьмем в руки один из самых интересных,

например том VII, содержащий материалы, относящиеся к переломному моменту истории ГДР – осени 1989 г. [5, т. VII].

Наиболее интересные материалы этого тома позволяют исследователям по-новому посмотреть на проблемы внутреннего сопротивления режиму в ГДР. Ведь не секрет, что в течение долгого времени республика, расположенная рядом с Польшей, Чехословакией и недалеко от Венгрии, казалась островом стабильности в социалистическом лагере. Очень редко за восточные границы ГДР просачивались сведения о выступлениях отдельных интеллектуалов (типа Р. Хавемана или А. Барро) против нарушения прав человека или демократических принципов в ГДР или сведения о контактах Евангелической церкви в ГДР со своими коллегами в Западной Германии. Кстати, вспоминая о контактах общественных организаций двух немецких государств, необходимо отметить переговоры по программно-идеологическим вопросам (с весны 1984 г.) между гедезэровской СЕПГ и социал-демократической партией Германии. С 1919 г. деятели двух немецких рабочих партий – левые социалисты (коммунисты) и социал-демократы отказались от каких-либо контактов. Теперь, впервые за 70 лет, они согласились сесть за один стол и выработать документ с деловым спокойным изложением своих взглядов на важнейшие вопросы современного развития [6, с. 4–10]. Содержание документа показывает, что главной побудительной причиной этого события было обостренное чувство опасности, угрозы взаимного уничтожения государств в случае войны. Директор Академии общественных наук при ЦК СЕПГ профессор О. Рейнгольд, возглавивший делегацию своей партии, заявил после подписания документов и переговоров, что речь шла о создании «коалиции разума и реализма» [6, с. 31].

События, происходившие с весны 1985 г. в СССР, не могли не оказать влияния на распространение оппозиционных настроений в ГДР. Часть правящей партии ГДР, как известно, весьма сдержанно отнеслась к «ветрам с Востока», а руководство партии принимало меры к «защите» своего населения от «неклассовой», «общечеловеческой» политики Москвы, которую считали опасной и ревизионистской. Все-таки, оппозиция в ГДР существовала и развивалась. Это убедительно демонстрируют Анкетной комиссии.

Как уже было сказано выше, материалы исторических событий осени 1989 г. в ГДР можно найти в VII томе Анкетной комиссии. Они показывают, что уже в августе 1989 г. в одной из протестантских

церквей в Берлине было принято решение создать «Движение за демократическое обновление» [5, т. VII, с. 1716].

Из тех же материалов видно, что начался период создания легальных оппозиционных организаций, на которых власти не посмели поднять руку. Речь идет об организации «Выступление 89 – Новый форум», объединении «Демократия-сегодня», «Объединенная левая и Социал-демократическая партия ГДР». Всё это проходило в сентябре – октябре 1989 г. Тогда же возникла постоянная контактная группа для координации действий оппозиции. В самом конце года образовалась партия Демократический порыв и началось создание гедэровской партии «зеленых». В отличие от прежних времен, власти не применяли в этот период мер подавления оппозиции.

Материалы VII тома показывают, что 7 декабря 1989 г. начал свою деятельность «Круглый стол», ставший заметным центром нарастающей оппозиции; в издании часто встречается полное название новой организации – «Центральный круглый стол». В «Круглом столе» образовались две почти равные группы – одна из них считала необходимым сохранить самостоятельное социалистическое государство при условии серьезного реформирования республики. Другая половина участников полагала, что ГДР уже невозможно реформировать, и единственный выход – быстрое и тесное сближение двух германских государств.

В дни начала работы «Круглого стола» ситуация в республике быстро менялась. За несколько дней до первого заседания «Стола» Народная палата ГДР удалила из Конституции ГДР положения о руководящей роли марксистской партии. В эти же дни прекратил свое существование навязанный в свое время правящей партией блок партий так называемого Национального фронта.

В ноябре 1989 г. правящая партия проявила свою готовность к переменам, заявив в новой Программе действий, что ее цель – свободные, всеобщие, демократические и тайные выборы, при этом СЕПГ соглашалась поставить выборы под общественный контроль «на всех этапах» [5, т. VII, с. 1714]. В связи с этими новациями авторы вступительной статьи к разделу о «Круглом столе» пишут, что оппозиция «намерена штурмовать уже снесенную изнутри крепость» [там же, с. 1720]. Сам же «Центральный круглый стол» характеризуется в VII т. как «ликвидационное предприятие».

И всё же, во время заседаний «Круглого стола» шла дискуссия о развитии ситуации в ГДР в целом. Из материалов дискуссий ясно, что участники озабочены тем, чтобы складывающееся в стране положение не вышло из под контроля. Кое-кто из активных участников заседаний рассуждал об опасностях, грозящих взорвать ГДР и на первое «самое опасное» место ставил Советский Союз. Министр внутренних дел В. Шойбле заявил: «Как будет себя вести Советский Союз? Я опасюсь, что Советы еще не зашли так далеко, чтобы отказаться от насильственных действий. Они уже многое “проглотили”: демонстрации, падение Стены. Не нужно иметь больших фантазий, чтобы представить себе необозримые риски, связанные с советскими вооруженными силами в Германии» [5, т. 7, с. 1714].

Среди участников «Круглого стола» не было уверенности, что в защиту республики в последний момент не выступят Немецкая народная армия, руководимые коммунистами заводские «боевые группы» и силы безопасности. Только что назначенный на пост руководителя ведомства государственной безопасности Швапитц считал, что главная угроза исходит от улицы. Он объяснял участникам «Круглого стола», что демонстрации становятся всё более агрессивными, непредсказуемыми и враждебными [там же, с. 1729]. Улица действительно действовала всё решительнее, выступая против коррупции и сокрытия генералами миллиардных сумм в швейцарских банках, против лихорадочного уничтожения документов в силовых структурах.

Опасность расширения народных волнений и даже случаи суда Линча не были надуманными. О них собеседники М. С. Горбачева в Москве (Э. Кренц, Х. Модров, Г. Коль) рассказывали советскому руководителю; они подтверждали, что в ряде городов ГДР власти потеряли контроль над событиями, в некоторых случаях имели место погромы помещений и нападения на сотрудников ведомства государственной безопасности [1, с. 312–324, 341–343].

При создании «Круглого стола» участие членов правительства ГДР не предусматривалось. Однако материалы издания свидетельствуют, что глава правительства Х. Модров дважды присутствовал и выступал на заседаниях «Стола».

В беседе с М. С. Горбачевым 30 января 1990 г. Х. Модров рассказал советскому лидеру: «Правительство тоже чувствует в “круглом столе”. 15 января, после тяжелых раздумий, ситуация заставила и меня выступить на заседании “Круглого стола”» [там же, с. 313].

Немецкий гость, однако, не рассказал М.С.Горбачеву, что его первое знакомство с участниками «Круглого стола» было не очень удачным. По привычке партийного работника он обратился к присутствующим со словом «Товарищи!», а также сообщил удивленным участникам «Круглого стола», что выступает перед «перед большим кругом руководителей и секретарей». Кроме того, он заявил этому многопартийному и надпартийному сообществу, что именно находясь на посту премьер-министра, должность которого должна быть надпартийной, он «получил возможность служить своей партии и для своей партии» [5, т. VII, с. 1744].

Тем не менее роль Модрова в эти недели, включая и его выступления на «Круглом столе», имели определенный позитивный политический смысл. На самих заседаниях «Круглого стола» было признано, что благодаря своей разумной тактике Модров «разделяет заслуги тех, благодаря которым во время взрывной ситуации в Европе перемены прошли мирным путем» [там же, с. 1796]. К одной из заслуг Модрова авторы материалов относят и то, что он пошел навстречу настойчивой инициативе «Круглого стола» и распустил крайне непопулярное Министерство государственной безопасности [там же, с. 1811].

По мере приближения выборов 18 марта 1990 г. в ГДР влияние «Круглого стола» ослабевало, некоторые его участники больше не появлялись на заседаниях. Вместе с тем из текста протоколов заседаний «Стола» можно сделать вывод, что его члены попадали во все большую зависимость от воли Западной Германии.

В целом, оценивая этот эпизод общественно-политической жизни ГДР, можно сказать, что образование «Круглого стола» было попыткой создать влиятельную площадку для переговоров, в ходе которых ряд политиков надеялся на быструю разработку плана реформ и создание альтернативы существующему режиму без ликвидации ГДР.

Неудача «Круглого стола» была, по-видимому, предрешена. Оппозиция организовалась слишком поздно, давление и готовность к борьбе улицы опережали усилия политиков. Правящая партия распадалась, из 2,2 млн членов СЕПГ к октябрю 1989 г. – началу 1990 г. осталось несколько сот тысяч членов партии [1, с. 316]. Экономическая ситуация в ГДР ухудшалась с каждым днем, население продолжало передвигаться всеми способами в сторону ФРГ. Всё это сокращало возможности тех кругов, которые надеялись еще на успех политических и других реформ в ГДР.

Вместе с тем, надо признать, что на стороне политиков, стоявших за объединение Германии, выступал объективный ход истории, в рамках которого действовала и дипломатия Советского Союза. 3 октября 1990 г. ГДР перестала существовать как самостоятельный субъект международной жизни.

При оценке перспектив дальнейшего развития внешней политики объединенного германского государства, необходимо учитывать высказываемые российскими историками и политологами соображения, а именно: в последнее время национальные государства отступают перед глобальной мощью сообщества западных держав во главе с США. Это в полной мере относится и к ФРГ. Достаточно сравнить негативную позицию этой страны в связи с экспансией США в Ираке в начале века, с полной поддержкой политической линии США в связи с событиями в Сирии и Украине 10–15 лет спустя.

М. С. Горбачева нередко упрекают в том, что он поторопился и «в пару присестов решил германскую теорему» [3, с. 449]. Сегодня очень трудно сделать справедливые выводы по поводу хода и исхода напряженных переговоров и дипломатической борьбы в 1989–1990 гг. Что касается автора этой статьи, то он считает, что в связи с отказом СССР от прямого вмешательства в германские дела (т. е. повторения чехословацкого варианта 1968 г.), что было, безусловно, правильным, центр тяжести развертывавшихся событий переместился в ГДР. Именно разложение режима, созданного в Восточной Германии, лишило Москву важных козырей в политической борьбе и повлияло на темпы объединения. Вместе с тем, на наш взгляд, необходимо было не просто получить устные заверения (например, о неподвижности НАТО на Восток), но и записать эти обещания в обязывающих документах. Е. М. Примаков пишет в своей книге «Годы в большой политике», что государственный секретарь США Дж. Бейкер заявил, что Советскому Союзу в ходе переговоров «два плюс четыре» должны дать гарантии того, что объединение Германии не приведет к распространению военной организации НАТО на Восток [2, с. 232]. Е. М. Примаков сообщает о заявлении министра иностранных дел Великобритании Д. Хорда об отсутствии в НАТО планов присоединения стран Восточной и Центральной Европы к Североатлантическому договору.

Но на память приходят мудрые советы Талейрана: «В политике, как и в музыке, мотив, не положенный на ноты, не имеет цены».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Михаил Горбачев* и германский вопрос: сб. документов / предисл. и сост. А. Галкин, А. Черняев. 1986–1991 гг. – М.: Весь мир, 2006 – 696 с.
2. *Примаков Е. М.* Годы в большой политике. – М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1999. – 448 с.
3. *Фалин В. М.* Без скидок на обстоятельства. – М.: Республика : Современник, 1999. – 464 с.
4. Bericht der Enquete – Kommission «Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland»: доклад Анкетной комиссии бундестага, опубликован полностью. – 308 с. – URL: www.dipbt.bundestad.de
5. Materialien der Enquete – Kommission „Aufarbeitung der Geschichte und Folgen der SED-Diktatur“. – Bd. I–IX. – Berlin, 1994–1995.
6. Das SED – Papier. Der Streit der Ideologien und die gemeinsame Sicherheit. – Freiburg, 1988.

УДК 327

В. Т. Малахов

кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры теории и истории международных отношений ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: valeriy.malahov@gmail.com

КАРИБСКИЙ КРИЗИС 1962 ГОДА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Нынешнее обострение военно-политической обстановки в мире, российско-американское противостояние в Сирии побудили многих политиков и международных экспертов заговорить о возврате «холодной войны», к ее апогею – ситуации, которая сложилась во время Карибского кризиса. Насколько подобная ситуация возможна? Для ответа на этот вопрос анализируются события, предшествующие Карибскому кризису, его развитию и разрешению. Это важно и для объективного анализа современных кризисов и конфликтов.

Карибский (Кубинский) кризис 1962 г. стал самым опасным в истории «холодной войны», когда две сверхдержавы – СССР и США, были очень близки к полномасштабной войне с применением ядерного оружия. Только после драматических событий октября 1962 г. советская и американская стороны окончательно осознали, что оказались на краю ядерной пропасти.

Карибский кризис имел многоплановые и серьезные последствия, а его итоги стали предметом длительной дискуссии в международном сообществе, последствия которого ощущаются и по сей день.

Ключевые слова: Карибский (Кубинский) кризис; Куба; США; «холодная война»; американское вторжение; ядерные ракеты средней дальности; ракетно-ядерная война.

Malahov V. T.

Ph. D. (Philosophy), Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU; e-mail: valeriy.malahov@gmail.com

CARIBBEAN CRISIS OF 1962: HISTORY AND MODERN TIMES

Current aggravation of military and political situation in the world, Russian and American stand-off in Syria determined many politicians and international experts to start talking about “Cold war”, situation that was formed during the Caribbean crisis, the height of the Cold war. Is such a situation possible? To answer this question, prehistory of the development and resolution of the Caribbean crisis is described. It is also important for the objective analysis of the current crisis and conflicts.

The Caribbean crisis of 1962 became the most dangerous event in the history of cold war, when two superpowers the USA and USSR were extremely close to the full-blown war with the use of nuclear weapons. Only after the dramatic events

that happened in October 1962, both sides finally realized they were on the edge of the nuclear downfall.

The Caribbean crisis had multidimensional and far-reaching consequences, and its results became the object of long termed discussions in the world community.

Key words: Caribbean crisis; Cuba; the USA; Cold war; American intervention; intermediate range missiles; missile and nuclear war.

Сегодня всё чаще говорят о возврате к периоду, вошедшему в историю международных отношений под названием «холодная война». Почему? Потому что обострение военно-политической обстановки в мире, российско-американское противостояние в Сирии побудили многих политиков и международных экспертов вспомнить о ситуации, которая сложилась во время Карибского кризиса – апогея «холодной войны». Насколько подобная ситуация возможна? Для ответа на этот вопрос рассмотрим события, предшествующие Карибскому кризису, его развитию и разрешению. Это важно и для объективного анализа современных кризисов и конфликтов.

1 января 1959 г. на Кубе молодые леворадикальные реформаторы во главе с Фиделем Кастро свергли проамериканский диктаторский режим Батисты. Последовало резкое ухудшение отношений между США и Кубой. Американское руководство начало подготовку насильственного свержения нового правительства.

В марте 1960 г. президент США Д. Эйзенхауэр подписал секретную директиву о создании на территории США отрядов кубинских эмигрантов-контрреволюционеров для высадки на Остров Свободы. Вскоре из них была сформирована десантно-штурмовая бригада, которая помимо осуществления террористических акций и диверсий с осени 1960 г. начала подготовку к вооруженному вторжению на остров.

В ответ на помощь контрреволюционерам со стороны США Ф. Кастро стал искать поддержку у Советского Союза. Кубинское руководство объявило о вхождении страны в «социалистический лагерь».

Новый президент США Дж. Кеннеди дал свое согласие на проведение антикубинской акции, подготовленной ЦРУ еще при Эйзенхауэре. 17 апреля 1961 г. американские самолеты, закамуфлированные под кубинские ВВС, осуществили бомбардировку Кубы, после чего на остров высадились вооруженные отряды кубинских эмигрантов, прошедших подготовку в США. При поддержке кубинского руководства абсолютным большинством населения, бригада наемников,

высадившихся на Плайя-Хирон, была быстро уничтожена. Эта победа нанесла серьезный ущерб престижу американской администрации и принесла громадную популярность режиму Ф. Кастро.

Провал открытой интервенции усилил антикубинскую деятельность США, рассматривавших Кубу как угрозу безопасности для своей страны.

В конце 1961 г. кубино-американский конфликт вступил в новую фазу. Толчком стал секретный американский проект под кодовым названием «Мангуста», в соответствии с которым министерству обороны США предлагалось разработать план использования американских вооруженных сил в случае обращения кубинского подполья за помощью к Соединенным Штатам после начала восстания на острове.

В январе 1962 г. Вашингтон добился исключения Кубы из Организации американских государств (ОАГ). На торговлю с Кубой было наложено эмбарго. В этих условиях Гавана всё больше сближалась с Москвой. Американо-кубинский конфликт перерос региональные рамки и перешел на глобальный уровень после вмешательства Советского Союза, на него начало накладываться общее системное противостояние США – СССР.

В начале 1960-х гг. Куба заняла особое место в советской внешней политике, которая основывалась на принципах классовой солидарности и пролетарского интернационализма. Одним из главных направлений стала защита свободы и суверенитета Кубы. «Молодая Кубинская республика, которая имеет целью воплотить в жизнь социалистическую модель, – писала тогда газета “Правда”, – может твердо рассчитывать на братскую и бескорыстную помощь Советского Союза» [5].

Советско-кубинское военное сотрудничество началось в конце 1960 г. На Кубу стало поставляться советское современное бронетанковое, артиллерийско-минометное вооружение и некоторые виды стрелкового оружия. Небольшая группа советских военных специалистов развернула ускоренную подготовку оружейных расчетов, танковых экипажей и изучение основ тактики их применения в условиях Кубы.

Обращает на себя внимание тот факт, что с августа 1945 г. (применение американцами атомного оружия против Японии) и до Карибского кризиса США вели себя как единственная «всемогущая» держава, отказывая другим в праве на аналогичные действия. К началу 1960-х гг. они создали огромную сеть различных военных баз по периметру границ Советского Союза и Организации Варшавского договора,

с которых могли быть нанесены ядерные удары по нашей стране и ее союзникам. Американские самолеты постоянно вели разведку территории Советского Союза. Особое беспокойство вызывали американские ракеты в Турции, которые, по утверждению министра обороны СССР Р. Я. Малиновского, «могли достичь Москвы за 10 минут» [4, с. 47].

У Советского Союза таких возможностей не было. В Вашингтоне подобную ситуацию считали «нормальной». Именно поэтому сведения о размещении на Кубе советского военного контингента с ракетами вызвали шок и панику не только у руководства США, но и у всего населения, наивно полагавшего, что все американцы находятся в абсолютной безопасности.

Необходимо также учитывать, что США в то время активно наращивали свой ядерный потенциал. Если в середине 1948 г. только 32 самолета типа В-29 Стратегического авиационного командования (САК) США были способны донести до цели атомную бомбу, то через два года – к лету 1950 г. число таких самолетов достигло уже 250. Летом 1953 г. у США имелось 1000 атомных бомб, появились первые в мире стратегические бомбардировщики В-36, которые были способны доставить бомбы до целей на территории СССР и вернуться обратно без дозаправки. В 1960 г. США уже располагали термоядерными зарядами общей мощностью 20 тыс. мегатонн, что эквивалентно 360 бомбам, сброшенным на Хиросиму. Мощность зарядов тогда варьировалась от 0,1 килотонн до 25 мегатонн.

В 1962 г. США имели подавляющее превосходство над СССР по стратегическим ракетно-ядерным вооружениям: 294 МБР наземного базирования против 75 советских (<http://alternathistory.com/sootnoshenie-yadernykh-sil-ovd-nato-na-oment-karibskogo-krizisa>).

В этих условиях руководство СССР придавало большое значение стратегическому расположению Кубы. Размещение советских ракет на ее территории резко увеличивало уязвимость американской территории и означало резкое продвижение СССР к паритету с США и, кроме того, заметно повысило бы престиж молодой Кубинской Республики в глазах многих стран Азии и Африки, только что освободившихся от колониализма.

21 мая 1962 г. ограниченный круг руководителей Министерства обороны СССР получил задание спланировать беспрецедентную по масштабам и срокам операцию по доставке на огромное расстояние

и размещению на Кубе баллистических ядерных ракет средней дальности и крупной группировки советских войск.

Решение о размещении советских ракет средней дальности (РСД) с ядерными зарядами на территории Республики Куба советское руководство приняло на расширенном заседании Президиума ЦК КПСС 24 мая 1962 г. Эта мера рассматривалась как единственная возможность «оградить Кубу от прямого американского вторжения» и было принято «по просьбе кубинской стороны»¹.

Несколько раз глава советского государства Н. Хрущев повторял: «Войны мы не хотим, вооруженный конфликт с США нам не нужен. Вопрос о применении ядерных средств в случае возникновения кризисной ситуации или американского вторжения на Кубу, будет решать Москва, и только Москва».

Сама операция, получившая кодовое название «Анадырь», готовилась под видом стратегического учения с перебазированием войск и военной техники морем в различные районы Советского Союза. Руководить операцией было поручено генералу армии И. А. Плиеву. Согласование деталей с кубинской стороной происходило 31 мая – 9 июня 1962 г. в ходе визита на Кубу советской правительственной делегации, в составе которой находились и представители Министерства обороны СССР.

В итоговом тексте советско-кубинского договора, в частности, отмечалось, что СССР направит на Кубу свои вооруженные силы для усиления ее обороноспособности перед лицом опасности агрессии извне, способствуя, таким образом, поддержанию мира во всем мире. Далее в договоре говорилось, что в случае агрессии против Республики Куба или против советских вооруженных сил, размещенных на ее территории, правительства Кубы и СССР, используя право на индивидуальную или коллективную оборону, предусмотренное

---

¹ Н. С. Хрущев 7 июня 1962 г. на встрече с военным руководством отмечал: «Мы в ЦК решили подкинуть Америке “ежа” – разместить на Кубе наши ракеты, чтобы Америка не смогла проглотить остров Свободы. Согласие кубинской стороны имеется. Цель этой операции одна – помочь выстоять кубинской революции, оградить ее от агрессии США. Политическое и военное руководство нашей страны, всесторонне взвесив все обстоятельства, не видит другого пути предотвращения нападения со стороны Америки, которое, по нашим сведениям, интенсивно готовится. Когда ракеты будут размещены, Америка почувствует, что если она захочет расправиться с Кубой, ей придется иметь дело с нами» [7, с. 179].

статьей 51 Устава ООН, предпримут все необходимые меры для отражения агрессии.

В августе и сентябре 1962 г. с Кубой были заключены соглашения о поставках из СССР оружия и военной техники для кубинской армии, авиации и флота. Увеличивалось число советских военных советников и специалистов¹.

Первое судно прибыло на Кубу 26 июля 1962 г., а затем в течение двух месяцев на остров тайно переправили 42 тыс. чел. личного состава с вооружением, техникой, боеприпасами, продовольствием и стройматериалами. В перевозках войск, боевой техники и вооружения приняли участие 85 судов, которые совершили 180 рейсов на Кубу и обратно².

Так была создана сильная, хорошо вооруженная, боеспособная группа советских войск на Кубе. В ее состав входили: дивизия ядерных ракет средней дальности стратегического назначения – 51-я ракетная дивизия РВСН; две дивизии противовоздушной обороны (144 пусковые

---

¹ После опубликования 12 сентября 1962 г. заявления ТАСС в связи с ситуацией, сложившейся вокруг Кубы, более 32 тыс. солдат, матросов, сержантов и старшин, ожидавших осенью увольнения в запас, «подали командованию рапорты с просьбой об отсрочке их демобилизации». Как сообщалось в донесениях министра обороны СССР и начальника Главного политического управления СА и ВМФ, «тысячи офицеров, сержантов и рядовых обратились к командованию с просьбой направить их в качестве добровольцев на защиту молодой Кубинской республики».

² С размещением личного состава на транспорте были сложности. Трюмы буквально набивались людьми, которым почти месяц суждено было находиться в раскаленной стальной «коробке». Для соблюдения режима секретности выход военнослужащих на палубу ограничивался (только ночью, группами по 20–25 человек). Люки твиндеков, где они размещались, накрывали брезентом, и воздух подавался только по системе вентиляции. Температура внутри достигала порой 50 градусов по Цельсию. Пища выдавалась два раза в сутки в ночное время. Многие продукты (к примеру, сливочное масло, мясо и овощи) из-за высокой температуры быстро портились. Люди болели и даже умирали. Хоронили военнослужащих по морскому обычаю – зашивали в брезент и опускали в море. Позже стало известно, что американцы в то время провели эксперимент: подразделение морской пехоты погрузили в трюм транспортного судна и «покатали» его в океане. Американская медицина не разрешила держать людей в таком состоянии больше трех суток. После этого они сделали вывод о невозможности скрытой доставки больших масс людей на Кубу.

установки зенитных ракет и полк истребителей-перехватчиков МиГ-21, насчитывавший 40 самолетов); два полка фронтовых крылатых ракет (ФКР) с 80 ракетами; полк вертолетов; эскадрилья из шести самолетов-носителей атомных бомб Ил-28; четыре усиленных мотострелковых полка со штатным вооружением, три из которых имели тактические ракеты «Луна» (6 установок); бригада ракетных катеров – 12 единиц; полк береговой охраны с шестью пусковыми установками ракет «Сопка»; полк самолетов минно-торпедной авиации Ил-28 [7, с. 181].

4 октября 1962 г. на остров доставили ядерные боеприпасы для стратегических ракет Р-12 мощностью по 1 мегатонне, 6 авиационных атомных бомб, а также ядерные боеголовки для тактических огневых средств – ракет «Луна», ФКР «Сопка» мощностью от 3 до 12 килотонн.

Впервые в истории Советских Вооруженных Сил была оперативно осуществлена переброска через океан более чем 40-тысячной группировки (ГСВК)¹ с соответствующим количеством техники и вооружения.

Американская разведка, обладая широкими возможностями и средствами, так и не смогла раскрыть состав группировки советских войск на территории Кубы. Развертывание стратегических ракет она обнаружила с помощью аэрофотосъемки только 14 октября, а о наличии тактического ядерного оружия американцы впервые узнали только 30 лет спустя – из доклада российского представителя в 1992 г. на конференции в Гаване.

На 1 октября, когда вся группа уже находилась на Кубе, численность советских военнослужащих оценивалась ЦРУ в 4–4,5 тыс. чел., на 22 октября: 8–10 тыс. чел., в ноябре: 12–16 тыс. человек. В начале 1963 г. при подведении итогов прошедших событий ЦРУ определило численность советских войск в 22 тыс. чел., тогда как на самом деле их было около 43 тысяч.

14 октября американский самолет У-2 заснял строительство стартовых позиций ракет Р-12, а 16 октября о результатах аэрофотосъемки доложили президенту Дж. Кеннеди. После этого кризисная ситуация стала обостряться с каждым днем. Советники президента США предлагали немедленно нанести воздушный удар по ракетным позициям или осуществить прямое вторжение на Кубу. Вооруженные

---

¹ГСВК – группа советских войск на Кубе.

Силы США были приведены в повышенную боевую готовность. То же происходило в Вооруженных Силах СССР. Кроме того, была повышена боевая готовность войск НАТО и Организации Варшавского договора. Военно-политическая и морально-психологическая напряженность резко возросла. Усилилась активность ВВС США, самолеты почти круглосуточно барражировали над территорией Кубы. Некоторые из них на бреющем полете на высоте 100–200 м пролетали над боевыми порядками наших частей. Противоправные действия (самолеты нарушали государственную границу Кубы) американской стороны толкали командиров советских частей на пресечение нарушителей воздушного пространства. Но командующий группой войск отдал приказ не предпринимать никаких мер, которые позволили бы американцам вскрыть нашу систему ПВО и спровоцировать боевые действия¹.

На Кубе объявили всеобщую боевую тревогу, войска регулярной армии выдвинулись на боевые позиции, были развернуты формирования Народной обороны.

22 октября в выступлении по радио Дж. Кеннеди объявил о введении карантина, а фактически – морской блокады молодой Кубинской Республики [1, с. 17]. В тот же день Ф. Кастро отдал приказ Революционным Вооруженным Силам Республики об объявлении боевой тревоги и занятии частями и подразделениями боевых позиций и постов. На военное положение перешла вся Куба. По всей стране прокатился лозунг: «Родина или смерть! Мы победим!» В результате на защиту Кубы было мобилизовано 250 тыс. чел. Руководство Революционных Вооруженных Сил Кубы и командование ГСВК ожидали начала вторжения американцев в самые ближайшие дни.

К 23 октября к берегам Кубы подошло около 180 кораблей ВМС США, на борту которых находились 95 тыс. моряков. На американской базе Гуантанамо в состоянии повышенной боевой готовности были

---

¹Чувствуя безнаказанность, американская авиация (разведывательная, истребительная и штурмовая) бесцеремонно ежедневно, несколькими заходами «прощупывала» весь остров. В небе ежедневно находились десятки самолетов. По воспоминаниям участников тех событий, гул моторов сотрясал воздух. Создавалось впечатление массированного воздушного налета с бомбометанием. Американцы вели психическую атаку. Летчики открытым текстом запрашивали свой командный пункт: «Когда будем наносить удар по Кубе?».

приведены 6 тыс. морских пехотинцев. Приказ о переводе в состояние повышенной боевой готовности получили Вооруженные Силы США в Европе, в том числе 6-й флот, базировавшийся в Средиземном море, и 7-й флот, находившийся в районе Тайваня [2, с. 27–28].

Планом возможной военной операции против Кубы предусматривалось нанесение ежедневно трех массированных ударов. В первый день операции планировалось осуществить 1190 самолетовылетов штурмовой и бомбардировочной авиации [6, с. 132].

Американские силы вторжения, по советским оценкам, насчитывали около 85 тыс. человек личного состава, до 180 кораблей, 430 истребителей-бомбардировщиков и палубных штурмовиков, до 600 танков, свыше 2 тыс. орудий и минометов, до 12 НУРС «Онест Джон». Планировалось также использовать надводные и подводные силы и средства 6-го и 7-го флотов, несколько парашютно-десантных, пехотных и бронетанковых дивизий. Второй эшелон Вооруженных Сил США насчитывал до 250 тыс. чел. и 460 военно-транспортных самолетов. К 25 октября все стартовые позиции советских ракет Р-12 находились в готовности к пускам. Сложилось чрезвычайно опасное положение, когда в любой момент могла разразиться ядерная война.

Еще более обстановка обострилась после 27 октября 1962 г., когда советская зенитная ракета сбила над территорией Кубы американский высотный самолет-разведчик U-2 «Локхид»¹ [там же]. В ночь с 27 на 28 октября 1962 г. диверсионные отряды «гусанос» из Майами (США) пытались высадить десант (5 тыс. чел.) в районе города Санта-Крус-дель-Норте. Только благодаря бдительности руководства противокорабельного комплекса были подняты по тревоге передовые отряды РВС Кубы и дивизиона «Сопка» ГСВК. Высадка была сорвана. Часть «гусанос» была уничтожена, часть пленена. Корабли с «гусанос» вернулись в США.

Кризис грозил перерасти в мировую ракетно-ядерную катастрофу. В этой накаленной до предела обстановке у руководителей СССР и США – Н. Хрущева и Дж. Кеннеди всё же хватило здравого смысла и выдержки. Между ними начались интенсивные переговоры – телефонные и через посредников (прямой закрытой связи в то время

---

¹ Кубинцы передали тело американского летчика представителям американского командования. Остатки самолета поместили в музее Гаваны для публичного осмотра и в качестве вещественного доказательства агрессивной политики США против Кубы.

между США и СССР не было). Большую роль при этом сыграли наши дипломаты и разведчики. В итоге сложных и напряженных переговоров глав двух государств президент США дал гарантию не вторгаться на Кубу, если СССР уберет оттуда наступательное оружие. Советская сторона, согласившись с этим, настояла также на ликвидации американской ракетной базы в Турции.

28 октября начался демонтаж стартовых позиций ракет и подготовка ракетной дивизии в полном составе к передислокации в Советский Союз.

Москва свое решение о выводе ракет из Кубы приняла без согласования с Ф. Кастро, что вызвало сильное раздражение кубинского лидера, поскольку вопрос об их размещении был отражен в двустороннем договоре. Более того, Кастро был недоволен и тем, что мы согласились на американские инспекции вывода наших ракет. В послании Н. С. Хрущеву от 31 октября он писал: «...многие кубинцы пережили в момент заявления Советского Союза о выводе ракет непередаваемую горечь и печаль. Глаза тысяч людей, кубинцев и советских, которые были готовы умереть с высшим достоинством, пролили слезы, когда стало известно о внезапном, неожиданном и практически безоговорочном решении об удалении оружия».

2 ноября на Кубу прибыл член Президиума ЦК КПСС А. И. Микоян, проработавший там до 20 ноября. Именно на него была возложена задача сгладить последствия возникших недоразумений в советско-кубинских отношениях. С 5 по 9 ноября все баллистические ракеты, а также бомбардировщики Ил-28, отнесенные американцами к наступательному оружию, с Кубы были вывезены. Личный состав дивизии численностью более 7 тыс. чел. и техника с 1–12 декабря на 24 транспортах отправлены в СССР.

Вооруженное столкновение было предотвращено. «Карибский кризис» постепенно пошел на спад.

Положительным аспектом Карибского кризиса было достижение договоренности об установлении и поддержании постоянных контактов между руководителями СССР и США по прямой закрытой телефонной связи. Определенный контакт был также налажен и между разведывательными ведомствами двух стран.

По директиве министра обороны СССР от 1 ноября 1962 г. на острове из состава ракетных войск стратегического назначения оставались около тысячи офицеров и солдат, определенное количество

автотехники, радиостанций и ряд вспомогательных подразделений. Что же касается военной техники других видов вооруженных сил (самолеты МиГ-21, УТИ МиГ-15, Як-12, Ан-2, вертолеты Ми-4, ракетные катера и т.д.), то большинство из них в течение 1962–1963 гг. советские военные специалисты передали кубинской стороне. По просьбе кубинского руководства советские военные советники и специалисты различного профиля приступили к работе по созданию на базе Революционных вооруженных сил Кубы регулярной кадровой армии. По настоятельной просьбе правительства Кубы на острове осталась лишь отдельная мотострелковая бригада (спустя 10 лет была вывезена на Родину) [3, с. 181].

Карибский (Кубинский) кризис 1962 г. стал самым опасным в истории «холодной войны», когда две сверхдержавы – СССР и США были очень близки к полномасштабной войне с применением ядерного оружия. Только после драматических событий октября 1962 г. советская и американская стороны окончательно осознали, что оказались на краю ядерной пропасти.

Формально кризис был завершён 7 января 1963 г., когда представители СССР и США обратились с совместным письмом к Генеральному секретарю ООН с просьбой исключить вопрос о Карибском кризисе из повестки дня СБ ООН.

Карибский кризис имел многоплановые и серьезные последствия, а его итоги стали предметом длительной дискуссии в международном сообществе.

Стало очевидно: ядерная конфронтация между США и СССР – это угроза существованию всего мира. Были выработаны «правила поведения», позволившие в дальнейшем не допускать в отношениях между Москвой и Вашингтоном возникновения подобных ситуаций. Между этими городами была установлена прямая линия «горячей» связи.

Советское военное присутствие на Кубе показало, что СССР – это мощная держава, располагающая оружием, способным нанести Америке сокрушительный удар, а согласие пойти на компромисс во избежание эскалации конфликта – свидетельство миролюбивого характера внешней политики СССР.

СССР одержал военно-стратегическую победу, так как были устранены уже существовавшие ракетные базы в Турции и Италии, гарантирована неприкосновенность территории Кубы.

В новой международной обстановке, сложившейся после Карибского кризиса, в 1963 г. был подписан Договор о прекращении ядерных испытаний в трех средах (в атмосфере, космосе и под водой).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дипломатический словарь: в 3 т./глав. ред. А. А. Громько, П. П. Севостьянов, С. Л. Тихвинский. – 4-е изд. – перераб. и доп. – М.: Наука, 1984–1986.
Т. I: А–И. – 1984. – 422 с.
Т. II: К–Р. – 1985. – 504 с.
Т. III: С–Я. – 1986. – 750 с.
2. *Закиров Р.* Карибский кризис – как это было на самом деле // Независимое военное обозрение. – 22.10.2010. – С. 24–29.
3. *Золотов С. М.* Шли на помощь друзьям // Военно-исторический журнал. – 1994. – № 4. – С. 18–21.
4. *Ладыгин Ф. И., Лота В. И.* ГРУ и Карибский кризис. Секретная хроника опасной конфронтации. – М.: Кучково поле, – 2012. – 144 с.
5. Правда, 22.01.1962 г. / ред. ст. «СССР не бросит Кубу в беде».
6. *Пыхалов И. В.* Спецслужбы США. – М.: Олма-пресс, 2003. – 367 с.
7. Россия (СССР) в войнах второй половины XX века [участие российских (советских) военнослужащих в боевых действиях за пределами Российской Федерации (СССР) после Второй мировой (1946–2002)] / Институт Военной Истории МО РФ. – М.: Триада-фарм, – 2002. – С. 149–188.

УДК 316.62

И. В. Михайлин

доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: mikhailin.igor@mail.ru

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА

В статье на примере действий баскских и чеченских экстремистов рассматривается процесс трансформации современного терроризма. Именно в этих национальных экстремистских отрядах в 1990-е гг. стали зарождаться и укрепляться определенные черты, позволившие поднять терроризм на более высокий уровень – международный. Показано, как, начиная с 2013–2014 гг., в террористическом лагере утверждаются новые качественные и количественные изменения, благодаря которым постоянно возрастает исходящая от него угроза для международной безопасности и стабильности. Терроризм превратился в главную угрозу для человеческой цивилизации.

Ключевые слова: этнотерроризм; международный терроризм; сепаратизм; ислам; жизненное пространство террористов.

Mikhailin I. V.

Advanced Doctor (History), Professor, Department of Theory and History of International Relations, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU; e-mail: mikhailin.igor @ mail. ru

UPON THE PROBLEM OF TRANSFORMATION OF CONTEMPORARY TERRORISM

The article deals with the process of transformation of contemporary terrorism taken as a basis Basque and Chechen extremist activities. Precisely in Basque and Chechen national extremist detachments in the 90s last century came into being and enforced themselves certain features which contributed to upgrading terrorism to a higher level of international terrorism. The Article shows that starting with 2013-2014 period in the terrorist camp quantitative and qualitative changes which contribute to increasing constant danger to international security and stability have prevailed. Terrorism turned into the principal threat to human civilization.

Key words: ethnoterrorism; international terrorism; separatism; islam; vital space for terrorists.

В обновленной Стратегии безопасности Российской Федерации (2015) терроризм («деятельность террористических и экстремистских организаций») поставлен на второе место в перечне угроз государственной и общественной безопасности [7].

Для повышения уровня опасности, исходящей от терроризма, есть все основания. В XXI в. Россия неоднократно становилась мишенью атак террористических и экстремистских группировок: захват концертного зала на Дубровке в 2002 г. (130 погибших), взрывы в московском метро в 2004 и 2010 гг., в Беслане в 2004 г. (335 жертв), в аэропорту Домодедово в 2011 г., приведшие к многочисленным человеческим жертвам. До сих пор почти каждый день поступают сообщения о предотвращении попыток совершения новых терактов.

Серьезно страдают от терроризма и другие страны. Теракты в Мадриде в 2004 г. (191 погибший), в Карачи в 2007 г. (136 чел.), в Бомбее в 2008 г. (195 чел.), двойной теракт в Афганистане в 2011 г. (80 чел.) привели к числу жертв, сопоставимому с невосполнимыми потерями в России.

Терроризм превратился в прямую угрозу для всей цивилизации. Безотлагательная срочность нейтрализации террористической угрозы повелительно требует синергии усилий, в первую очередь военных, административных, но также и интеллектуальных для нанесения терроризму решительного поражения.

К настоящему времени сложилось достаточно много определений понятия «терроризм», закрепленных в международно-правовых документах или принадлежащих отдельным авторам, как отечественным, так и иностранным. Вместе с тем общего определения терроризма нет, что значительно осложняет объединение и координацию усилий разных стран для борьбы с этим злом.

Терроризм в Федеральном законе РФ «О противодействии терроризму» определяется как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [8]. Федеральный закон РФ «О борьбе с терроризмом» дает определение понятия «террористическая деятельность», которое в действующей редакции 2006 г. приобрело несколько более полное толкование: «Террористическая деятельность включает в себя организацию, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта, подстрекательство к нему, организацию незаконного вооруженного формирования, вербовку, вооружение, обучение и использование террористов, информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или

реализации террористического акта, пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности» [9].

В процессе своего развития терроризм прошел несколько этапов, главным содержанием которых стал переход от индивидуального насилия к террору, организованному в лице структурированных экстремистских группировок. К началу XXI в., по подсчетам специалистов, в мире было около 500 экстремистских структур разного толка. Сложился своего рода «террористический интернационал» из экстремистских группировок разных стран. В нем четко прослеживается несколько основных направлений, которых придерживаются многие известные террористические структуры. К их числу можно отнести:

– националистический, или этнический, терроризм. Ориентируется на преимущественное осуществление террористических акций этносепаратистской направленности («Ирландская республиканская армия», баскская организация ЭТА, «Фронт национального освобождения Корсики» и др.);

– религиозный терроризм. Проявляется в нетерпимом отношении его последователей к представителям других верований («Братья мусульмане», движение Талибан, «Хисб ут Тахрир аль-Ислами» и др.).

Среди других, наиболее часто встречающихся разновидностей, заслуживают упоминания политический терроризм, государственный или поддерживаемый государством терроризм, технологический терроризм, криминальный терроризм и др.

В современном мире в основе большинства вооруженных конфликтов лежат причины, так или иначе связанные с проявлениями национально-этнического и религиозного терроризма. Из числа террористических группировок, наиболее полно отвечавших критериям этих двух разновидностей, заслуживают упоминания радикально-националистическая организация ЭТА (Эускади Та Аскатасуна – Страна Басков и Свобода) в Испании и чеченские террористы в России. Анализ действий этих экстремистских группировок в 1990 гг. позволяет выделить схожие или общие черты, а также находившиеся тогда в стадии формирования особенности, ставшие на более позднем этапе

устойчивыми характеристиками трансформации терроризма в свою качественно новую разновидность – международный терроризм.

Терроризм в Испании и в российских республиках Закавказья является этническим по своей природе. Руководство ЭТА изначально определило радикальный национализм основой своей террористической деятельности. Заявленными целями ЭТА были отделение Страны басков от Испании и создание независимого государства с включением в него провинций Алава, Бискайя, Гипускоа и Наварра. Последующее решение о включении в состав будущего государств трех приграничных департаментов Франции с преобладающим баскским населением придало сепаратистским планам ЭТА международный характер.

Планы отделения от России и создания независимого государства Ичкерия вынашивали и чеченские террористы-сепаратисты. Захватом летом 2000 г. ряда населенных пунктов Дагестана они вознамерились включить и территорию этой республики в состав предполагаемого государства. При этом чеченские террористы вдохновлялись не столько националистическими, сколько религиозными мотивами в духе извращающего дух ислама воинствующего ваххабизма.

Показательно, что за свои экстремистские действия, совершаемые для реализации сепаратистских планов, ЭТА была включена в составленный Государственным департаментом США список наиболее опасных международных террористических организаций, а чеченские террористы – нет. Так состоялось деление террористов на «плохих» и «хороших», которых западные СМИ изображали «борцами за свободу» или «оппозиционерами, борющимися с авторитарными режимами». Это размежевание получило продолжение в уклонении Вашингтона и возглавляемой им антитеррористической коалиции от нанесения ударов по боевикам ИГИЛ и «Джабхат ан-Нусра» в ходе военных событий 2015–2016 гг. в Сирии.

Немало общего у испанских и чеченских боевиков в методах ведения террористической деятельности. Исполнителями терактов в Испании были в большинстве случаев мобильные группы боевиков ЭТА («коммандос»), а мишенями для их атак служили преимущественно «люди в погонах», государственные и муниципальные служащие. Были, однако, и резонансные убийства – председателя конституционного трибунала Ф. Томас-и-Вальенте, одного из руководителей Соцпартии Ф. Мухики, видного деятеля Народной партии Г. Ордоньеса. В «расстрельном списке» чеченских террористов,

помимо военнослужащих российской армии, фигурировали также лояльные центральной власти сотрудники чеченской администрации, служители церкви.

Схожей в арсенале обеих террористических групп была и тактика «малой интенсивности». Она заключалась в организации баскскими террористами в вечерние часы субботы или воскресенья беспорядков, мелких диверсий, метаний «коктейлей Молотова» в дома тех, кого ЭТА пыталась запугать, на улицах малых населенных пунктов Страны Басков. В результате в большинстве случаев им удавалось создавать атмосферу страха и напряженности в масштабе отдельных населенных пунктов и даже целого региона. Тактикой нагнетания напряженности в сопредельном Ставропольском крае пользовались и чеченские боевики, организовавшие вооруженный захват больницы в Буденновске (1995), они неоднократно устраивали взрывы на железнодорожном вокзале в Пятигорске.

Серьезное внимание террористы обеих стран уделяли подготовке кадрового резерва. Роль кадровой «кузницы» ЭТА выполняла молодежная организация «Харраи», члены которой с юных лет проходили выучку, участвуя в конфликтах «малой интенсивности» в баскских населенных пунктах. Наиболее активные и жестокие со временем пополняли ряды боевиков-ветеранов, осуществлявших террористические вылазки в масштабе всей Испании.

Столь же пристальное внимание подготовке нового пополнения уделяло и руководство чеченских террористов. Эта подготовка включала идеологическую и военную составляющие. Функция идеологического воспитания возлагалась на два учебных заведения. Ведущая роль была отведена исламскому институту «Кавказ», который, по сути, представлял собой филиал международной террористической организации «Братья мусульмане». Идеологическая подготовка в основном сводилась к насаждению идей ваххабизма. Учебным заведением более низкого уровня была медресе в селении Харачой. Военная подготовка будущих террористов осуществлялась в специализированных лагерях под кураторством в то время лидера чеченских террористов Хаттаба. В «Абдулджафар-лагере» преподавались тактика и методы партизанской войны; в «Якуб-лагере» учили обращаться с тяжелым вооружением; в «Абубакар-лагере» занимались подготовкой для диверсионной работы; в «Давлат-лагере» курсанты специализировались

на методах ведения психологической войны и распространения идей ваххабизма [3].

Таким образом, можно заключить, что длившаяся более шести десятилетий борьба боевиков ЭТА за независимость Эускади завершилась ничем. Однако российские исследователи-испанисты С. Хенкин и Е. Самсонкина справедливо отметили, что борьба террористов с применением насилия нанесла огромный материальный и моральный ущерб баскскому и испанскому обществу в целом [10]. Бесславно завершились и усилия чеченских террористов. Антитеррористические мероприятия сил правопорядка, смена руководства в Чеченской Республике привели к тому, что террористы постепенно сошли с региональной сцены, хотя эпизодически еще напоминают о себе разовыми экстремистскими вылазками.

Провал сепаратистских планов террористов нельзя, однако, признать безоговорочным. Своими действиями, несомненно, неправомерными и заслуживающими безоговорочного осуждения, они в какой-то, пусть даже в минимальной степени, оказали воздействие, если не на само принятие, то на ускорение решений центральных властей обеих стран о расширении автономных прав басков и чеченцев. В Испании это выразилось в увеличении ее финансовой обеспеченности (собираемые налоги остаются в Стране Басков и используются для решения задач экономического развития) и создании собственной полиции. Россия в рамках процесса нормализации ситуации в Чечне также пошла по пути некоторого расширения прав автономии¹ [6].

Испанские и чеченские террористы, добиваясь достижения заявленных целей с использованием насилия и иных форм противоправной деятельности, тем не менее, играли роль самостоятельных игроков в рамках политических процессов в своих странах. В то же время они были и национальными отрядами, непосредственно участвовавшими в процессе трансформации терроризма в качественно новую его ипостась – международного терроризма.

Трансформация традиционного (индивидуальное насилие, экстремистская деятельность, строго ограниченная рамками иерархической структуры каждого бандформирования) терроризма в международный происходила параллельно с развитием процесса глобализации.

---

¹ Расширение автономии коснулось в основном правового статуса Чеченской Республики в государственной структуре РФ.

Глобализация способствовала не только расширению международных связей в различных областях, но и, как побочный эффект, привела к интернационализации контактов между террористическими организациями разных стран. Правомерно говорить и о расширении географии международного терроризма. В наши дни, как справедливо отмечает авторитетная исследовательница проблем мировой политики М. Лебедева, международный терроризм действует в режиме «использования территории и вовлечения граждан в террористические действия более чем одной страны». Большое значение имеет и другой ее вывод о том, что международный терроризм представляет собой вызов не отдельному государству или группе стран, а модели развития мира [2]. Главное противостояние современного мира свелось, по сути, к несколько упрощенной, но верной формуле – «терроризм против человеческой цивилизации».

Трансформация терроризма в международный сопровождалась появлением новаций, которые коснулись членского состава, характера экстремистской деятельности, ее форм и методов. Некоторые из них сначала проявлялись в деятельности национальных отрядов, накапливались, оценивались с точки зрения применимости к местным условиям, проходили в них обкатку и проверку на эффективность, чтобы затем стать характерными особенностями международного терроризма.

Новация коснулась членского состава террористических организаций. Вместо традиционно мононационального он стал многонациональным, функционирующим по принципу «сообщающихся сосудов», т. е. свободного перемещения террористов из одного бандформирования в другое, из одной страны – в другую. Появление в бандотряде нового боевика, особенно если он иностранец, может привести к обмену опытом, заимствованию апробированных форм террористической деятельности. В результате эффективность террористических действий повышалась. В террористических вылазках ЭТА выявлено участие выходцев из Франции, стран Латинской Америки. Первым из арестованных испанской полицией иностранцев был француз А. Паро, которому Верховный Суд Испании предъявил обвинение в совершении 28 терактов, приведших к гибели 37 человек. В рядах чеченских боевиков по данным, сообщенным Президентом РФ В. Путиным в беседе с американскими журналистами 10 ноября 2001 г., воевали 500–700 наемников только из исламских государств.

Другой новацией стало появление на рубеже XXI в. направляющей силы террористической борьбы в лице группировки «Аль-Каида». Выбор в ее пользу объяснялся тем, что она первой развернула террористические операции по всему миру, первой наладила систему вербовки и подготовки боевиков, включая смертников; кроме того, к числу «достоинств» была отнесена и способность ее руководства объединить мелкие террористические группировки в разных странах, благодаря чему «Аль-Каида» обрела способность направлять их деятельность [1].

Новым в деятельности международного терроризма стали резко возросшие возможности неожиданно наносить удары большой разрушительной силы по объектам жизнеобеспечения в разных странах. Два примера. Атака с использованием захваченных боевиками четырех самолетов на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и на административные здания в Вашингтоне 11 сентября 2001 г. не только забрала жизни нескольких тысяч американцев, но и стала первым терактом в истории США с деморализующим эффектом для американской общественности. 11 марта 2004 г. на 12 железнодорожных вокзалах Мадрида синхронно прогремели взрывы. Испанская пресса поспешила обвинить в этом баскскую экстремистскую организацию ЭТА, однако уже 13 марта «Аль-Каида» взяла на себя ответственность за эти теракты.

Заслуживающий безоговорочного осуждения теракт оказал двойное воздействие на политику испанских властей. Находившаяся у власти на тот момент «Народная партия» проиграла ближайшие парламентские выборы. Пришедшая к власти Испанская социалистическая рабочая партия выполнила данное избирателям обещание и вывела испанский военный контингент из Ирака, введенный прежними властями в знак солидарности с американской агрессией в 2003 г. в эту страну.

Особенностью последнего времени стала концентрация в руках главных террористических структур огромных финансовых ресурсов. Действительно, прошли те времена, когда ЭТА, чеченские террористы, другие экстремистские группировки добывали средства преимущественно финансовым «рэкетом». Ныне главные террористические структуры зарабатывают на торговле людьми, вымогательстве, перевозке наркотиков, контрабанде культурных ценностей и др. Появился и такой дополнительный источник дохода, как финансовая

спонсорская помощь. В роли денежных «доноров» террористической организации «Аль-Каида» в начале XXI в. выступали три йеменские компании, поставлявшие на рынки разных стран мед и сладости. Известно также, что чеченские экстремисты получали средства из финансового фонда международного террориста Усамы Бен Ладена. Он же выступал финансовым спонсором и баскской организации ЭТА. Испанской прессе стало известно о постоянных контактах ЭТА с одним из финансовых агентов Усамы Бен Ладена в Европе алжирцем Хамидом Айши. Было установлено, что Айши передал значительную сумму для перевода средств со счетов из ирландских в испанские банки в Бильбао и Сантандере (Страна Басков). Сам Усама Бен Ладен тщательно подходил к выбору террористических структур для оказания финансовой помощи и отдавал предпочтение тем из них, которые могли бы оправдать вложенные в них средства.

Еще одной новацией, самой опасной для мира и стабильности, стала возрастающая тяга террористов к использованию высокотехнологических средств осуществления террористической деятельности. Использование самолетов для террористических атак в Нью-Йорке и Вашингтоне в 2001 г. стало основанием для появления понятия «высокотехнологичный терроризм». Особую тревогу вызывают настойчивые попытки террористов обзавестись оружием массового уничтожения. После того, как в марте 1995 г. активисты экстремистской группировки «Аум Синрикё» расплыли в токийском метро нервно-паралитический газ зарин, терроризм как бы перешагнул психологический барьер, ранее сдерживавший террористов от применения оружия массового уничтожения.

В ходе военных действий в Сирии (2015–2016) террористы ИГИЛ неоднократно использовали боевые отравляющие вещества. Еще большую опасность представляет стремление террористов обзавестись ядерным оружием. Специалисты оценивают такую перспективу как трудно осуществимую, но при определенных обстоятельствах всё же возможную. К числу таких обстоятельств, в частности, можно отнести утечку ядерных технологий. Одним из известных примеров несанкционированного «расползания» ядерных секретов стал обнаруженный в 2004 г. канал из Пакистана. Он был организован из соображений личной выгоды группой ученых-ядерщиков при участии «отца» пакистанской ядерной бомбы А. К. Хана. У него на связи находились индивидуальные поставщики из стран Европы, Ближнего

Востока, которые в течение почти 20 лет осуществляли поставки ядерных технологий заинтересованным государствам-клиентам. Известно, что «Аль-Каида» и еще несколько террористических группировок проявляют настойчивый интерес к приобретению ядерного оружия [11]. Все изменения в развитии международного терроризма происходили на фоне роста экстремистских выступлений в разных странах.

В. Назаров, заместитель секретаря Совета безопасности РФ, который провел глубокий анализ террористических акций последних лет, сделал вывод, что международный терроризм, начиная с 2013–2014 гг., вступил в новый этап. «Произошла его окончательная глобализация, завершился процесс сращивания с транснациональной организованной преступностью, существенно возросла степень опасности террористических вызовов» [4, с. 117]. С такой оценкой можно согласиться, особенно с учетом того, что упомянутые качественные изменения подкрепляются важными показателями, отражающими возращание террористической активности.

Действительно, в 2013 г. более 90 государств испытали на себе трагические последствия террористических акций. Всего в 2013 г. в мире было совершено около 10 тыс. террористических актов, что на 40 % больше, чем годом ранее. Жертвами террористов стали около 18 тыс. чел. и около 33 тыс. чел. получили ранения [6]. Возросла демонстративная жестокость террористов по отношению к раненым и захваченным в плен. Умножается общественная опасность для населения, проживающего в непосредственной близости от районов, где совершаются террористические акты. Сращивание с уголовной преступностью и наркобизнесом позволяет террористическим структурам постоянно увеличивать свои финансовые ресурсы и использовать их для приобретения новейших образцов вооружений.

К числу новаций следует отнести и перегруппировку сил в террористическом лагере. Возвысившаяся в течение последних 15 лет над всеми остальными террористическими структурами организация «Аль-Каида» как бы отошла в тень, а ее место заняла, возможно, еще более жестокая (если судить по многочисленным казням пленных сирийцев) организация «Исламское государство» (ИГ). Руководство ИГ заявило о создании на всех захваченных боевиками территориях Сирии и Ирака «Исламского Халифата», но его замыслы в полном соответствии с заветами идеолога исламского экстремизма Сейда

аль-Кутба простираются до организации джихада против «неверных», т. е. всех тех, кто не разделяет их взгляды. Реализацию этих замыслов сорвали российские воздушно-космические силы.

Еще одна новая черта состоит в возрастании угрозы, продуцируемой кибернетическим терроризмом, одним из способов которого является политически мотивированная атака на информацию. Она заключается в непосредственном управлении социумом с помощью превентивного устрашения – отмечают кандидат философских наук Н. Григорьев и кандидат социологических наук Э. Родюков. Это проявляется в угрозе насилия, поддержании состояния постоянного страха с целью достижения определенных политических целей, принуждения к определенным действиям, привлечения внимания к определенной террористической организации. Так, например, за 2015 г. число аккаунтов группировки Исламское государство выросло более, чем вдвое. А самый мощный всплеск произошел в 2014 г. – с 4378 до 11 902 аккаунтов [5].

Новизна применения этого информационного инструмента состояла в рассматриваемый период в том, что в какой-то момент он едва не был поднят на государственный уровень. В ответ на недоказанную документально причастность России к хакерским кибератакам на сервер «Демократической партии» в период президентской предвыборной кампании ее видный деятель Дж. Байден заявил, что США ответят «в нужное время» и с наибольшим эффектом. Со сменой президентской администрации в США острота едва не начавшейся кибернетической войны между Россией и США постепенно сошла на нет.

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. Терроризм представляет собой сложный социально-политический феномен. Он был и остается вне правового поля, насильственные акции террористических и экстремистских организаций не могут вызывать ничего, кроме решительного осуждения. Вместе с тем, в ряде случаев терроризму удастся оказывать влияние на политику правительств.

2. Терроризм как социальный организм имеет внутренний потенциал саморазвития и саморегулирования. Благодаря способности к саморазвитию он в течение всей мировой истории как бы сопровождает человечество, меняет формы и методы своих действий, выдерживает усиливающееся на него давление, включая военную силу.

Саморегулирование помогает терроризму приспосабливаться к особенностям каждой эпохи, вписываться с извлечением для себя выгод в доминирующую мировую тенденцию, переходить на новую, более высокую стадию своего развития.

3. На всех этапах истории терроризм представлял угрозу для человечества. Сегодня эта угроза многократно возросла с учетом того, что благодаря обладанию огромными финансовыми ресурсами современный терроризм способен приобретать самые современные виды вооружений, включая ядерное оружие или его компоненты. Терроризм превратился в одну из главных угроз существованию человеческой цивилизации.

4. Терроризм является глобальной проблемой, затрагивающей безопасность многих стран, и ее решение настоятельно требует совместных усилий всех государств. Необходимо преодолеть деление террористов на «плохих» и «хороших», сформулировать единообразное международное признанное определение терроризма как основу для объединения всех ресурсов – политических, военных, научных, административных, но также и интеллектуальных. Ориентированным на насилие целевым установкам террористов необходимо противопоставить не только военную силу, но и новую идеологическую парадигму, которую человечеству еще только предстоит сформулировать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Геополитика «Аль-Каиды». – URL: [world.polit.ru>index.php](http://world.polit.ru/index.php).
2. *Лебедева М. М.* Мировая политика. – М.: Аспект пресс, 2007. – 200 с.
3. *Маевская Л. Б.* Некоторые аспекты деятельности ваххабитов на Северном Кавказе. – URL: [dspace.nbuv.gov.ua>handle 83284 Maevskaya.pdf](http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/83284/Maevskaya.pdf).
4. *Назаров В. П.* Трансформация международного терроризма // Проблемы национальной стратегии. РИСИ. – 2015. – № 1 (28). – С. 117.
5. Независимое военное обозрение, 22.07. 2016.
6. Проблемы национальной стратегии. – 2015. – № 1(28). – С. 117.
7. Стратегия безопасности Российской Федерации, 31.12. 2016.
8. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». – URL: [rg.ru>2915/12/31nac-bezopasnost-site-dok.html](http://rg.ru/2015/12/31nac-bezopasnost-site-dok.html)
9. Федеральный Закон от 25.07.1998 № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом». – URL: zakonprost.ru/130-fz-ot-1998-07-03-o-borbe
10. *Хенкин С. М., Самсонкина Е. С.* Баскский конфликт, Источник. Характер. Метаморфозы. – М.: МГИМО(У). – 2011. – 380 с.

11. Nuclear Terrorism: A Clear Danger // The New York Times. 2002. March 12. – URL: http://www.nytimes.com/2012/03/16/opinion/nuclear-terrorism-a-clear-danger.html?_r=0

УДК 94 (47+57:5-011) + 29-9

С. М. Небренчин

профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры военного регионоведения Военного университета Министерства обороны РФ;
e-mail: nebrenchin@tpprf.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РАБОТЫ РУССКОЙ АРМИИ С НАСЕЛЕНИЕМ МУСУЛЬМАНСКОГО ВОСТОКА В XIX–XX СТОЛЕТИЯХ

Глобальные изменения в современной международной обстановке требуют дальнейшего укрепления безопасности и обороноспособности Российской Федерации, в том числе на южных стратегических направлениях. В этой связи особый интерес представляет исторический опыт командиров и штабов Русской армии среди населения мусульманского Востока в XIX–XX столетиях. В статье анализируется исторический опыт специальной работы русского командования и штабов в мусульманских регионах Центральной Азии и Кавказа. Автор исследует вопросы организации политической работы среди мусульман этих регионов. В статье также обобщен опыт подготовки военных востоковедов. Особый интерес вызывает опыт военно-политического изучения мусульманских регионов. В статье рассматриваются формы и методы специальной работы среди мусульман. Как показывает отечественная практика военно-политической работы, игнорирование этой деятельности нередко отрицательно сказывалось на ходе боевых действий, вело к дополнительным потерям и материальным затратам. Вместе с тем история зарождения и становления отечественной службы психологических операций наглядно подтверждает значимость этой деятельности как в военное, так и мирное время, возростание потребности в ней в современных условиях.

Ключевые слова: мусульманский Восток; русская армия; командиры; штабы; изучение противника; военно-политическая активность; подготовка востоковедов; дезинформация; психологическое воздействие; мусульманское население; военно-народные управления.

Nebrenchin S. M.

Advanced Doctor (History), Professor, Professor Lecturer, Department of Military Regional Geografic, Military University of the Ministry of Defence of the RF;
e-mail: nebrenchin@tpprf.ru

THE MUSLIM EAST AND THE RUSSIAN ARMY

Fundamental changes in the modern international political environment require further strengthening of the Russian Federation's national security system and defense capabilities, including those on the Russia's Southern strategic flank. In this connection the historical experience of commanders and staff of the Russian

Army in dealing with the population of Muslim Asian countries in XIX–XX centuries is of particular interest. This article analyzes the historical experience of special activities of Russian military commanders and staff in Islamic Central and South Asia and the Caucasus. The author examines the organization of political activities among the Muslims of these regions. The article also summarizes the experience of training the cadre of military orientalists. Of special interest is the analysis of the experience of military–political studies of some Muslim regions. The article presents the forms and methods of special activities among Muslims. As evidenced by the faulty practice of some military and political functionaries, to ignore these activities often had a negative impact on combat operations and led to failures and unnecessary losses of personnel and materiel. However, the history of emergence and development of the Russian Army's psychological operations service clearly demonstrates the importance of such activities during war and in peacetime, and the increasing demand for it under present conditions. So, the creative use of the Russian experience in the field of military and political activities among the Muslim population is of undeniable importance.

Key words: the Muslim East; Russian Army; commanders and staff; studying the enemy; military and political activities; training of orientalists; disinformation; psychological impact; Muslim population; military / civilian administrations.

Введение

События последних лет убедительно свидетельствуют о том, что в различных уголках земного шара продолжает сохраняться напряженность, обусловленная геополитическими, экономическими, демографическими, экологическими факторами и целым рядом других причин. Высокий уровень военно-политического и информационно-психологического противоборства по «исламской дуге нестабильности» объективно ставит мусульманский Восток в эпицентр мировых противоречий. Значение региона определяют не только обширность территорий, значительные людские ресурсы, огромные природные богатства, но и его стратегическое положение, мощный духовно-исторический потенциал мусульманской общины.

Принципиально изменившаяся международная обстановка, выход на авансцену новых силовых величин требуют дальнейшего укрепления безопасности и обороноспособности Российской Федерации, в том числе на южных стратегических направлениях. В этой связи особый интерес представляет исторический опыт деятельности командиров и штабов русской армии среди населения мусульманского Востока в XIX–XX столетиях.

В XVII в. Россия вместе с другими государствами включилась в борьбу за сферы влияния в Азии. Затянувшийся процесс становления

русской государственности, непосильность борьбы сразу на три фронта – за Балтийское побережье со шведами, юго-западные земли с Польшей, на юге за естественные границы с Крымским ханством и Византийское наследство с Турцией – затрудняли широкомасштабное проникновение России на Восток.

Успех продвижения России на Восток в XVIII–XIX вв. предопределила не столько сила русского оружия, сколько гибкая восточная дипломатия, целенаправленная военно-политическая работа штабов русской армии и генерал-губернаторов среди населения мусульманского Востока. В ходе постоянного соперничества в регионе с европейскими державами, прежде всего с Англией, Францией, Германией, а также мусульманскими государствами – Ираном, Турцией, Египтом, – русская армия ставила целью не только разгром неприятельских армий, но и стабилизацию обстановки на местах, создание благоприятных условий для пребывания войск, формирование лояльного отношения к ним населения. В результате военно-политической работы среди мусульман Россия в течение длительного времени сохраняла контроль над обширной территорией своих среднеазиатских владений и над западными местностями Кавказа.

Организация работы среди мусульман Востока

В русской армии вплоть до Первой мировой войны проведение военно-политической работы среди населения зарубежных стран было возложено на командиров и штабы. Эта деятельность организовывалась Главным управлением Генерального (Главного) штаба (ГУГШ), которое наряду с ведением военной разведки занималось вопросами военно-политического сотрудничества, работой среди населения, военнопленных, информированием войск.

Приоритетное положение Востока во внешней политике российского самодержавия предопределило создание в структурах ГУГШ Азиатской части, которую по штатной должности возглавлял генерал-лейтенант, что само по себе уже говорило о ее значимости в общей штабной иерархии [1, ф. 400, оп. 1, д. 1610, лл. 3, 9, 2333]. Подразделения Азиатской части – отделения – в основном были сориентированы на военно-политическое изучение стран и населения, вероятного противника, аналитико-прогностическую деятельность и выработку практических рекомендаций для войск. Кроме того, II отделение непосредственно занималось проблематикой военных действий

русской армии на Востоке, в том числе вопросами информационно-психологической деятельности войск.

Примерно с 1884 г. одной из наиболее важных функций Азиатской части становится работа среди населения стран мусульманского Востока, в связи с чем в штабных структурах появляются самостоятельные подразделения. О военном присутствии русской армии за рубежом и в пределах имперских владений регулярно писалось в специальном журнале Азиатской части. В 411-м номере за 1877 г., в частности, рассказывалось о взаимоотношениях войск и местного населения на Кавказе [1, ф. 400, оп. 1, д. 483, л. 12]. В решении вопросов военно-политического изучения Азиатская часть координировала свои усилия с канцеляриями Военно-ученого совета и Военного министерства, Азиатским департаментом Министерства иностранных дел, Собственной канцелярией шефа жандармов Министерства внутренних дел России. Через Азиатскую часть ГУ Генерального штаба поддерживались военно-государственные связи с мусульманскими правительствами, региональными правителями, старейшинами, регулировался выезд за рубеж, в том числе паломничество в Саудовскую Аравию, Персию, Турцию. Отбор паломников, их финансирование и последующее использование в интересах государства также рассматривались как важное направление работы Азиатской части.

В Туркестанском и Кавказском военных округах работа среди населения была возложена на штабы и генерал-губернаторства. На занятых русскими войсками территориях генерал-губернаторы ведали военными, гражданскими и духовными делами, хотя вмешательства в религиозную жизнь мусульман практически не допускали. Так, в соответствии с «Временным положением об управлении областями Турции, занятыми по праву войны» от 5 июня 1916 г., царскому наместнику предписывалось не только управление территориями, использование ресурсов края в интересах армии, но и военно-политическое изучение региональных, национальных и бытовых особенностей местного населения, а также принятие мер по обеспечению лояльности со стороны мусульман к русским войскам [1, ф. 2005, оп. 1, д. 17, лл. 3, 4.]. Военный губернатор, будучи высшим административным лицом, во время военной кампании подчинялся главнокомандующему Кавказским фронтом.

Работой с населением в пределах военных округов также занимались помощники генерал-губернатора, переводчики. Не случайно

третий по величине оклад после генерал-губернатора имели офицеры, владеющие иностранными языками. Причем в их функции входила не столько переводческая работа, сколько информационно-коммуникативная деятельность среди различных слоев местного населения. Переводчики активно привлекались к подготовке аналитических материалов. В 1911 г. в соответствии с секретным указом царя ГУГШ, штабы Кавказского и Туркестанского округов получили право привлекать к сбору в сопредельных странах и обработке сведений офицеров, владеющих восточными языками, из войск, а также гражданских лиц [1, ф. 400, оп. 1, д. 3963, л. 2]. На местах военно-политическую работу с мусульманами традиционно вели военно-санитарное и военно-ветеринарное управления штабов округов, помимо своих прямых обязанностей «попечения о народном здравии и санитарном состоянии населения» [там же, л. 6].

В ходе боев функции психологического воздействия на неприятеля, военнопленных и население возлагались на командиров и штабы русских войск. Прообразом современных частей специального назначения, которые уже в те времена наряду с разведывательно-боевыми задачами оказывали психологическое воздействие на неприятеля, были летучие эскадроны. Командир одного из них, полковник М. Д. Скобелев, лично проводил информационно-психологическую работу среди военнопленных и местного населения. На конец столетия, когда в военных округах были сформированы военно-народные управления (ВНУ) штабов, приходится создание структур, занимающихся организацией и ведением информационно-психологической работы в войсках противника, а также с местными жителями. Окружные ВНУ решали проблемы взаимоотношений мусульман с войсками русской армии и администрацией, организовывали строительство школ, религиозных центров, заботились о священнослужителях и старейшинах. При военно-народных управлениях издавались газеты, освещавшие вопросы среднеазиатской жизни и сопредельных стран (Индии, Персии, Афганистана), а также специальная литература, плакаты [там же, л. 251]. Одной из таких газет были «Туркестанские ведомости».

Размах военно-политической работы в мусульманской среде потребовал реорганизации Азиатской части. В 1903 г. в ее составе помимо II отделения, занимавшегося Ближним Востоком и Персией, и подразделений, ведавших Китаем, Японией и Индией, было создано IV отделение по Кавказу и Туркестану [там же, д. 1610, л. 9].

Дальнейшее совершенствование организационных структур психологического воздействия на неприятельские войска происходило в годы Первой мировой войны и после нее вплоть до 1917 г. В 1914 г. по распоряжению царя создается Военно-политическое управление (ВПУ) при Верховном главнокомандующем с канцелярией по гражданскому управлению [1, ф. 2005, оп. 1, д. 170, лл. 2–3]. Перед ВПУ были поставлены следующие задачи: военно-политическое изучение противника; регулирование вопросов гражданского управления на занятых территориях; проведение мероприятий, выходящих за рамки компетенции войскового начальства; работа среди военнопленных; материальное стимулирование населения с целью привлечения его к сотрудничеству в интересах русской армии. Канцелярия Военно-политического управления при Верховном главнокомандующем, которая объединяла гражданские управления в пределах театра военных действий, непосредственно решала все вопросы администрирования на оккупированных землях. В своей работе с населением аппарат канцелярии и управлений особое внимание уделял религиозно-национальному аспекту взаимоотношений русских войск и местных жителей. Департамент духовных дел канцелярии Гражданского управления при штабе Верховного главнокомандующего координировал свои усилия с деятельностью армяно-григорианского, римско-католического синодов и мусульманских центров.

Подготовка востоковедов

Примерно с середины прошлого столетия вопросы психологического воздействия на население, методы работы на мусульманском Востоке начинают изучаться в высшей военной школе, обобщаться и анализироваться на теоретическом уровне. Центром научно-исследовательской и военно-педагогической деятельности, в том числе и по этим проблемам, традиционно считалась Николаевская императорская академия Генерального штаба.

Подготовка военных кадров велась по двум основным направлениям: теоретическому и практическому [1, ф. 544, оп. 1, д. 2255, л. 1]. В рамках факультативов офицеры-востоковеды, в частности практики, могли не только дополнительно изучать иностранные языки, но и углублять свои знания по вопросам военной географии, политической истории, этнографии, психологии, а также учиться готовить аналитические материалы.

На теоретическом факультете академии предметом научных исследований главным образом была боевая деятельность русских войск в ходе войны и военных кампаний. В связи с этим изучались и вопросы организации и ведения военно-политической работы среди населения, психологического воздействия на неприятеля, однако они освещались в общем контексте, в прямой постановке вопроса научных исследований на эти темы не было. В большей или меньшей степени проблемы психологического противоборства на мусульманском Востоке рассмотрены в научных исследованиях «Война с Турцией в 1771 г.» поручика Штубендорфа, «Действия Отдельного Кавказского корпуса со времени прекращения осадных работ в июне месяце 1877 г.» штабс-капитана Стучина [1, ф. 544, оп. 1, д. 1768, лл. 197–200], а также в отдельных работах офицеров Генерального штаба Энегольма, Кауфмана, Снесарева, Паскевича, Алексева, Бламрамберга, Пивцова и др.

В стенах академии серьезно относились к изучению исследований зарубежных востоковедов. Известно, что на основе трудов французского ученого Г. Цвейга, проводшего глубокий анализ русской политики в Средней Азии, были подготовлены предложения и рекомендации по военно-политическому изучению мусульманских регионов, совершенствованию подготовки офицеров-востоковедов и повышению готовности русской армии к ведению боевой деятельности на мусульманском Востоке [1, ф. 400, оп. 1, д. 697, лл. 2–6]. Через канцелярию Военно-ученого комитета Военного министерства большая библиотека и секретная часть академии регулярно пополнялись историческими обзорами и очерками, донесениями военных агентов, штабов войск, путешественников. Эти материалы касались военно-политической обстановки в Азии, в них давался анализ политических настроений мусульманского населения, психологической борьбы в ходе боевых действий.

Подготовка офицеров-востоковедов, кроме академии, велась на различных курсах и факультетах при гражданских учебных заведениях, в частности, в Восточном институте во Владивостоке, на учебном отделении восточных языков при Министерстве иностранных дел, на курсах восточных языков в Ташкенте. Выпускники назначались переводчиками в Главное управление Генерального штаба, штабы округов, в том числе в военно-народные управления, окружные газеты. При этом штатные должности офицеров-востоковедов были

строго расписаны и занимались только по прямому назначению, особенно, если это касалось заграничных учреждений, к примеру, консульств Ирана, Турции, Афганистана, где специалисты по странам Востока традиционно были военными агентами [1, ф. 400, оп. 1, д. 3963, лл. 1–7]. Постоянно находясь под опекой Военного министерства, офицеры-востоковеды были объектом особой заботы кадровых органов. Подбор их осуществлялся заблаговременно, на строго индивидуальной основе из числа войсковых офицеров, выпускников гражданских вузов, воспитанников Пажеского корпуса – выходцев из мусульманских регионов Российской империи. Офицеры, наиболее отличившиеся в боях, в процессе практической работы среди мусульманского населения успешно продвигались по службе, регулярно представлялись к высшим государственным наградам. Так, во время кампании по покорению Кокандского ханства (1875–1876) деятельность офицеров-востоковедов рассматривалась в специальном разделе доклада в Санкт-Петербург, данные о потерях среди этой категории военнслужащих отдельным списком представлялись в Генеральный штаб [там же, д. 433, лл. 37, 256].

Важным направлением кадровой политики считалось привлечение к государственной службе в интересах русских войск местных жителей мусульманского происхождения. Работали они переводчиками. За особые заслуги перед Россией получали крупные премии, пожизненные пенсии, награждались медалями, их дети на льготных условиях зачислялись в Пажеский корпус, гражданские учебные заведения. Примером тому может служить награждение в 1893 г. малой серебряной медалью, денежным пособием в размере 100 руб. Абделя Берниязова, который длительное время был переводчиком в различных среднеазиатских посольствах России, а впоследствии состоял при сыне эмира бухарского, обучавшегося в Пажеском корпусе [там же, д. 506, л. 1].

Военно-политическое изучение

Утверждению России на мусульманском Востоке во многом способствовала глубоко продуманная работа по военно-политическому изучению стран региона и особенностей быта и нравов местного населения. Именно это направление деятельности Азиатской части ТУ ГШ, штабов Туркестанского и Кавказского округов рассматривалось как приоритетное.

Главными объектами военно-политического изучения были Япония, Китай, Индия, Афганистан, Персия, Османская империя, государства Ближнего Востока, среднеазиатские, поволжские, сибирские и кавказские владения России. Разведка велась не только для получения полной этногеографической характеристики неприятельской страны, но и с целью оценки и анализа отдельных событий и явлений, состояния вооруженных сил и боевого духа вражеской армии. Глубокое знание регионов мусульманского Востока позволяло русской армии с наименьшими потерями, людскими и материальными, достигать военно-политических целей в ходе боевых действий.

Наиболее эффективно разведка велась по каналам агентурной сети, войсковой разведки и военно-народных управлений. Постоянный контакт последних с местными жителями позволял аккумулировать массу самой разнообразной информации от различных слоев населения. Сведения, заслуживающие особого внимания, также добывались путем перехвата вражеской переписки, добычи трофейных документов, допроса военнопленных и анализа слухов.

Однако самая ценная информация, содержащая оценки и прогнозы, исходила от агентов за границей, офицеров-востоковедов штабов военных округов, переводчиков при военачальниках. Глубоко аналитичными были донесения в Генеральный штаб военного агента в Турции подполковника Алексеева в конце 1870-х – начале 1880-х гг. Его оценки и выводы, касающиеся развития событий в Саудовской Аравии в период восстания против турецкого владычества, сыграли важную роль в корректировке российской военной политики на Ближнем Востоке [1, ф. 444, оп. 1, д. 23, лл. 1–3]. Тщательный анализ историко-политических предпосылок обострения обстановки в Центральной Азии в начале XIX столетия содержится в «Сочинении свиты его императорского величества по квартирмейстерской части» полковника Энегольма, который под различными предложениями регулярно бывал в сопредельных странах [1, ф. 446, оп. 1, д. 11, лл. 1–35]. В целом более половины донесений агентов, штабов округов и войск посвящалось вопросам анализа военно-политической обстановки в регионе, а также оценке политических настроений населения, описанию слабых и сильных сторон противника. Так, в информационном обзоре военного агента из Турции были выделены два раздела: «Дух народа» и «Дух армии» [1, ф. 450, оп. 1, д. 20, лл. 1–36].

В донесениях штабов Туркестанского и Кавказского военных округов особое внимание уделялось оценкам и прогнозам развития военно-политической обстановки. При этом использовались материалы, готовившиеся командирами войск, офицерами-востоковедами, а также результаты разного рода экспедиций, путешествий, геологических поисков, в которых традиционно принимали участие русские офицеры. Военное руководство округов получало необходимую информацию в ходе инспекционных поездок в войска. Так, по итогам инспекции начальника штаба Туркестанского военного округа в 1896 г. войск Сыр-Дарьинской области, посещения Бухарского ханства и некоторых областей Афганистана удалось подготовить детальный отчет, представленный в Генеральный штаб [1, ф. 445, оп. 1, д. 16, лл. 1–65]. В нем была дана характеристика политического настроения населения, отдельных мусульманских правительств и вождей племен, показаны причины этнических и территориальных конфликтов и антирусских выступлений в Туркестанском крае.

Одно из требований Генерального штаба, предъявляемое к информации агентуры из-за границы, от генерал-губернаторов и штабов войск, касалось сбора материалов о роли ислама в странах региона. Задача «проникнуться духом покоренных народов» рассматривалась как главное условие успешной деятельности командиров и штабов русской армии [3]. Наиболее интересные аналитические обзоры на эту тему приходили из штаба Туркестанского военного округа, от русских агентов и полномочных представителей России за границей, в частности статского советника Вайнберга, полковника барона Меллера, подполковника Бламрамберга из Персии, индолога Снесарева. В конце XIX столетия с именами этих людей во многом был связан процесс разработки долгосрочной политики в Центральной Азии. Еще одним примером глубоких изысканий в области ислама, традиций и обычаев мусульманских народов Востока можно считать материалы путешествия через Кашгарию в Северо-Западный Тибет, которые собрал и обобщил М. В. Пивцов [1, ф. 445, оп. 1, д. 19, лл. 19–21].

Сотрудники Азиатской части ГУ Генерального штаба глубоко вникали в проблемы исламской религии. В этом отношении показательна «Записка о паломничестве жителей Кавказа в священные места шиитов, находящихся в Турецкой Аравии», которую по заказу Азиатской части в 1884 г. подготовил штаб Кавказского военного округа [1, ф. 400, оп. 1, д. 15552, лл. 5–8]. В документе раскрывается значение

для мусульман святых мест, приведены цифры ежегодного паломничества (13 500 чел.), дана характеристика паломников с Кавказа по этнорегиональному и социальному составу, показаны маршруты движения, предложены конкретные варианты использования в интересах русской армии на Востоке лиц, совершивших хадж (паломничество). В дальнейшем на основе записки и других аналитических материалов в Азиатской части были подготовлены и разосланы в войска специальные циркуляры по ведению религиозных дел на местах, в частности регулированию процессов паломничества, деятельности исламских центров поклонения в пределах российских владений.

Важным направлением разведывательной деятельности в русской армии считалась подготовка политических характеристик на местных правителей, религиозные и национальные авторитеты, вождей племен, военачальников. В донесении от 19 февраля 1896 г. из штаба Туркестанского военного округа в Военно-ученый комитет, наряду с оценкой политических настроений в Афганистане, дается подробная характеристика лидера мусульманского движения страны эмира Абдул Рахмана [1, ф. 445, оп. 1, д. 34, лл. 92–152]. В начале XIX столетия русские агенты регулярно посылали в Азиатскую часть ГУ Генерального штаба донесения из Персии. В них они не только давали политические портреты министров персидского двора, биографические данные приближенных шаха, но и характеризовали их с точки зрения политической роли в делах государства. Так, например, в политической характеристике Маама-Амир-Дала, в частности, отмечалось: «Человек умный, правдивый, ищет пользы своего государя, имеет влияние на дела с иностранными державами» [1, ф. 444, оп. 1, д. 3, л. 15]. Такая всесторонняя оценка зарубежных политиков позволяла российской дипломатии иметь правильное представление о тех, с кем предстояло устанавливать контакты, что давало возможность оказывать эффективное влияние на обстановку в регионах.

Азиатская часть ГУ Генерального штаба использовала и такой источник информации, как слухи. Их сбор и анализ позволяли глубже понимать политические настроения людей, предсказывать развитие событий в отдельных странах. В 1875 г. на основании ходивших в Бухаре слухов, своевременно обобщенных статским советником Вайнбергом, был спрогнозирован союз Якуб-Хана и эмира против России. В рапорте майора Герца о волнениях в Кокандском ханстве значительное место отведено настроениям улемов, проанализированы слухи,

распространяемые ими среди воюющих в ходе коллективных пятничных намазов [1, ф. 400, оп. 1, д. 433, л. 1]. В специфических условиях мусульманского Востока особенно ценилась в штабах русских войск информация, полученная от местных авторитетов, правителей, священнослужителей и старейшин. В кратком отчете о настроении мусульманского населения в Туркестанском крае к октябрю 1914 г. деятельность местных имамов после анализа их проповедей в мечетях оценивалась положительно, поскольку была направлена на поддержание лояльности к русскому порядку [2, ф. 102, ДП.00, оп. 1914, д. 74, ч. 84, л. 17–40].

Со второй половины XIX столетия в качестве источников информации в Азиатской части стали все чаще использовать зарубежную печать, государственную переписку, отдельные научные труды, исследования иностранных дипломатов, ученых и военачальников. Высокая степень достоверности, аналитичность, грамотность такой информации и более легкий доступ к ней позволяли оперативно делать оценки, выводы и прогнозы развития обстановки, выработать практические рекомендации по боевой деятельности войск. Азиатская часть ГУ Генерального штаба координировала свои усилия с МВД, где регулярно составлялись обзоры иностранной прессы, делался анализ сообщений западных информационных служб. Что касается государственной переписки, то эти материалы поступали главным образом по линии военного атташата, заграничной службы которого находились в ведении МИД. Так, например, в донесении российского консула в Иране № 116 от 27 декабря 1863 г. сообщались секретные сведения об указаниях шахского двора относительно борьбы с национально-освободительным движением на Кавказе и Балканах [2, ф. 450, оп. 1, ед. хр. № 67, д. 314, л. 56].

Целенаправленно изучалась европейская практика работы среди мусульман. Английский опыт совмещения в одном лице обязанностей врача и миссионера, строительство бесплатных лечебниц, раздача лекарств, денег и подарков впоследствии использовались в деятельности военно-народных управлений Туркестанского и Кавказского военных округов. Примерно с конца XIX столетия в Азиатской части ГУ Генерального штаба стали систематически анализировать материалы подрывной пропаганды, содержание исламских проповедей, обращенных к населению. В донесении штаба Туркестанского военного округа от 19 февраля 1896 г. целый раздел был посвящен анализу антирусских

слухов и листовок в Бухаре, подрывной деятельности англичан среди племен на Памире [1, ф. 445, оп. 1, д. 34, лл. 145–150].

Приоритет в пропагандистской работе среди жителей Туркестана отдавался разъяснению восточной политики самодержавия, показу положительных сторон военно-культурной экспансии России на Восток для политического и экономического развития ранее отсталых народов. В газете «Туркестанские новости», которая издавалась при штабе Туркестанского военного округа с 1875 г., около половины объема отводилось данной проблематике. Наряду с материалами о жизни мусульман в Российской империи, печатались статьи об успехах «европейской цивилизации» на Востоке, всячески прославлялась роль русской армии в спасении населения от набегов извне, предотвращении междоусобиц, этнических конфликтов [1, ф. 400, оп. 1, д. 433, л. 251].

Особое место в газете занимала пропаганда всесторонней деятельности штаба округа и генерал-губернаторства среди мусульман. В рубрике официального отдела регулярно публиковались списки награжденных подданных края, помещались выступления местных правителей в поддержку русской власти. В период нахождения наших войск в Турции в 1916 г. до жителей населенных пунктов в течение нескольких дней доводились основные положения об управлении областями страны, «занятыми по праву войны». В специальном обращении к народу, кроме того, были опубликованы требования военного генерал-губернатора к местному населению [1, ф. 2005, оп. 1, д. 1, лл. 1–6].

Несмотря на то, что газета выходила главным образом на русском языке, она пользовалась немалым спросом у местной интеллигенции, религиозных и национальных авторитетов, а также среди этнических и религиозных меньшинств, которые традиционно являлись опорой самодержавия на мусульманских окраинах. Евреи, татары, армяне, азербайджанцы и представители других национальностей видели в «Туркестанских новостях» защитницу своих экономических интересов и гражданских прав.

Офицеры военно-народного управления старались на примере широкой хозяйственной деятельности русской администрации – строительстве дорог, школ, культурных центров и больниц – убедить население в благородных намерениях самодержавия на Востоке. Наибольший эффект имели мероприятия, направленные на разрешение

спорных проблем как во взаимоотношениях туземцев между собой, так и с русской армией. Всеобщее одобрение мусульман вызывало лояльное отношение царских наместников к функционированию мечетей, мактабов. Штабы Туркестанского и Кавказского военных округов оказывали материальную помощь муллам, имамам и дервишам, проявляли повышенное внимание ко всему, что касалось паломничества к «мусульманским святыням», о чем информировали местное население.

В ходе военных действий акцент в психологическом влиянии делался на показ силы и мощи армии, непобедимости русского духа, неизбежности поражения неприятеля. Так, например, в годы русско-турецкой войны (1828–1829) в специальном обращении Николая I к народам мира, которое распространялось на Востоке в печатном виде и устно, был раздел, посвященный характеристике войны, оценке противоборствующих сил, показу неизбежности разгрома вражеской армии [1, ф. 447, оп. 1, д. 4, л. 1].

Еще одним направлением психологического воздействия являлось вскрытие причин и разоблачение виновников войны, народных страданий и бедствий. В период военной кампании по покорению Кокандского ханства в послании в Кара-Удент к киргизским старейшинам полковник М. Д. Скобелев утверждал: «...сим объявлено, что мне стало известно, что Абдурахман Автобачи – причина всех народных несчастий» [1, ф. 400, оп. 1, д. 433, лл. 22–23].

Кроме того, командиры и штабы русской армии в ходе боевых действий активно прибегали к разжиганию противоречий, разногласий в стане врага, сеяли панику и пораженческие слухи. В частности, успешная дезинформация М. Д. Скобелева о намерениях летучего эскадрона ввела противника в заблуждение и предопределила окончательную победу русских в боях за среднеазиатский г. Уш 10 сентября 1878 г. [1, л. 26].

Не менее сильное психологическое воздействие на мусульманское население оказывали сообщения об успехах русской армии в военных кампаниях и отдельных боевых действиях. Так, весть о том, что царские войска наголову разбили отряды Автобачи и его сподвижников, обошедшая близлежащие кишлаки, способствовала прекращению всякого сопротивления. М. Д. Скобелева встречали как настоящего избавителя, говорилось в рапорте «О действиях летучего

отряда флигель-адъютанта полковника Скобелева» от 15 сентября 1875 г. [1, ф. 400, оп. 1, д. 433, л. 27]. Существенным недостатком явилось отсутствие в пропаганде лозунгов-призывов к конкретным действиям, что, вероятно, можно объяснить недостаточностью пропагандистского опыта.

Понимая невозможность и неэффективность охвата военно-политической работой всех слоев мусульман, штабы войск, генерал-губернаторства вели ее дифференцированно. Особое место отводилось взаимоотношениям с местными правителями, интеллигенцией, служителями культа, торговцами. В 1875 г. взять Андижан русским удалось не столько силой оружия, сколько благодаря умелой работе с национальными религиозными авторитетами, которые, будучи недовольны местным правителем Автобачи, не поддержали его [1, ф. 400, оп. 1, д. 433, л. 115].

В работе командиров и штабов Туркестанского и Кавказского военных округов объектами повышенного внимания были национальные меньшинства, секты, сторонники различных религиозных школ, прежде всего джафаритского и ханифитского толка. В Закавказье российское влияние эффективно помогали оказывать армянская община, грузинское население, некоторые другие кавказские народности [1, ф. 2005, оп. 1, д. 17, л. 2]. В Средней Азии традиционными союзниками русских войск и властей выступали евреи Бухары и Самарканда, татарские общины, численность которых резко возросла к началу XX столетия. Работа среди национальных меньшинств в целом была достаточно результативна. Так, в ходе военной кампании 1875 г. штабс-капитан Церицкий, вступив в контакт с лидерами лояльных к самодержавию «татарских и еврейских семейств», обеспечил привлечение на сторону своей части 800 человек, которые активно помогали русским солдатам [1, ф. 400, оп. 1, д. 433, л. 222].

Не меньшее значение в работе штабов придавалось поддержанию добрых отношений с лидерами национально-освободительных движений в сопредельных странах, вождями независимых племен и главарями местных банд. В ходе боевых действий в Турции, Персии, Египте командование русской армии стремилось установить прямые связи с командирами вражеских войск, ханами и шахами, их ближайшим окружением. В период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. штаб Отдельного кавказского корпуса при осаде неприятельских крепостей

через лазутчиков, официальных парламентаров и письма искал пути для налаживания контактов с командованием вражеских сил.

Объектом воздействия также считались военнопленные и временно задержанные лица. Они представляли интерес в плане получения оперативной информации, а также могли использоваться как канал дезинформации и политического влияния при засылке лазутчиков в стан врага. Работа среди военнопленных велась в тесном взаимодействии штабов русской армии с представителями на местах Министерства внутренних дел, Департамента полиции.

Дифференцированный подход позволял достигать не только разового эффекта в ходе отдельных боев, но и в целом обеспечивать стабильную обстановку и лояльность населения на занятых территориях. К наиболее эффективным формам психологического воздействия на мусульманское население в XIX столетии относили, прежде всего устную пропаганду и демонстрацию силы оружия. При этом акцент в первой делался на доведение приказов и обращений к населению, беседы, встречи, переговоры и совместные заседания с местными правителями, торговцами и служителями культа. В ходе такого рода контактов удавалось достичь взаимопонимания, договоренностей по спорным проблемам.

Возможность дать образование своим детям в столице Российской империи имели местные правители, а иной раз и сироты, родители которых погибли в боевых действиях против самодержавия. Примером является решение Его Императорского Величества определить в учебные заведения Санкт-Петербурга малолетних горцев – мальчика Нур-Магом-Умар-Алиева и девочки Фатх, которые остались сиротами после разгрома одного из местных отрядов на Кавказе [2, ф. 109, оп. 70, д. 47702, лл. 1–12].

За содействие русским войскам в победах над врагами иностранцы получали российское подданство, возводились в потомственное почетное гражданство. В 1890 г. генерал-губернаторство Туркестанского края, способствуя избавлению от дискриминации персидской секты ба-бидов, пошло на принятие большого числа их сторонников в российское подданство.

Эффективность пропагандистского воздействия на мусульман в значительной мере повышало оказание медицинской и материальной помощи. Преимущественным правом при медицинском обслуживании пользовались те, кто лояльно относился к русским властям,

активно сотрудничал с ними, а также женщины, дети, служители культа, старейшины. Кавказское военно-народное управление вело список лиц, которым медпомощь оказывалась бесплатно. По данным штаба округа, в 1882–1883 гг. 2068 чел. посетили окружной госпиталь только по направлению властей, причем на безвозмездной основе [1, ф. 400, оп. 1, д. 1816, лл. 5–29].

В рамках военно-политической работы среди населения со второй половины XIX столетия активизируются контакты на государственном уровне между двором Его Императорского Величества и местными правителями в пределах российских владений, шахами и эмирами сопредельных стран, прежде всего Афганистана, Персии и Турции.

В 1883 г. силами Азиатской части ГУ Генерального штаба и штаба Туркестанского военного округа был организован приезд в Санкт-Петербург эмира Бухарского. Программа визита предусматривала посещение столицы, встречу с царем, экскурсию по городам России, Закавказья и Средней Азии. В ходе поездки для эмира и его многочисленной свиты организовывали встречи, пышные приемы, посещение достопримечательностей. Общие расходы на делегацию составили 5737 рублей. Только на возмещение расходов по персидской части, связанных с проездом делегации от Бухары до Москвы, штабу ТуркВО было выделено 4000 рублей, по тем временам сумма внушительная [1, д. 1610, л. 9].

Придавая особое значение контактам с восточными правителями, самодержавие не жалело средств на служебную деятельность офицеров-востоковедов, которые прежде всего были призваны обеспечить успех всего комплекса мероприятий по приему гостей. На содержание одного «словесного переводчика» Военное министерство выделило 224 рубля, не считая месячного оклада офицера [1, лл. 233–236]. Кроме того, обращает на себя внимание сумма денег, затраченная в Санкт-Петербурге на подарки, 12 тыс. 380 рублей. Надо отметить, что они были выбраны с учетом восточных вкусов, и это свидетельствует о значимости таких визитов в большой политике России. Эмиру были подарены халат, серебряный чайный сервиз, серебряная ваза, кубок серебряный с позолотой, кубок, украшенный эмалью, 10 кусков парчи, 28 кусков бархата и шелка. Сын уважаемого гостя получил халат, золотые часы, золотой письменный прибор, шкатулку из оникса [1, л. 232–235]. Памятных сувениров и подарков искусной поделки удостоилась также вся свита.

На местах военно-политическое сотрудничество с местными правителями во многом строилось на личной инициативе командиров. Небезынтересно, что на Кавказе особой любовью среди населения пользовался поручик Ф. Ф. Тютчев, который в 1894 г. проходил службу в Ереванской пограничной бригаде [1, ф. 409, оп. 1, д. 173974 (послужной список Ф. Ф. Тютчева)].

Примерно со второй половины XIX столетия, что связано прежде всего с появлением окружных газет, более активно начинает вестись печатная пропаганда среди мусульманского населения. Листовки были еще в то время редкостью, но небольшие тиражи приказов, обращений и объявлений русских властей издавались и расклеивались на заборах, столбах, распространялись на базарах, караванных путях и заставах. Наибольший эффект достигался при использовании плакатов и лозунгов, красочно оформленных, в понятных символах и образах. Однако такого рода наглядная агитация велась ограниченно, преимущественно в крупных городах – Ташкенте, Верном (Алма-Ате), Тифлисе, Баку.

В целях пропаганды в ходе боевых действий достаточно широко использовались знамена, штандарты, другая армейская и государственная символика, как олицетворение мощи и непобедимости русского оружия. Еще более сильное впечатление они оказывали на население во время парадных шествий царских войск в покоренных городах, строевых смотров и войсковых учений в мирной обстановке. В донесении статского советника Вайнберга за сентябрь 1878 г., в частности, подчеркивалось, что парады, проведенные в крупных городах 1 сентября, с одной стороны, продемонстрировали мощь армии, с другой – обнаружили лояльность населения, которое радостно восприняло веселый праздник с оркестровой музыкой. «Трудно переоценить значение парада, – писал Вайнберг, – для истории владычества русской силы и русской интеллигенции в Средней Азии» [1, ф. 400, оп. 1, д. 433, л. 161]. Аналогичное воздействие на местное население имело проведение русскими войсками торжеств по случаю победы над турецкой, персидской армиями во время военных кампаний на Кавказе и в Средней Азии в начале XIX столетия.

В ходе боевых действий командиры и штабы русских войск для достижения военных целей широко использовали дезинформацию, стараясь устроить врага потерями, посеять панику. Именно такие задачи решали в ходе военной кампании 1875 г. Средней Азии летучий

эскадрон Скобелева, разведподразделения 4-й Сибирской и 5-й Оренбургской дивизий. В русско-иранской войне 1804 г. в Закавказье во многом благодаря умелой дезинформационной работе царская армия сумела разбить персов при взятии городов Гянджа и Эмидзияна. Одновременное введение противника в заблуждение по дипломатическим и агентурным каналам позволило нейтрализовать на время боевых действий военные усилия Англии в регионе.

В ходе войн командиры и штабы русской армии в дезинформационно-пропагандистских целях активно использовали лазутчиков, отпускали военнопленных во вражеский стан. Эффективным методом влияния на командиров противника признавались письменные ультиматумы, тайные предложения пойти на заключение мира, гарантирование жизни, прав и привилегий при сдаче в плен. В качестве примера можно привести послание командира Отдельного кавказского корпуса турецким падишахам, находящимся в осажденных крепостях во время войны 1877–1878 гг. К подобным приемам влияния на вождей племен штабы русских войск прибегали во время похода на Хиву (1873), Ахал-Текинской экспедиции (1879–1881), Кавказской войны (1817–1864).

В целом отечественная практика военно-политической работы имеет как положительный опыт, так и примеры игнорирования этой деятельности, что нередко отрицательно сказывалось на ходе боевых действий, вело к дополнительным потерям и материальным затратам. Так, пренебрежительное отношение к вопросам пропаганды и агитации среди населения, ставка только на силу затянули Кавказскую войну. Даже под командованием такого видного полководца, как А. П. Ермолов, русские войска по истечении более десяти лет войны с горцами продолжали стоять на границе Чечни.

Недооценка возможностей психологического воздействия на неприятельские силы, отсутствие самостоятельного аппарата в структуре Главного управления Генерального штаба и его Азиатской части, специальных формирований в войсках существенно ослабляли потенциал русской армии, осложняли достижение целей войн и вооруженных конфликтов.

Вместе с тем история зарождения и становления отечественной службы психологических операций наглядно подтверждает значимость этой деятельности как в военное, так и в мирное время, возрастание

потребности в ней в современных условиях. Поэтому творческое использование отечественного опыта военно-политической работы среди населения мусульманского Востока представляет собой неоспоримую ценность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Материалы Российского государственного военно-исторического архива. – URL: www.rusarchives.ru/federal/rgvia/
2. Материалы Государственного архива Российской Федерации. – URL: statearchive.ru/
3. Россия и Великобритания в Центральной Азии / пер. с англ. А. Рихтер. – Ташкент : Изд-во штаба Туркестанского военного округа, 1908. – б/с.

УДК 297.1

Р. А. Силантьев

доктор исторических наук, профессор кафедры мировой культуры ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: rsilantiev@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТА МУФТИЕВ РОССИИ

В статье анализируется внешнеполитическая деятельность одной из крупнейших мусульманских централизованных организаций Российской Федерации – Совета муфтиев России. Автор статьи отмечает повышенную активность и деструктивность такой деятельности.

Ключевые слова: Совет муфтиев России; внешнеполитическая деятельность; муфтий; дипломатия.

Silantjev R. A.

Advanced Doctor (History), Professor, Department of World Culture, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU; e-mail: rsilantiev@mail.ru

COUNCIL OF MUFTIS OF RUSSIA FOREIGN POLICY

The article analyzes the foreign policy of one of the largest centralized Muslim organizations in the Russian Federation – Council of Muftis of Russia. The author notes the increased activity and the destructiveness of such activities.

Key words: Council of Muftis of Russia; foreign policy; the mufti; diplomacy.

Среди российских муфтиев наиболее благоприятные условия для расширения международных контактов получил глава ДУМЕР и СМР Равиль Гайнутдин. Именно подконтрольную ему московскую Соборную мечеть в первую очередь посещали делегации мусульманских стран, в том числе высшего уровня. Пребывание Гайнутдина в Москве значительно облегчало ему работу с посольствами и иными представительствами стран-членов ОИК-ОИС, а также делало его оптимальной кандидатурой для приглашения на мероприятия по линии МИД России. Так, в январе 1994 г. Гайнутдин был приглашен на прием в честь Президента США Билла Клинтона, который даже поинтересовался мнением муфтия по палестинской и боснийской проблемам [1].

Муфтия Равиля Гайнутдина стали официально привлекать к контактам по линии МИД еще при министре Андрее Козыреве, который брал его с собой в турне по странам Ближнего Востока. «Интересный

парадокс. Политика Андрея Козырева была, безусловно, ориентирована на Запад. Это было ясно всем. Но, несмотря на это, Козырев всегда интересовался мнением нашего духовенства. Когда обсуждался вопрос о Боснии, он спрашивал мнение мусульман. Когда шла война на территории Чечни, он общался с мусульманским духовенством, говорил с послами арабских стран. Я лично участвовал в его поездке по Ближнему Востоку, встречался с министрами иностранных дел Сирии, Ливана, Египта. Допускаю, что Козырев слушал, а делал все по-своему. Но слушал! Он знал нашу позицию», – вспоминал об этом Равиль Гайнутдин, сокрушаясь, что преемники Козырева уже не уделяли ему нужного внимания [9].

Новая волна активизации контактов СМР и внешнеполитического ведомства пришла на начало 1999 г., а в 2003 г. эти контакты опять приобрели систематический характер. 30 января 2003 г. Равиль Гайнутдин встретился с директором Департамента МИД России по связям с субъектами Федерации, парламентом и общественно-политическими организациями Е. В. Беловым. На встрече была достигнута договоренность о более тесном сотрудничестве МИД и СМР, а также участии российских дипломатов в зарубежных мероприятиях по линии Равиля Гайнутдина [8].

К этому времени делегации СМР и лично Равиль Гайнутдин систематически посещали мусульманские страны, участвуя в крупнейших конференциях и встречах. СМР нередко выступал с заявлениями по событиям на Ближнем Востоке, уделяя особое внимание Палестине и Ираку. Отдельным пунктом можно выделить заявления СМР с осуждением террористических атак вне пределов России, а также соболезнования в связи со стихийными бедствиями в мусульманских странах.

Муфтий Равиль Гайнутдин всегда старался улавливать нюансы во взаимоотношениях между странами мусульманского мира. В 2003 г. активно осуждал военную операцию против Ирака, параллельно защищая те страны, которые эту операцию поддержали. Эту позицию хорошо иллюстрирует интервью муфтия журналисту Михаилу Тульскому, в котором он осуждает вторжение в Ирак, но всячески выгораживает Саудовскую Аравию, Катар и Кувейт, которые выступили союзниками США. С точки зрения муфтия, во всем виноват Израиль, а миролюбивые жители и богословы ваххабитских монархий Персидского залива желают Ираку только добра.

В 2003 г. СМР развил бурную деятельность по активизации контактов России с Организацией исламской конференции (далее – ОИК).

28 января 2003 г. Равиль Гайнутдин встретился в Москве с делегацией ОИК во главе с Генеральным секретарем этой организации Абдель-Вахедом Бельказизом. Глава СМР рассказал о своих успехах, услышав в ответ пожелание скорейшей консолидации мусульманских организаций России. «Ваш опыт развития ислама в условиях поликонфессионального государства имеет значение не только для вас, но и может служить примером для других многонациональных стран», – подчеркнул по итогам встречи Бельказиз [4]. 21 марта 2003 г. муфтий Равиль Гайнутдин заявил, что именно по его призыву муфтии арабских стран поддержали референдум в Чечне. Заявления в поддержку референдума поступили от муфтиев и авторитетных богословов Египта, Ливии, Сирии, Марокко, Ирана, Турции и лидеров исламских движений и объединений (*РИА «Новости»*, 21.03.2003).

В то время обращал на себя внимание тот факт, что в своей международной деятельности СМР выступал не агентом России в мусульманских странах, а, скорее, агентом ряда таких стран в Москве. Международные симпатии этой организации находились в прямой зависимости от объемов помощи, которые поступали СМР.

В общемусульманском тренде лежало и отношение СМР к арабо-израильскому конфликту, причем даже периодическое обострение отношений с еврейской общиной России не останавливало лидеров СМР от резких и часто оскорбительных оценок израильской политики.

Оценивая ситуацию в бывшей Югославии, глава СМР склонялся не к позиции России, а к позиции США и союзных ей мусульманских стран, а сопредседатель СМР верховный муфтий Нафигулла Аширов прямо поддерживал стремление сделать Косово независимым государством (*ИА «Интерфакс»*, 10.02.2008).

Аналогичную позицию Гайнутдин занял и по Ливии. Длительное время СМР поддерживал хорошие отношения с ливийским лидером Муаммаром Каддафи, который и помогал деньгами, и тепло принимал делегации российских муфтиев. Например, в феврале 2010 г. большая делегация представителей СМР во главе с верховным муфтием Нафигуллой Ашировым посетила Ливию, где подняла вопрос о проведении в России саммита Всемирной организации исламского призыва, курируемой лично Каддафи. Сам же Аширов к этому моменту состоял в Генеральном совете этой организации, которая подписала договор о сотрудничестве с СМР еще в феврале 2004 г. [10].

Но в 2011 г., когда Каддафи повторил судьбу Саддама Хусейна, Равиль Гайнутдин быстро изменил свою точку зрения и поддержал американскую операцию в Ливии. «Принятие резолюции ООН о закрытии воздушного пространства над Ливией отвечает интересам исламского мира», – заявил он 22 марта 2011 г. на пресс-конференции. Вскоре эту тему развил советник Гайнутдина Мухаммад Карачай, который назвал Муаммара Каддафи диктатором, тираном, деспотом, а также «врагом Аллаха и Его религии». Выпадами в адрес Каддафи Карачай, правда, не ограничился и уточнил, что «Каддафи – это узбекский Каримов, туркменский Туркменбаши и Ататюрк вместе взятые, десятикратно» [2]. После негативной реакции представителей Узбекистана, усмотревших в демарше Карачая попытку вынести их президенту такфир (отлучение от ислама), СМР специальным заявлением отрекся от Карачая, подчеркнув, что высказывания его опровергает и настаивает, что в СМР он больше не работает [13].

«Независимая газета» поспешила связать позицию Гайнутдина по Ливии с доводами вице-президентом США Джозефа Байдена, с которым Гайнутдин встретился в Москве незадолго до вышеупомянутой пресс-конференции. «Господин Джозеф Байден дал высокую оценку деятельности Совета муфтиев России и его главы ... и подчеркнул значение деятельности руководства СМР в укреплении межконфессионального мира и стабильности в России и мире», – отмечала газета в материале с говорящим названием «Марш несогласных в российском исламе». В борьбе с «исламофобским государством» российские муфтии начинают апеллировать к Вашингтону [7]. Действительно, встречи лидеров СМР с американскими дипломатами носят систематический характер и отличаются полным взаимопониманием. В период президентства Б. Н. Ельцина чуткость американцев к позиции СМР даже ставилась в пример нечутким российским чиновникам [1].

Учтя свои недочеты в освещении ливийской темы по сирийскому конфликту глава, СМР уже высказывался гораздо осторожней, тем более что и позиция России по этому вопросу оказалась гораздо жестче. «Я не могу сказать, что в Сирии идет религиозная война или противостояние различных религиозных групп. Там все-таки идет война определенных политических интересов», – заявил, он, например, 9 января 2014 г. (РИА «Новости», 09.01.2014).

«Позиция СМР по сирийскому вопросу более взвешенная. А учитывая то, что в свое время Равиль Гайнутдин поддержал резолюцию

ООН по Ливии, которая оказалась решающим фактором в победе антикадаффиийских сил, неудивительно, что официальный Дамаск в лице своих религиозных структур последнее время несколько дистанцировался от ведущей отечественной мусульманской организации, воспринимая ее позицию как нейтрально-позитивную в отношении противников Асада. Правящий режим предпочитает иметь дело с теми, кто безоговорочно находится на его стороне, без каких-либо оговорок», – оценивал «сирийскую» политику СМР член Экспертного совета этой организации Ринат Мухамметов [11]. И он был прав – представители Сирии не очень верили в добрые намерения Гайнутдина, считая его проводником интересов Саудовской Аравии и ваххабитов в целом. «В беседе доктор Хассун (верховный муфтий Сирии. – С. Р.) коснулся и ситуации в мусульманской общине России. Он напомнил, что в советское время мусульман посылали учиться в медресе в Сирию в центр Ахмада Кефтару. А после распада Советского Союза стали посылать в Саудовскую Аравию, в итоге получили центры ваххабизма. Муфтий заявил, что сирийские мусульмане и сейчас готовы принимать студентов из России и учить их бесплатно. Проблема только в том, чтобы из России посылали в Сирию. Но муфтий Равиль Гайнутдин мешает этому, он отдает предпочтение Саудовской Аравии», – вспоминал о своей беседе с верховным муфтием Сирии главный редактор сайта «Русская народная линия» Анатолий Степанов [3].

В конце года глава СМР стал высказываться по международным вопросам, коснувшись темы санкций в отношении Ирака, а также авиударов США по объектам в Афганистане, Ираке и Судане. Авиудары по Судану и Афганистану он назвал «терроризмом на государственном уровне», а бомбардировки Ирака – геноцидом мирного населения. Еще более жестко по этому вопросу высказался сопредседатель СМР Нафигулла Аширов. «У мусульман не принято подставлять другую щеку, когда тебя ударили по одной. К тому же у них не остается другого выхода, кроме молитвы и акций смертников – людей, которые несут в себе чувство мести и не остановятся ни перед чем», – заявил он, фактически поддержав использование «живых бомб». «Молитва мусульманина – грозное оружие, так что американцы непременно поплатятся за эту бомбежку», – предсказал тогда же Аширов, фактически предвосхитив антиамериканские заявления верховного муфтия Талгата Таджуддина после вторжения в Ирак в 2003 г. (ИА «Прайм-

нюс», 22.8.1998; ИА «Интерфакс», 17.12.1998). Правда, за пророчества Таджуддина СМР попытался отлучить его от ислама, а вот в отношении Аширова никаких санкций такого рода не последовало.

В июне 2007 г. делегация СМР встретила с министром иностранных дел России Сергеем Лавровым. «Все контакты с огромным по численности и значимости мусульманским миром Совет муфтиев, представляющий интересы мусульман России, проводит в рамках международной политики и международных интересов нашей страны», – подчеркнул на этой встрече муфтий Равиль Гайнутдин (*РИА «Новости»*, 01.06.2007). В том же году Гайнутдин поставил России в пример Китай, где, по его мнению, мусульманам жилось гораздо лучше (*ИА «Интерфакс»*, 19.11.2007).

С 2009 г. СМР активно продвигал инициативу создания Совета муфтиев СНГ под эгидой Равиля Гайнутдина, которая в итоге закончилась ничем, однако обострила отношения с Управлением мусульман Кавказа и даже привела к вмешательству СМР во внутренние дела Азербайджанской Республики, затронув болезненную для нее тему лезгинского сепаратизма.

После победы на президентских выборах в Турции исламиста Реджепа Эрдогана СМР переориентировала свою внешнюю политику на ось Турция – Катар, став выразителем интересов этого альянса. В сентябре 2014 г. на учредительном съезде ДУМ Российской Федерации муфтий Равиль Гайнутдин в своем выступлении затронул основные проблемы за рубежом, главной из которых была названа Палестина. При этом тема насилия в Украине была затронута поверхностно, а об «Исламском государстве» вообще не сказано ни слова. Именно так оценивали ситуацию в тот период турецкие и катарские политики, в то время как, например, Саудовскую Аравию наибольшим образом беспокоила экспансия «Исламского государства», а Россию – война в Новороссии (*ИА «Интерфакс-Религия»*, 21.11.2014).

Особое место СМР уделяет сотрудничеству с Всемирным союзом мусульманских ученых (ВСМУ), который возглавляет идеологический лидер террористической организации «Братья-мусульмане» Юсуф Кардави из Катара. В ВСМУ входят тысячи людей, поэтому в рядах этой организации нашлось место и для десятков представителей России.

С 2012 г. Россию систематически посещает Генеральный секретарь ВСМУ Али Карадаги, который был привлечен к идеологической

борьбе с терроризмом, однако отказался осуждать антироссийские и протеррористические высказывания своего шефа Кардави. Особенно теплые отношения у Карадаги установились с СМР, глава которого в декабре 2014 г. наградил генсека орденом «Аль-Фахр» [6].

К этому времени, правда, Совет министров ОАЭ внес ВСМУ в список террористических организаций из-за деструктивной деятельности Юсуфа Кардави, а власти Египта выдали ордер на его арест, но такие неприятности не поколебали дружбы между СМР и ВСМУ [12].

В 2012 г., выступая на IV меджлисе СМР, муфтий Равиль Гайнутдин привел некоторые статистические данные о международной активности СМР. По его словам, в период с 2007 по 2012 гг. представители его организации провели более трехсот официальных встреч и переговоров с представителями Ближнего Востока, Западной и Восточной Европы, Западной Африки, Юго-Восточной Азии, Америки и Австралии. Равиль Гайнутдин особо выделил тесные отношения СМР с ОИК, ХАМАС и властями Палестинской автономии. По словам главы СМР, к 2012 г. его организация подписала международные соглашения о взаимопонимании и сотрудничестве: с Исламским банком развития (Саудовская Аравия) по реализации программы беспроцентного кредитования высшего образования, с Организацией исламского призыва Малайзии, Министерством по делам религии Турции, Ассоциацией мусульман Китая, Министерством по делам религии и вакфов Алжира, Министерством по делам религии Туниса, Министерством хаджа и вакфов Афганистана, Организацией мусульман-суннитов Индонезии «Нахдатуль Улама» и Организацией по культуре и исламским связям Ирана [5].

ДУМЕР стал одним из первых муфтиятов, создавших полноценное подразделение, курирующее международное направление. В 2007 г. оно было преобразовано в Международный департамент СМР, который в настоящее время объединяет в себе шесть отделов: отдел международных связей, отдел хаджа и умры, отдел экономических программ, отдел образования за рубежом, отдел перспективных программ и переводческий отдел [14].

«Главной задачей Департамента является развитие двусторонних контактов с мусульманским миром, направления деятельности отдела включали организацию встреч высокопоставленных лиц – глав государств, министров и делегаций, налаживание контактов с дипломатическим корпусом мусульманских государств, проведение семинаров

и международных конференций и др.», – указывается на официальном сайте Международного департамента [15].

Международные отделы, департаменты или управления создали также ЦДУМ, ДУМ Республики Татарстан, ДУМ Дагестана, ДУМ Чеченской Республики, ДУМ Республики Башкортостан, а также целый ряд небольших региональных муфтиятов и даже отдельных вузов, однако по своей международной активности они заметно уступали СМР [14].

Внешнеполитическая деятельность СМР укрепила позиции этой организации, причем особенно в финансовой сфере, а также помогла продвижению интересов исламистской Турции и ваххабитских монархий Залива в России. Другое дело, что для самой России польза от такой международной активности выглядела весьма сомнительной. Сравнивая международную деятельность СМР с аналогичной деятельностью других мусульманских централизованных организаций, можно отметить, что долгое время СМР был вне конкуренции, однако уже к началу 2015 г. лидеры и представители ЦДУМ, ДУМ РТ, ДУМ Дагестана и ДУМ Чеченской Республики проводили ничуть не меньше мероприятий международного характера. Особую энергичность в этом направлении стал проявлять молодой муфтий Татарстана Камиль Самигуллин, в 2014 г. опередивший других мусульманских лидеров России по числу встреч с зарубежными партнерами и даже получивший за это несколько благодарностей от МИД России. Таким образом, в международной сфере СМР имеет сейчас хорошие, но не уникальные показатели.

Высказывания представителей СМР по внешнеполитическим вопросам отличались такой же противоречивостью, как и все остальные. Совершенно нормальной могла выглядеть ситуация, когда первый заместитель Гайнутдина Дамир Мухетдинов сердечно поздравляет «Братьев-мусульман» с победой в Египте и просит на этом основании исключить их из российского перечня террористических организаций, а второй первый заместитель главы СМР Дамир Гизатуллин, наоборот, приветствует свержение режима «Братьев» военными (<http://www.regnum.ru/news/1681906.html>). Ряд внешнеполитических заявлений СМР откровенно противоречили интересам России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асадуллин Ф. Равенство религий в России записано в Конституции. А как на деле? // Ислам Минбэре. – 1996, март. – № 3.
2. В бухарском медресе «Мир Араб» возмущены заявлением генсека Совета муфтиев России. – URL: <http://www.islam.ru/news/2011-05-04/1423>
3. Верховный муфтий Сирии: «От России к нам идет солнце». Материал размещен по адресу: http://ruskline.ru/news_rl/2013/02/13/verhovnyj_muftij_sirii_ot_rossii_k_nam_idet_solnce
4. Встреча с генеральным секретарем ОИК // Ислам Минбаре. – 2003, февраль. – № 2.
5. Выступление Председателя Совета муфтиев России муфтия шейха Равиля Гайнутдина на IV Меджлисе Совета муфтиев России от 28 сентября 2012 года // Ислам Минбаре – 2012. – № 10.
6. Глава Всемирного союза мусульманских ученых Карадаги удостоен ордена «аль-Фахр». – URL: <http://dumrf.ru/common/event/8809>
7. Марш несогласных в российском исламе // Независимая газета, 30 марта 2011.
8. Ответственные сотрудники Министерства иностранных дел в ДУМЕР // Ислам Минбаре. – 2003. – № 2.
9. Почивалов Л., Соломонов Ю. Поедут ли казанские боевики защищать косовских мусульман? // Общая газета, май 1999.
10. Российские муфтии поставят перед М.Каддафи вопрос о проведении саммита Всемирной организации исламского призыва в России. – URL: <http://islamrf.ru/news/russia/rusnews/11708/>
11. Российские мусульмане и кризис в Сирии. – URL: <http://www.ansar.ru/person/2013/3/19/38843>
12. Силантьев Р.А. Очерк о технике религиозной безопасности. – URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=analysis&div=210>
13. Совет муфтиев России дезавуирует слова Мухаммада Карачая об Исламе Каримове. – URL: <http://www.islamsng.com/uzb/news/1782>
14. Цель отдела – развитие двусторонних контактов с мусульманским миром. – URL: <http://www.muslim.ru/articles/123/2639/>
15. Цель и задачи Международного департамента Совета муфтиев России. – URL: <http://muslimworld.ru/>

УДК 008(4)

И. Т. Арабидзе

аспирант кафедры социологии ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: ati30@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ НЕГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКТОРА ПО СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЦ, УВОЛЕННЫХ С ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

В статье рассматривается место и роль профессиональных союзов, негосударственных, некоммерческих, общественных организаций в социальной адаптации граждан, прошедших службу в рядах Вооруженных Сил, правоохранительных органов и других ведомств, в которых предусмотрена военная служба (части пожарной охраны, гражданской обороны), на примере европейских стран.

Ключевые слова: ассоциация; военнослужащие; Вооруженные Силы; гражданская оборона; Европа; полиция; профсоюз.

Arabidze I. T.

Postgraduate Student, Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU; e-mail: ati30@mail.ru

THE ACTIVITY OF NON-GOVERNMENTAL SECTOR IN THE SPHERE OF THE SOCIAL ADAPTATION OF PERSONS RETIRED FROM MILITARY SERVICE: INTERNATIONAL EXPERIENCE

In this article the author examines the place and role of trade unions, non-governmental, non-profit organizations in the social adaptation of people who served in the Armed Forces, law enforcement agencies and other agencies, which provide for military service (fire brigade, civil defense), in the European countries.

Key words: association; troops; armed forces; civil defense; Europe; the police union.

Социальная адаптация граждан, уволенных с военной службы, как нам видится, является не только государственной, но и общественной

проблемой [1]. При этом особого научного интереса заслуживает изучение деятельности организаций негосударственного сектора по социальной адаптации бывших военных к гражданской жизнедеятельности в зарубежных странах.

Исторические аспекты

Одни из первых предпосылок к созданию профессиональных союзов, отстаивающих интересы граждан, проходящих и завершивших службу в военных, полицейских и спасательных ведомствах, появились в первой половине двадцатого века в странах Северной и Центральной Европы [2]. Так, в Нидерландах в 1907 г. был создан действующий и в настоящее время профессиональный союз полицейских. В Финляндии законодательство страны в 1929 г. позволило офицерам Вооруженных Сил образовать свою независимую профессиональную ассоциацию для защиты и продвижения интересов, касающихся прохождения воинской службы, а также государственного обеспечения после увольнения в запас. На начальном этапе существования в ассоциации, согласно внутреннему уставу, могли состоять только унтер-офицеры. Однако с течением времени возможность стать полноправными членами получили все военнослужащие, независимо от звания и занимаемой на момент увольнения со службы должности.

Вторая мировая война, охватившая европейские страны на рубеже 1930–1940-х гг. явилась неким сдерживающим фактором в процессе формирования независимых профсоюзных движений и ассоциаций, представляющих интересы такой категории граждан, как военнослужащие, сотрудники правоохранительных органов и других ведомств, в которых предусмотрена военная служба. Первая послевоенная негосударственная организация, целью которой стала защита интересов «граждан в погонах», появилась в Германии в 1956 г. В Ассоциацию военнослужащих Бундесвера может войти любой действующий или бывший военнослужащий, независимо от звания и выслуги лет. Главный принцип, которым в своей деятельности руководствуется Ассоциация – «Гражданин, носящий форму, имеет те же права, что и рядовой житель Германии». Немногим позже, в 1959 г., в Дании создается Ассоциация констеблей и капралов. Изначально право на вступление в нее имели только констебли. На сегодняшний день организация является крупнейшей в Дании и объединяет военнослужащих

всех званий, проходящих как контрактную, так и срочную службу. В течение нескольких лет с момента образования ассоциация находилась в сотрудничестве с ассоциацией военнослужащих Вооруженных Сил Дании, руководимой уполномоченными лицами из Министерства обороны. Но в 1984 г. выделилась в независимую общественную структуру.

Образование, становление и формирование негосударственных организаций, ассоциаций, профсоюзов, занимающихся решением проблемы социальной адаптации граждан, завершивших профессиональную деятельность в ведомствах, предусматривающих военную службу (Министерство обороны, полиция, силы пожарной охраны, части гражданской обороны), в странах Европы особенно активно происходило в 1990-х гг. Так, в 1991 г. создается Ассоциация офицеров Вооруженных Сил Республики Ирландия. Это стало возможно благодаря законодательным изменениям, которые коснулись, в том числе, порядка регистрации и функционирования профессиональных союзов страны. До этого момента существовали правовые ограничения, запрещающие военнослужащим создавать или вступать в какие-либо неподконтрольные государству объединения, направленные на защиту интересов «людей в погонах». В Бельгии ключевым можно назвать 1992 г., когда несколько независимых друг от друга и государства общественных организаций объединились в единую аполитичную структуру, целью которой стала борьба за интересы действующих и отставных военных, сотрудников полиции [3].

При поддержке Министерства социального развития в Италии, в том же 1992 г., создается беспартийная и некоммерческая организация – Ассоциация солидарности военнослужащих «Закон и прогресс». Ее основная задача – контроль за соблюдением социальных прав и гарантий военнослужащих независимо от воинского звания и выслуги лет. В 1992 г. на фоне намерений властей Португалии принять новый закон о военной службе и воинской обязанности, не устраивавший действующих офицеров Вооруженных Сил страны, появляется Ассоциация офицеров Вооруженных Сил Португалии. Еще одной предпосылкой, помимо нового закона, стала общая тенденция ущемления и ограничения гражданских прав ветеранов военной службы. Образование относительно новых общественных структур, работающих на благо интересов граждан, завершивших и проходящих профессиональную деятельность в ведомствах, предусматривающих военную

службу в тех странах, где их прежде не было, связано не только сугубо с личным желанием военнослужащих отстаивать свои закрепленные законодательством права наравне с гражданами, занятыми в негосударственном секторе экономики, но и определенными социально-экономическими преобразованиями внутри самих стран Европы.

Это можно увидеть на примере Польши, где масштабная реструктуризация Вооруженных Сил, начатая в 1980-х гг., привела не только к сокращению численности личного состава, но и, как следствие, породила проблему социальной адаптации военнослужащих запаса или в отставке к условиям жизнедеятельности в рамках рыночной экономики. На этом фоне, преодолев трудности легализации, в 1995 г. начинает функционировать негосударственная некоммерческая организация Союз старших офицеров корпуса регулярной армии Польши.

Вначале двухтысячных годов негосударственные организации, ассоциации, профсоюзы, деятельность которых направлена на снижение рисков социальной адаптации граждан, завершивших и проходящих профессиональную деятельность в ведомствах, предусматривающих военную службу, появились в таких странах, как Франция, Кипр, Литва, Словения. Во Франции по инициативе отставных военных в 2001 г. создается Ассоциация защиты прав военнослужащих Вооруженных Сил Франции. Организация образована строго в соответствии с нормами европейского и международного права, что дает ей возможность отстаивать интересы своих членов на самом высоком политическом уровне. На Кипре при поддержке Министерства обороны и Министерства внутренних дел в 2008 г. проведена активная, ставшая успешной, информационная кампания по привлечению членов во вновь созданную Ассоциацию офицеров армии Кипра. Ущемление прав действующих и бывших военнослужащих, сокращение численности Вооруженных Сил, проблемы в области социального обеспечения военных пенсионеров и членов их семей, привели к созданию в 2009 г. в Литве Центра защиты прав военнослужащих. Подобные тенденции невнимания и игнорирования проблемных направлений, связанных с соблюдением положенных законодательно прав, социальных гарантий и обязательств перед действующими, а также отставными военнослужащими, послужили импульсом к появлению в 2009 г. профсоюза военнослужащих Словении [5].

Подводя итог приведенного выше описания исторических этапов становления и развития профессиональных союзов, ассоциаций,

негосударственных, некоммерческих организаций, занимающихся решением проблемы социальной адаптации граждан, прошедших службу на воинских должностях в рядах Вооруженных Сил, правоохранительных органов, в частях пожарной охраны, гражданской обороны в различных странах Европы, выделим ряд общих и отличительных признаков данного процесса. Общие черты: социально-экономические преобразования, коснувшиеся, в том числе и Вооруженных Сил, части сокращения численности личного состава и финансового обеспечения; стремление военнослужащих к защите своих законных прав и гарантий; систематичность случаев ущемления, нарушения со стороны государства законных прав и гарантий как бывших, так и действующих военнослужащих. Отличительные черты главным образом кроются в различии законодательства европейских стран в части, касающейся возможности создания военнослужащими независимых, негосударственных профсоюзных организаций, ассоциаций и объединений [4].

Направления деятельности

Для понимания места и роли негосударственных некоммерческих организаций стран Европы в процессе социальной адаптации граждан, завершивших профессиональную деятельность в ведомствах, предусматривающих воинскую службу, целесообразно провести анализ целей и задач, изучить направления и формы работы данных организаций.

Большая часть из созданных и в настоящее время функционирующих профсоюзных объединений военнослужащих в странах Европы изначально, на стадии своего формирования, ставили перед собой главной целью борьбу за соблюдение всех законодательно положенных военнослужащим прав и гарантий [4]. Профсоюз военнослужащих Голландии, одна из старейших подобных организаций на территории Европы, оказывает своим членам, действующим военнослужащим и завершившим воинскую службу гражданам, всестороннюю помощь по следующим направлениям: предоставление социальной помощи военнослужащим и членам их семей; индивидуальная правовая поддержка; содействие в трудоустройстве инвалидов и ветеранов военной службы.

Финская ассоциация защиты прав военнослужащих наиболее активно реализует свою деятельность на направлении, связанном

с заключением и реализацией коллективного договора между гражданином и оборонным ведомством. Кроме того, члены ассоциации могут рассчитывать на помощь и поддержку в правовых вопросах, имеют возможность пройти переподготовку на гражданскую специальность, обратиться с просьбой о содействии в трудоустройстве после завершения воинской службы.

Профсоюзная организация военнослужащих Бундесвера, помимо правовой поддержки своих членов в вопросе выполнения государством всех обязательств перед ними, оказывает всестороннюю помощь семьям военнослужащих, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, занимается страхованием здоровья и жизни граждан, проходящих воинскую службу.

Решение проблемы трудоустройства граждан, завершивших воинскую службу – ключевая задача Ассоциации констеблей и капралов Вооруженных Сил Дании. Члены ассоциации имеют право бесплатно пройти переподготовку на желаемую гражданскую специальность. Кроме того крепкие связи ассоциации с бизнес-сообществом позволяют, с одной стороны, обеспечивать частные предприятия сотрудниками из числа бывших военнослужащих – с другой, способствуют желающим в открытии и развитии собственного дела, что, как нам видится, в целом имеет положительное влияние на экономику и деловой климат государства.

За 23 года существования значительного прогресса в улучшении социально-экономического положения военнослужащих запаса или в отставке и членов их семей удалось добиться у себя на родине Ассоциации офицеров Вооруженных Сил Республики Ирландия. Пенсионные выплаты военным пенсионерам за этот период увеличились на 40 %, создана гибкая система кредитования, интересы «граждан в погонах» активно лоббируются на самом высоком государственном уровне.

Профсоюзная организация военнослужащих Бельгии выстраивает работу на принципе специфичности профессии военного как таковой. Забота об общем благосостоянии членов профсоюза сочетается с работой на местах – в воинских частях и формированиях. Уделяется внимание решению проблем, возникающих не только у действующих, но и отставных военных, по способам взаимодействия со средствами массовой информации поднимается общий престиж воинской службы.

Итальянская Ассоциация солидарности военнослужащих «Закон и прогресс» осуществляет работу по двум ключевым направлениям.

Первое: защита индивидуальных и коллективных прав военнослужащих (как проходящих службу, так и находящихся в отставке либо на пенсии), социальная поддержка нуждающихся. Второе: реализация мероприятий по вовлечению лиц, прошедших военную службу и членов их семей в активную общественную деятельность, направленную на повышение общего уровня благосостояния граждан страны.

Профсоюз военнослужащих Португалии напрямую занимается вопросами социально-профессиональной адаптации бывших военнослужащих к условиям гражданской жизнедеятельности. Кроме того, выступает посредником между государством и военнослужащим в решении возможных проблем связанных с соблюдением полагающихся «военному» человеку прав и гарантий, как во время, так и после завершения службы.

Широкий круг актуальных задач в интересах «граждан в погонах» решает Ассоциация защиты прав военнослужащих Вооруженных Сил Франции. Целесообразно выделить следующие направления работы: защита и лоббирование профессиональных интересов; борьба с расизмом и оказание помощи жертвам дискриминации на основе расовой, религиозной, национальной, этнической принадлежности; борьба с дискриминацией по половому признаку военнослужащих; защита интересов и поддержка ветеранов Вооруженных Сил; борьба со случаями проявления неуставных отношений; оказание помощи инвалидам военной службы, гражданам, получившим ранения или увечья в ходе выполнения воинского долга; осуществление вклада в культурную составляющую воинской жизни, повышение дисциплины; профессиональная переподготовка на гражданские специальности [5].

Выводы

На основании изучения исторических этапов создания профессиональных союзов, негосударственных, некоммерческих, общественных организаций, занимающихся проблемой социальной адаптации граждан, прошедших службу в рядах Вооруженных Сил, правоохранительных органов и других ведомств, в которых предусмотрена военная служба в странах Европы, а также их целей, задач и направлений деятельности, можно сделать следующие выводы:

- социальная адаптация граждан, прошедших службу в «силовых» ведомствах, на сегодняшний день остается актуальной проблемой в странах Евросоюза;
- актуальность проблемы привела к появлению организаций негосударственного сектора, ставящих своей целью ее решение;
- законодательные ограничения не помешали созданию профсоюзных, общественных организаций и ассоциаций военнослужащих;
- ключевые задачи и цели подобных организаций в большинстве случаев сводятся к правовой поддержке военнослужащих; контролю над соблюдением установленных законодательством гарантий и обязательств перед действующими и бывшими военнослужащими; содействию в переподготовке и трудоустройстве; социальной работе с семьями военнослужащих; заботе об инвалидах и ветеранах военной службы; повышению престижа воинской службы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арабидзе И. Т., Мухин В. И.* Социальная адаптация увольняемых в запас военнослужащих: проблемы мегаполиса // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. – 2012. – № 2. – С. 68–72.
2. *Иванюк И.* Зачем военным профсоюзы // Красная звезда. – 2003. – URL: http://old.redstar.ru/2003/10/04_10/1_03.html
3. *Струговец Д. В.* Без права на забастовку // Независимое военное обозрение. – 16.07.2004. – URL: http://www.ng.ru/nvo/2004-07-16/11_union.html
4. *Шведков О. К., Нестеров В. С.* Профсоюзное движение военнослужащих (правовые основы и опыт России и зарубежных стран) // Проект Порталус: всероссийская база полнотекстовых научных публикаций. – 2004. – URL : http://www.portalus.ru/modules/internationallaw/print.php?subaction=showfull&id=1095960127&archive=&start_from=&ucat=1&
5. EUROMIL – European Organization of Military Associations. – 2010. – URL : <http://www.euromil.org/news>

УДК 316

Е. В. Гришенкова

аспирант кафедры социологии ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: k.grishenkova@yandex.ru

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Статья посвящена соотношению национального и культурного компонентов в национально-культурной идентичности. Отмечено, что в литературе, как правило, нация и культура рассматриваются как самостоятельные явления. Однако в целях достижения национального единства, солидарности и сохранения национально-культурных особенностей в эпоху глобализации, необходимо рассматривать эти компоненты во взаимосвязи и учитывать их при разработке национальной идеологии.

Ключевые слова: нация; культура; идентичность; национальное государство; социальный конструкт; глобализация.

Grishenkova E. V.

Postgraduate Student, Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU;
e-mail: k.grishenkova@yandex.ru

HISTORIOGRAPHIC REVIEW OF NATIONAL CULTURAL IDENTITY

The article is devoted to the comparison of national and cultural features of national-cultural identity. It is pointed that nation and culture are usually viewed in scientific works as separate entities. It is important to evolve both of these elements and to take them into account while elaborating national ideologies in order to reach a strong national unity, solidarity and to preserve national cultural peculiarities in the era of globalization.

Key words: nation; culture; identity; nation state; social construct; globalization.

Сегодня вопрос об изучении национально-культурной идентичности является наиболее актуальным. Об этом свидетельствует постановка задач «укрепления государственного единства и целостности России, сохранения этнокультурной самобытности ее народов» в таких федеральных документах, как федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» [14], «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до

2025 года» [12] и ряд других. Президент России В.В.Путин в ходе заседания Совета по межнациональным отношениям в Астрахани (31.10.2016) отметил необходимость разработки закона о российской нации. В связи с этим возникает потребность в определении таких многомерных понятий, как «нация», «этнос», «культура», «идентичность» и смежных понятий.

Для того чтобы более полно рассмотреть концепт национально-культурной идентичности, необходимо раскрыть понятия «нация» и «культура» и выявить их соотношение.

В социологическом энциклопедическом словаре под редакцией Г. В. Осипова выделяются два ключевых подхода к изучению наций: с позиции культуры (культурно-этнический подход, в котором нация рассматривается как результат объединения нескольких этносов на основании общности языка, культуры) и с позиции гражданства (этатистский подход, в котором под нацией понимается народ, принадлежащий к определенному государству, т.е. обладающий политико-правовым статусом гражданина данного государства) [11, с. 276].

Вопрос об основополагающих признаках формирования нации остается сегодня достаточно спорным. Так, английский исследователь Пол Гилберт в своей работе «Философия национализма» выделяет семь подходов к пониманию нации, в каждом из которых на первый план выходит отдельный признак:

- 1) номиналистский подход (когда человек причисляет себя к определенной нации);
  - 2) натуралистический (на основании природного сходства);
  - 3) волюнтаристский (на основании добровольного объединения);
  - 4) территориальный (на основании общности территории);
  - 5) лингвистический (на основании общности языка);
  - 6) аксиологический (на основании общности ценностей);
  - 7) дестинаристский (на основании общности истории и судьбы)
- [7, с. 50].

В свою очередь, культурный компонент в национально-культурной идентичности представляет собой совокупность норм, моделей поведения, ценностей, традиций, т.е. является смысловым контекстом, определяющим социальное взаимодействие.

Российский социолог и философ Э. А. Орлова выделяет следующие основные свойства культуры:

- 1) социальный характер культуры;
- 2) искусственность (культура создана людьми, в отличие от природы);
- 3) знаково-символический характер культуры;
- 4) материальный аспект культуры (предметы быта, орудия труда);
- 5) образцы человеческих отношений («стереотипные формы»);
- 6) технологичность культуры;
- 7) символические объекты (ценности и нормы) [9, с. 28–29].

Основатель интерпретативной антропологии Клиффорд Гирц описывает культуру как символическую систему, в которой рождаются смыслы (через герменевтический, семиотический подход). Так как исходных точек зрения на интерпретацию каких-либо феноменов может быть много, то все зависит от роли, которую феномены играют в определенной ситуации и, следовательно, суть анализа культуры заключается, скорее, «в угадывании значений, в оценивании догадок и в выведении поясняющих заключений из наиболее удачных догадок» [5, с. 10], а не в экспериментальном анализе.

Что касается понятия «идентичность», то в широком смысле она рассматривается как сформировавшееся в результате идентификации явление, благодаря которому индивид (или социальная группа) выделяет себя из множества других [11, с. 94].

Идентичность одновременно интегрирует, адаптирует индивида в социальные группы (институты), и в то же время выделяет личность из окружающего мира. Суть идентичности в современном мире заключается в свободе выбора новых идентичностей и, таким образом, в преодолении кризиса идентичности личности. В эпоху глобализации возникает необходимость гармонично сочетать множество идентичностей и приспособляться к стремительно меняющемуся окружающему миру.

На наш взгляд, можно выделить следующую типологию подходов к национально-культурной идентичности на основании соотношения понятий «культура» и «нация»:

- 1) национальный компонент первичен, культурный – вторичен;
- 2) культурный компонент первичен, национальный – вторичен;
- 3) нация и культура рассматриваются как гармоничное единство.

Нация – ключевой компонент

Перейдем к рассмотрению первого подхода, в котором определяющим компонентом является нация. Его представители подчеркивают связь нации с формированием государственности, гражданского общества, а также выделяют значимость политического и экономического суверенитета нации и роль политических элит при конструировании образа нации.

Так, британский теоретик национализма Эрик Хобсбаум, автор работы «Нации и национализм после 1780 года», выделяет политический аспект понятия нации. Автор пишет о том, что нации необходимо рассматривать в «привязке» к государству, существующему в определенном пространственно-временном контексте: «Нация есть социальное образование лишь постольку, поскольку она связана с определенным типом современного территориального государства, с “нацией-государством”, и рассуждать о нациях и национальностях вне этого контекста не имеет, на мой взгляд, никакого смысла» [8, с. 33].

Создатель мир-системного анализа, Иммануил Валлерстайн, в работе «Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности» сравнивает понятия «раса», «нация» и «этническая группа». Раса трактуется через генетический признак, этническая группа – через культурный, а нация – социально-политический. Если этнических групп в одном государстве может быть несколько, то нация – только одна [2, с. 91]. Кроме того, И. Валлерстайн подчеркивает значимость осознания своего прошлого нациями, что имеет не только нравственный аспект, но и является политическим инструментом государства, с помощью которого формируются национальные идеологии.

Представитель интегративного направления в социологии, работавший понятие глобализации, Энтони Гидденс также подчеркивает особую роль государства в формировании нации. Под нацией понимается «общность, существующая на четко ограниченной территории, которая подчиняется единой администрации, рефлексивно контролируемая внутригосударственным аппаратом и аппаратами других государств» [17, с. 116]. В эпоху глобализации, с одной стороны, происходит экономическое сближение, интернализация наций, с другой – возникает проблема сохранения национальной идентичности, отстаивание своих национальных особенностей.

Отдельно стоит отметить подход британского политолога и социолога Бенедикта Андерсона, который определяет нации как

«воображаемые сообщества», т.е. социальные конструкты, существующие только в субъективном мире в виде образов и создающиеся политическими элитами [1, с. 10].

Таким образом, «воображаемое сообщество» формирует чувство принадлежности к суверенной и свободной нации людей, образ нации в представлениях людей, проживающих на территории определенного государства, но никогда не встречавшихся друг с другом.

Культура – ключевой компонент

Во втором подходе главенствующая роль в национально-культурной идентичности отводится культуре. Культура формируется еще до образования нации, обеспечивает преемственность ценностей, традиций и обычаев. Ряд исследователей определяют нацию именно через культуру, приписывая ей главенствующую роль среди признаков, образующих нацию.

Создатель понимающей социологии Макс Вебер говорит о том, что социология, как наука о культуре, должна сосредоточиться на анализе культурной жизни, т. е. на духовных процессах [3, с. 390]. Культура является ценностным понятием и «охватывает те – и только те – компоненты действительности, которые в силу упомянутого отнесения к ценности становятся значимыми для нас» [3, с. 374]. Культура – это объективная реальность, изучать которую необходимо с точки зрения того, какие смыслы и значения мы в нее вкладываем. Нация же предстает как эпифеномен.

Представитель социологии знания, Карл Мангейм, противопоставляет элитарную (при которой элита формирует идеологию, определяет развитие культуры) и массовую культуру (при которой возникает проблема отчуждения). Ученый выделяет две проблемы: во-первых, мораль и нравственность не распределены равномерно в социальных классах и, во-вторых, техническое знание опережает уровень развития морали в обществе [7, с. 100]. Единственный способ преодоления морального хаоса в обществе К. Мангейм видит в попытке восстановления этических норм и укрепления социальных отношений в малых социальных группах (семье, религиозных, профессиональных сообществах и т. д.).

Основоположник теории социальной мобильности П. А. Сорокин в своих работах делает акцент именно на роли культуры в обществе. В основе любой культуры лежит определенная ценность,

«единовременное культурное качество» [19, с. 100], которая влияет на развитие всей социальной системы. П. А. Сорокин разработал типологию культур, которыми ограничивается всё мироздание:

- 1) сензитивная культура, в основе которой лежит познание через опыт и разум;
- 2) идеационная культура, для которой характерно преобладание религиозного мировоззрения;
- 3) идеалистическая культура (от слова «идеал», а не от слова «идея» как у Макса Вебера), т. е. интеграция веры и разума, что приводит к формированию нового типа познания – сверхинтуиции [10, с. 65–68].

Ряд исследователей, выделяя значительную роль культуры, подчеркивают, что сейчас она находится в кризисном состоянии. Так, американский социолог Элвин Тоффлер отмечает, что культура не успевает приспособиться к меняющемуся миру [13, с. 59]. В результате один человек совмещает множество социальных ролей и идентичностей, культура становится мозаичной, фрагментарной. Задача личности заключается в адаптации к новому типу культуры, в осознании свободы выбора ценностей для саморазвития, иначе может возникнуть «шок культуры», который приведет к потере ориентиров при столкновении с новыми формами культуры [13, с. 22].

Нация и культура – гармоничное единство

Специфика третьего подхода заключается в стремлении раскрыть значимость как роли государства и политики в формировании нации, так и немаловажной роли культуры в целом и ее отдельных элементов.

Английский философ и социальный антрополог Эрнест Геллнер определяет нации как через культуру, под которой понимается «система идей, условных знаков, связей, способов поведения и общения» [4, с. 24], так и через национальную идентичность (т. е. убежденность членов общности в своей принадлежности к определенной нации). Нации и государства, безусловно, всегда существуют в определенном контексте, в определенных исторических условиях. При этом государство, как и нация – «всего лишь случайность, а не всеобщая необходимость» [там же]. Культура ценна сама по себе, а границы нации и государства далеко не всегда совпадают с границами культур. Таким образом, Э. Геллнер выделяет как культурный, так и политический аспекты нации.

Теоретик позднего модерна, создатель теории коммуникативного действия Юрген Хабермас также отмечает необходимость гармоничного сосуществования культуры и нации, соотношение которых отражено в понятиях жизненного мира и системы. Ю. Хабермас отмечает, что система (т. е. политические институты) подчиняет жизненный мир, так как деньги и власть становятся основными способами общения, что неизбежно приводит к уничтожению солидарности [15, с. 19]. В качестве преодоления кризиса Ю. Хабермас предлагает развивать демократический дискурс, сферу языка, цель которых – достижение взаимопонимания [там же, с. 24]. Язык, таким образом, предстает воплощением жизненного мира и культуры. Поэтому задача заключается в том, чтобы превратить в социальные институты те сферы социальной жизни, в которых преобладает коммуникативная рациональность, иными словами, разумно сочетать политические и культурные механизмы нации, чтобы система и жизненный мир постоянно находились в состоянии подвижного равновесия.

Американский социолог и политолог Сэмюэл Хантингтон анализирует роль национальных государств и их взаимодействие на международной арене. Политический и культурный аспект нации не всегда совпадают, при этом «страны, сходные в культурном плане, сотрудничают экономически и политически» [16, с. 7]. Успешное функционирование государства (как во внутренней, так и во внешней политике) напрямую зависит от степени культурной идентификации нации: с одной стороны, речь идет об объективных компонентах – язык, религия, традиции, социальная структура и социальные институты, а с другой – от субъективной составляющей, т. е. от личностной культурной идентичности (ощущение себя частью данной культуры) [там же, с. 18]. Этот аспект позволяет нации развиваться, чувствовать себя целостной, взаимодействовать с другими, четко представляя особенности своей культуры.

Рональд Инглхарт в своих исследованиях национальных культур с позиции ценностей отмечает значимость как ценностного компонента культуры, так и политических составляющих нации (например, уровень доверия к государственным институтам, т. е. легитимность власти), ценностях индивидуализма и гражданственности. Кроме того, ученый связывает социально-экономическое развитие с ценностными установками. Таким образом, развитие культуры (культуры ценностей) напрямую связано с уровнем национального развития.

Р. Инглхарт приходит к выводу о том, что «развитая культура, индивидуальные ценности способствуют укреплению гражданского общества, политических свобод, качественного государственного управления и гендерного равенства, а значит, увеличивают и вероятность утверждения демократии в тех странах, где ее еще не существует, и придают ей большую “отзывчивость” по отношению к интересам людей там, где демократическая система уже действует» [6, с. 118]. В этом проявляется органическая взаимосвязь культурного и политического аспектов нации.

Таким образом, на наш взгляд, понятие национально-культурной идентичности необходимо рассматривать как целостность. Существует множество механизмов формирования национально-культурной идентичности, которые оказываются более значимыми в определенный исторический период: язык, традиции, ценности, идеологии, общность территории, уровень развития экономики, природные условия, религия и др. Национально-культурная идентичность представляет собой не только объективную реальность, но и социальный конструкт, т. е. наши представления об этой реальности, существующий в нашем воображении и способный к изменениям.

Для успешного функционирования нации необходимо, с одной стороны, сформированное государство, идеология, институты гражданского общества, благодаря которым обеспечивается целостность, закрепляется правовой аспект нации, становится возможным представление интересов нации на международной арене, так как ее существование официально признается другими нациями. Без государственного оформления могут существовать только отдельные этносы. С другой стороны, существование нации невозможно без культурной составляющей, которая обеспечивает преемственность поколений, сохранение традиций и выступает в качестве символического и смыслового контекста, особой формой саморефлексии общества.

В национально-культурной идентичности важен синтез, гармоничное сочетание этих компонентов, только в этом случае есть шанс преодолеть возникшие в эпоху глобализации национально-культурные кризисы и приблизиться к достижению таких целей, поставленных, в частности, в федеральных документах Российской Федерации, как укрепление национального единства, солидарности и развитие толерантности, т. е. уважения к другим нациям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. – М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. – 288 с.
2. *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / пер с фр.; под ред. О. Никифорова и П. Хицкого. – М.: Логос, 2004. – 288 с.
3. *Вебер М.* Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова ; предисл. П.П. Гайдено. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
4. *Геллнер Э.* Нации и национализм / пер. с англ. Т. В. Бредниковой, М. К. Тюнькиной ; ред. и послесл. И. И. Крупника. – М.: Прогресс, 1991. – 794 с.
5. *Гириц К.* Интерпретация культур : пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 560 с.
6. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.
7. *Мангейм К.* Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – 700 с.
8. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум ; пер. с англ. А. А. Васильева. – СПб.: Алетейя, 1998. – 306 с.
9. *Орлова Э. А.* Культурная (социальная) антропология: учеб. пособие для вузов. – М.: Академический Проект, 2004. – 480 с.
10. *Сорокин П. А.* Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
11. Социологический энциклопедический словарь: на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред.-координатор академик РАН Г. В. Осипов. – М.: НОРМА, 2000. – 488 с.
12. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. – № 1666 – URL : <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d4346a9150dd12eda4.pdf>
13. *Торффлер Э.* Шок будущего / пер. с англ. – М.: АСТ, 2002. – 557 с.
14. Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020). Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 20 августа 2013 г. – № 718. – URL : <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf>
15. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне / пер. с нем. – М.: Весь Мир, 2003. – 416 с.
16. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.

17. *Giddens A.* Nation-state and violence. – Cambridge : Polity Press, 1985. – 408 p.
18. *Gilbert P.* The Philosophy of Nationalism. – Boulder, Colorado and London : Westview Press, 1998. – 214 p.
19. *Sorokin P. A.* The Essential Characteristics of the Russian Nation in the Twentieth Century // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – March, 1967. – P. 99–115.

УДК 316.6

Г. В. Маткаримова

кандидат социологических наук, ст. преподаватель кафедры социологии ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: sky_g@mail.ru

СОСТОЯНИЕ И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье дается оценка состояния этнокультурного развития современной молодежи, в частности проводится анализ ключевых проблем этнокультурного развития в молодежной среде на основе изучения государственных программ и результатов социологических исследований. Кроме того, автор выявляет причины, лежащие в основе неприятия и агрессивного отношения молодежи к современным этнокультурным реалиям и процессам.

Ключевые слова: этнокультурное развитие; молодежь; культура; этничность; религиозная принадлежность; этнокультурно компетентная личность; воспитание.

Matkarimova G. V.

Ph. D. (Sociology), Senior Lecturer, Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU; e-mail: sky_g@mail.ru

STATE AND THE MAIN PROBLEMS OF ETHNO-CULTURAL DEVELOPMENT OF YOUTH

The article evaluates the state of ethno-cultural development of contemporary youth; in particular, the key problems of ethno-cultural development of young people are analyzed on the basis of federal programs and findings of sociological researches. Also the author considers the main reasons for youth rejection and aggressive attitude towards modern ethno-cultural realities and processes.

Key words: ethno-cultural development; youth; culture; ethnicity; religious belonging; ethno-cultural competent person; education.

Необходимость изучения проблем этнокультурного развития молодежи и принятия своевременных управленческих решений по преодолению и предотвращению негативных тенденций в данной области обуславливается как имманентными особенностями этнокультурного развития молодежи, так и его современным состоянием в российской молодежной среде. Это и станет предметом анализа данной статьи.

Значимость этнокультурного развития современной молодежи отражена в результатах различных социологических исследований. Так, например, актуальность проблемы этнокультурного развития

молодежи была признана подавляющим большинством экспертов в рамках исследования этнокультурного развития и профилактики экстремизма в молодежной среде, проведенного в 2014 г. коллективом ученых Московского государственного лингвистического университета. На вопрос: «Как Вы считаете, насколько сейчас для России является серьезной проблема этнокультурного развития в молодежной среде?», эксперты отвечали, что эта проблема:

- является достаточно серьезной, но на данный момент не представляет собой опасность;
- достаточно серьезна, однако она второстепенна по отношению к общекультурному развитию;
- среднесерьезна, но тревога нарастает;
- по 10-балльной шкале дал бы около 5 баллов;
- я бы не говорил, что это проблема; мне кажется, что это должно просто быть, и нужно работать в этом направлении...

Вместе с тем, ряд экспертов выразили мнение, что государство уделяет недостаточно внимания проблеме этнокультурного развития:

- на фоне ускоряющихся процессов глобализации, с одной стороны, и сохранения установок нетерпимости по отношению к культурам меньшинств в принимающем обществе, с другой, проблеме этнокультурного развития молодежи, на наш взгляд, в настоящее время не уделяется должного внимания. Присутствие ростков экстремизма можно обнаружить в различных слоях молодежи, что проявляется, прежде всего, в ее повседневном дискурсе;

- заинтересованность государства в этнокультурном развитии молодежи, на наш взгляд, в настоящее время невелика и продолжает снижаться;

- игнорирование со стороны государственных и общественных институтов этнокультурного развития в молодежной среде может привести в недалеком будущем к различного рода девиациям в поведении сегодняшней молодежи.

Причем недостаточность мер по формированию российской гражданской идентичности и гражданского единства, воспитанию культуры межнационального общения, изучению истории и традиций российских народов отмечена и в федеральной программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020)» в качестве негативного фактора, влияющего на развитие межнациональных (межэтнических) отношений [6]. Таким

образом, можно констатировать актуальность данной проблемы и наличие определенных негативных последствий неэффективного этнокультурного развития современной молодежи.

В данной федеральной программе в качестве основных проблем этнокультурного развития молодежи выделены: слабое общероссийское гражданское самосознание (общероссийская гражданская идентичность) при всё большей значимости этнической и религиозной самоидентификации, этнополитический и религиозно-политический радикализм и экстремизм и рост националистических настроений в среде различных этнических общностей. Действительно, как показали результаты массового опроса, в рамках исследования этнокультурного развития и профилактики экстремизма в молодежной среде МГЛУ, общероссийское гражданское самосознание недостаточно развито, только чуть больше половины молодежи (порядка 56 %) в полной мере ощущают себя россиянами. Анализ результатов массового опроса также позволил выявить основные проблемы этнокультурного развития молодежи. Во-первых, можно констатировать, что среди определенной части молодежи распространены негативные чувства к представителям других этноконфессиональных общностей, причем чувства неприязни проявляются в большей степени по этническому признаку. Так, треть молодежи испытывает отрицательные чувства (раздражение, неприязнь, страх) по отношению к культуре людей других национальностей. Вместе с тем, для большинства молодежи (порядка 70 %) характерны положительные чувства (уважение, симпатия, интерес) (см. рис. 1).

Доля молодых людей, испытывающих отрицательные эмоции по отношению к представителям других религий, почти в два раза меньше (около 16 %). Таким образом, для российской молодежи более характерна межрелигиозная толерантность, поскольку большая неприязнь, напряженность проявляется на этнической почве. Вероятно, это во многом обуславливается большей значимостью этнической принадлежности, нежели религиозной. Согласно результатам опроса, 56,5 % молодежи в полной мере ощущают себя представителями своей национальности и только 27,4 % – представителями своей веры. Можно предположить, что усиление значения конфессиональной принадлежности в молодежной среде может привести по аналогии с другими европейскими странами к повышению общего уровня напряженности в этноконфессиональных отношениях, где основой столкновений ценностно-нормативных систем является религиозная составляющая.

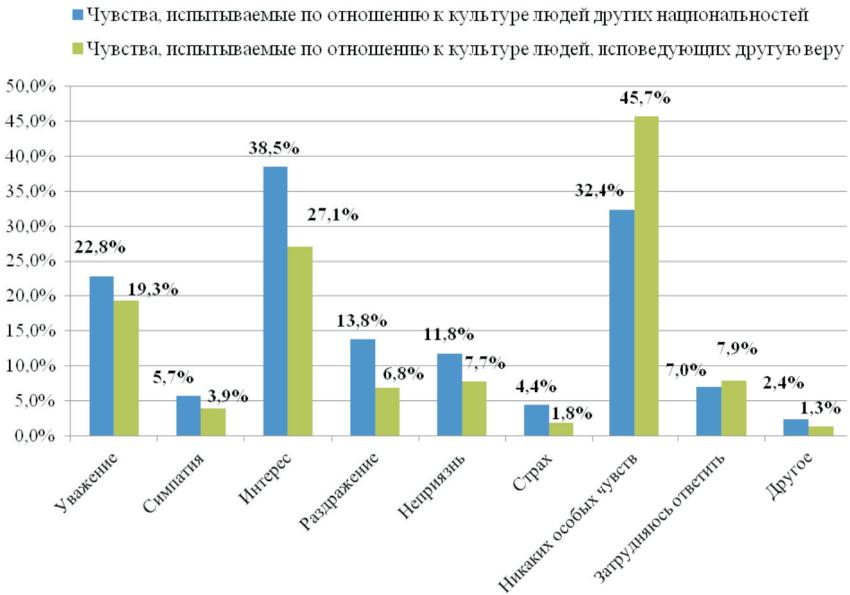

Рис. 1. Чувства, испытываемые по отношению к культуре людей других национальностей и религий, %

Также следует отметить, что данная неприязнь, напряженность остается не только на ментальном уровне – при определенных условиях молодежь готова перейти к деструктивным действиям с применением насилия. Как показали результаты опроса, около 17 % молодых людей готовы в случае оскорбления личных национальных или религиозных чувств применить физическую силу («отвечу физически (применю силу)»).

Во-вторых, особая неприязнь, следовательно, неприятие проявляется в молодежной среде по отношению к представителям конкретных этнических и конфессиональных общностей. К примеру, к представителям таких национальностей, как чеченцы, дагестанцы и таджики, среди молодежи наблюдается максимальная социокультурная дистанция – «согласен видеть лишь время от времени». Несколько «ближе» молодежь готова принять узбеков, вьетнамцев, азербайджанцев, киргизов, китайцев, молдаван и казахов – «готов принять только как соседей, проживающих в одном дворе» (см. рис. 2).

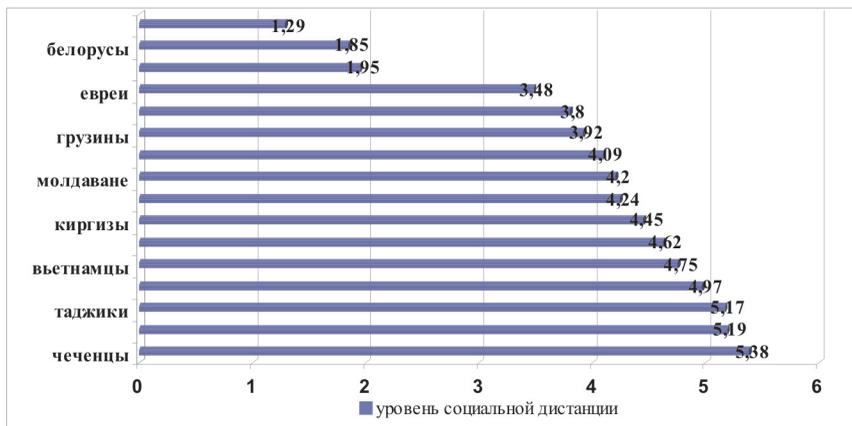

Рис. 2. Социальная дистанция по отношению к различным национальностям (среднее)

И только представителей славянских национальностей российская молодежь готова принять как близких родственников, в том числе посредством брака (минимальная дистанция)¹.

Что касается дистанции по отношению к представителям различных религий и конфессий, на максимальной дистанции молодежь готова держать мусульман, а также кришнаитов и баптистов (см. рис. 3).

Таким образом, можно констатировать наличие наибольшей социокультурной дистанции российской молодежи по отношению к представителям, прежде всего, кавказских народов, а также народов Азии, исповедующих ислам. Данные выводы подтверждаются и результатами других социологических исследований. Так, аналогичные результаты были получены в рамках опроса ВЦИОМа в 2012 г., согласно которым москвичи испытывают чувства раздражения и неприятия прежде всего к кавказцам (31 %), а также таджикам (23 %), азербайджанцам (17 %), узбекам (13 %), чеченцам (12 %) [4].

¹ 1. Готов принять как близких родственников, в том числе посредством брака. 2. Готов принять только, как личных друзей. 3. Готов принять только как коллег по работе. 4. Готов принять только как соседей, проживающих в одном дворе. 5. Согласен видеть лишь время от времени. 6. Предпочел бы не видеть совсем в своем районе. 7. Предпочел бы вообще не видеть в Москве.

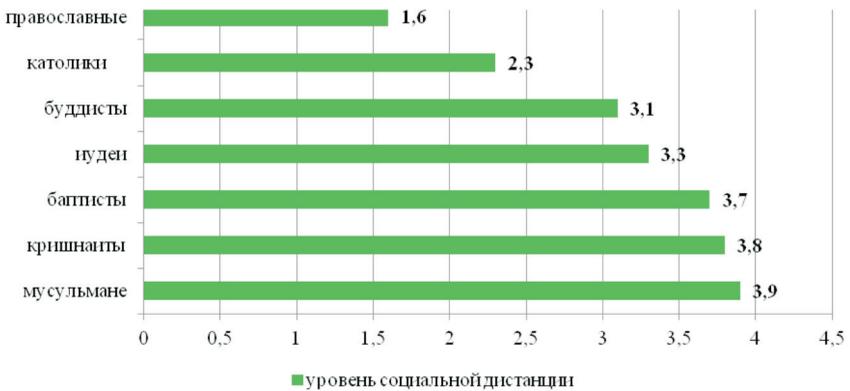

Рис. 3. Социальная дистанция по отношению к различным национальностям (среднее)

В-третьих, в качестве важной проблемы этнокультурного развития современной молодежи можно выделить исламофобию, которая характеризуется стереотипным восприятием ислама и приверженцев мусульманской культуры, чувством страха перед ними. Вместе с тем, ислам является второй по распространенности религией в России. По данным проекта Арена «Атлас Религий и Национальностей» (всероссийский опрос, выборка 56 900 респондентов, 2012), в России примерно 6,5 % граждан исповедуют ислам (в том числе суннитского и шиитского направлений) [1, с. 192]. Во многом подобное восприятие представителей ислама связано с тем, что в обществе продолжает существовать стереотип о непосредственной взаимосвязи ислама и терроризма. Согласно данным всероссийского репрезентативного опроса «ФОМ-Пента» 2011 г., около 40 % россиян согласились с утверждением, что терроризм и ислам связаны между собой [5, с. 74–75].

Наряду с исламофобией фиксируется и наличие мигрантофобии. Так, по результатам опроса, около 43 % молодежи в качестве причины наибольшей тревоги и страха в настоящее время выделила засилье мигрантов в городах (второй популярности ответ после терроризма). Также более половины (60,6 %) представителей молодежи относятся отрицательно (ненависть, отвращение и неприязнь) к мигрантам с юга и юго-востока (кавказцам, вьетнамцам и др.) (см. рис. 4).

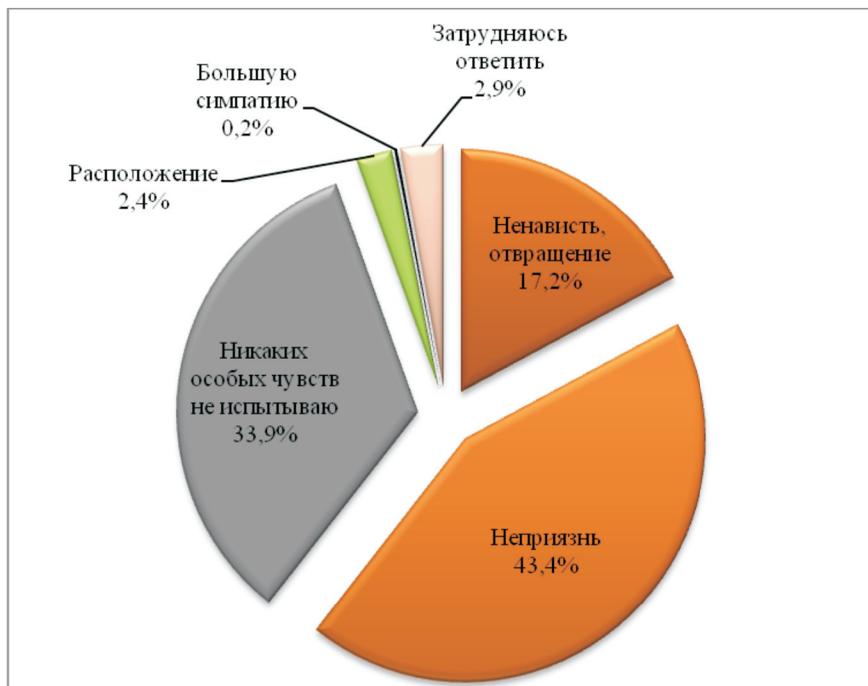

Рис. 4. Отношение к мигрантам с юга и юго-востока (кавказцам, вьетнамцам и др.)

Более того, около трети молодых людей (34 %) положительно относятся к радикальным русским националистам, выступающим против роста численности в России мигрантов, других лиц нерусской национальности. Причем исламофобия, мигрантофобия, а также кавказофобия часто образуют единый феномен, когда объектами, по отношению к которым испытываются сильные страхи, опасения, оказываются приезжие представители кавказских народов (в частности, Северного Кавказа), исповедующие ислам. Опасность распространенности подобных фобий заключается в том, что, поскольку они представляют собой иррациональные, неконтролируемые страхи, ими легко воспользоваться для манипулирования общественным мнением с целью разжигания этноконфессиональной неприязни.

В-четвертых, в молодежной среде наблюдается определенная симпатия к деятельности, взглядам радикалов, экстремистов. Так, около 4 % молодежи испытывают расположение и большую симпатию

к радикальным националистам и фашистам. Также около 6 % молодых людей выразили понимание («в чем-то их понимаю») к людям, которые готовы пойти на террор ради веры или идеи. Наблюдается и определенная лояльность к пронационалистским идеям: 34 % молодежи посчитали в полной мере справедливым суждение «Россия – это государство прежде всего русских». Несмотря на то, что подавляющее большинство имеет противоположное отношение к деятельности радикалов, тем не менее, следует учитывать наличие в молодежной среде небольшой доли молодых людей, поддерживающих радикалов, и, следовательно, представляющих определенный потенциал для рекрутирования в ряды националистских и фашистских группировок.

Таким образом, можно сделать вывод, что у российской молодежи существуют определенные проблемы этнокультурного развития, обусловленные не в полной мере развитой этнокультурно компетентной личностью. Данные проблемы проявляются прежде всего в чувстве неприязни по отношению к культурам других этноконфессиональных общностей, применении насилия на этнической и религиозной почве, а также в таких явлениях, как исламофобия, кавказофобия, мигрантофобия. Тем не менее состояние сложившихся на данный момент этноконфессиональных отношений не критическое, во многом негативные оценки, установки и т. п. остаются на ментальном уровне и не переходят в конкретные деструктивные, насильственные действия.

Вместе с тем, для поддержания существующего уровня развития этнокультурной компетентности молодежи и его оптимизации необходимо принимать соответствующие управленческие решения. Молодежная политика должна быть направлена не только на решение проблем неэффективного этнокультурного развития, но и на сами причины неприятия и агрессивного отношения молодежи к современным этнокультурным реалиям и процессам. Поэтому для эффективной реализации комплекса мер по этнокультурному развитию необходимо понять данные причины.

В целом для молодежи как возрастной категории, особенно подросткам свойствен максимализм и даже определенная степень агрессивности. Кроме того, психологические особенности данной возрастной группы обуславливают высокий уровень подверженности идеологическому воздействию, в частности идеям нетерпимости, радикальным взглядам и т. п. Поэтому молодежь, в силу возрастной специфики, часто оказывается объектом влияния радикальных

группировок с целью их вовлечения в противоправные, девиантные группировки, подрывающие основы общества. Таким образом, в молодежной среде существует некие имманентные предпосылки негативного отношения к представителям других этноконфессиональных общностей. Тем не менее эти предпосылки только при определенных условиях, факторах могут трансформироваться в неприятие как на ментальном, так и на поведенческом уровнях.

Значимым условием возникновения неприязни, формирования интолерантности является недостаток знаний о других культурах. Незнание особенностей национальной культуры, истории, а также мотивов, символического смысла поведения представителей других культур ведет к непониманию, страху, отрицанию неизвестного, появлению стереотипов и предрассудков. По данным массового опроса, около половины российской молодежи считают, что некоторые отрицательные черты, недостатки, пороки человека могут быть связаны с национальной принадлежностью. Так, часто религиозная неграмотность становится основой для манипуляции сознанием молодых людей (например, ислам используется как идеологическая база террористов).

Помимо низкого уровня осведомленности о других культурах, особую роль в формировании нетерпимого отношения играет отсутствие должного воспитания, прежде всего в семье. В современном обществе значение семьи в жизни ребенка возрастает, возникает так называемый феномен длинного детства, который представляет собой феномен индустриальной культуры, состоящий в значительном расширении временного периода, признаваемого обществом, в качестве предназначенного для освоения молодежью «взрослых» ролей [8]. Следовательно, молодые люди остаются в родительской семье в течение длительного времени, и данный пролонгированный социализационный период жизненного цикла семьи ведет к усилению роли семьи в жизни современной молодежи.

Другим условием возникновения нетерпимости и неприязни по отношению к другим культурам является неизбежное столкновение ценностно-нормативных систем различных этноконфессиональных общностей, особенно в рамках мультикультурного общества. Глобализация, миграционные процессы способствуют постоянному росту мультикультурности (причем часто за счет этнокультурно далеких общностей). Таким образом, возникает возможность подавления (по крайней мере, гипотетическая) доминирующей культуры, ее ухода на

второстепенные позиции, что отражается в состоянии этноконфессиональной напряженности титульного этноса. В современной России можно констатировать наличие среди русского населения чувства недовольства, страха потерять как свою культурную самобытность, так и социально-экономическое благополучие.

С одной стороны, русские испытывают недостаток в этнокультурном самовыражении, не чувствуют свое национальное своеобразие. Что, вероятно, связано во многом с уходом от корней, традиций, упразднением церкви в советскую эпоху. Тогда как другие этносы открыто выражают свою национальную культуру в столице, что, впрочем, поддерживается действующей политикой мультикультурализма. Другие этноконфессиональные общности в условиях интенсивной иммиграции, роста мультикультурности общества размывают культуру русского этноса. Следует отметить, что за рубежом, в европейских столицах самобытность некоренных жителей настолько ярко выражена, что они даже претендуют на культурное доминирование в принимающем их обществе. С другой стороны, иные этносы вступают в социально-экономическую конкуренцию с титульным этносом, что усугубляет его состояние недовольства и страха лишиться своего социального положения. Более того, данный характер восприятия современной ситуации усиливается за счет ощущения дискриминации русских, ослабления их традиций и обычаев, что подтверждается данными различных исследований. К примеру, по результатам сравнительного репрезентативного исследования в РФ ИСПИ РАН, в столичном мегаполисе более половины жителей (54 %) выразили согласие с тезисом: «В современных условиях некоторым народам вашей страны становится все труднее сохранить свои традиции, обычаи». Причем при конкретизации вопроса: «Если идет ущемление прав, то каких именно национальностей?» – по всем регионам страны респонденты, независимо от национальности, поставили на первое место в качестве главного объекта ущемления – русских [3]. Примечательно, что не только сами русские признают некую ущемленность русского народа, но и представители других этносов придерживаются такой же позиции. Итак, определенный уровень напряженности, нетерпимости изначально заложен в систему этноконфессиональных отношений в силу исторических, социокультурных условий.

В основе неприятия и агрессивного отношения к другим культурам лежат общие социально-экономические причины. Молодежь, которая не видит социальных перспектив, возможности и шансов

самореализации в своей жизни часто экстраполирует свое недовольство и ненависть на «чужих», поскольку, когда физическая, психологическая или социальная «атака» помехи удовлетворения потребности невозможна, агрессия может быть перенесена на иной доступный объект [2, с. 110]. Направить свою агрессию, к примеру, на саму социальную сферу, на правящую элиту представляется и невозможным, и труднодостижимым, тогда как нахождение «козла отпущения» в менее «опасных» и менее защищенных (в том числе в правовом отношении) субъектах представляется более вероятным (каковыми часто являются приезжие). В ситуации повышенной этноконфессиональной напряженности «чужими» прежде всего становятся представители других культур, приезжие. Причем при поиске виновных способна активизироваться историческая память, и в результате наложения исторического и актуального возможно возникновение своеобразной «психологической эпидемии» неприятия «чужих», способной стимулировать агрессивные действия [7, с. 18]. Важной причиной нетолерантного отношения в молодежной среде является также отсутствие ясно выраженной и пропагандируемой общенациональной идеи, которая распространяла бы идеи единства российской нации и могла бы противостоять радикальным идеологиям.

На вышеперечисленные базовые причины неприятия и агрессивного отношения молодежи к современным этнокультурным реалиям и процессам накладываются причины, непосредственно актуальные для современной российской молодежи. В ходе анализа результатов экспертного интервью были выявлены основные факторы, раздражающие молодежь в России, многие из которых лежат в основе общей нетерпимости, неприязни, в том числе по отношению к другим культурам.

Во-первых, по мнению экспертов, молодежь раздражают приезжие, или, точнее, их поведение, не соответствующее общепринятым нормам и ценностям в российском социуме. Причем речь идет о конкретных приезжих – мигрантах с юга, юга-востока:

- агрессивное, неадекватное поведение «выходцев с Кавказа»; значительное количество приезжих из азиатских республик бывшего СССР и культурная дистанция с ними);
- национальные мигранты с юга и востока.

В ходе массового опроса были выявлены раздражающие особенности поведения приехавших в Москву граждан других национальностей. Так, около 72 % представителей молодежи раздражает то, что мигранты «ведут себя развязно, как хозяева, не соблюдают наши обычаи»; 55,4 % опрошенных возмущаются тем, что сами приезжие враждебно относятся к коренным жителям и занимаются преступной деятельностью, и только у 17,1 % вызывает раздражение то, что мигранты занимают наши рабочие места (см. рис. 5).

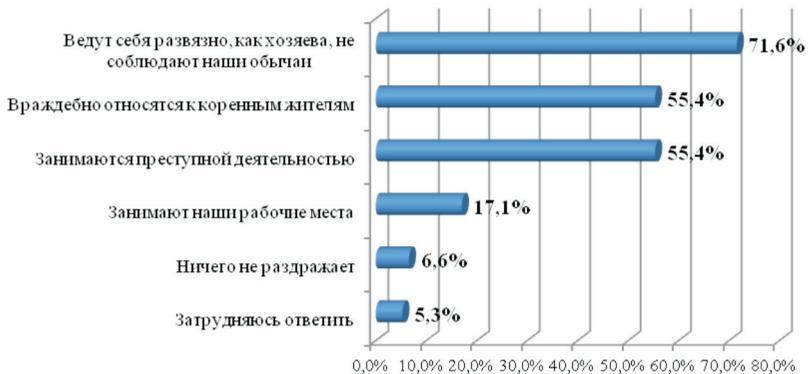

Рис. 5. Раздражающие особенности поведения приехавших в Москву граждан других национальностей, %

Во-вторых, в качестве раздражающего фактора было отмечено отсутствие взаимопонимания с родителями и возрастные особенности молодежи:

- родители занимаются «зарабатыванием денег». Сейчас этот разрыв очень чувствуется: дети идут своей дорогой, а родители, для того чтобы найти с ним контакт, покупают им современные «гаджеты», и этим компенсируют недостаток общения;

- раздражает наверное то, когда их заставляют делать то, чего они не хотят, навязывают им свое мнение и т. д. и др.

В-третьих, особым образом раздражает молодежь политика государства:

- раздражает ... несогласованность государственных решений, отсутствие организации на государственном уровне. Почему? Потому что они в первый раз, например, сталкиваются с организацией

экзаменов, да, и вот, некоторые экзамены плохо организованы априори потому, что идет плохая организация «сверху». И страдают они в итоге, причем они это видят уже в одиннадцатом классе;

- факты ненаказуемости преступников;
- двойные стандарты, отчасти из-за вседозволенности нашей власти, расслоения в обществе. Получается так, что некоторые люди получают очень много денег, а деньги, часто, когда общество расслоенное, начинают решать все, к примеру полиция глаза закрывает и т. д.;

- косность государственной машины на разных уровнях и др.

И, наконец, в целом ситуация социально-экономического неравенства вызывает раздражение молодежи:

- социально-экономическое неравенство и несправедливость, в том числе на фоне возмутительных коррупционных нарушений;

- ярко выраженное социально-экономическое расслоение общества и слабая вера в возможность преодолеть дистанцию (достичь высокого статуса своими силами);

- богачи/олигархи;

- социальная несправедливость, болтовня, имитация бурной деятельности и др.

Социальная несправедливость имеет важное значение в восприятии действительности молодежью. Как показали результаты массового опроса, порядка 70 % представителей молодежи готовы бороться до конца именно за справедливость, тогда как борьба за религиозные, политические, патриотические и национальные взгляды, по мнению молодежи, представляет меньшую важность.

Молодежь, отвечая на вопрос, что в первую очередь способствует распространению в России идей межнациональной нетерпимости, назвали действия граждан других национальностей, ведущих себя агрессивно по отношению к иностранцам (55,1 %), т. е. агрессия влечет за собой агрессию (см. табл. 1).

Около трети молодежи (33,3 %) объясняют явление нетерпимости социально-экономическими условиями (бедность, низкий уровень жизни). Другая треть (29,5 %) выделяет аналогичные причины – невозможность себя реализовать, найти достойное место в жизни. И только 21,7 % полагают, что само ощущение своей национальной принадлежности, «голос крови» может способствовать распространению идей нетерпимости.

Таблица 1

Источники идей межнациональной нетерпимости в России

Источники идей межнациональной нетерпимости в России	Итоговый %
Эти настроения провоцируются действиями граждан других национальностей, ведущих себя агрессивно по отношению к иностранцам	55,1
Распространению в России идей межнациональной нетерпимости способствует бедность, плохие социальные условия	33,3
Распространению в России идей межнациональной нетерпимости способствует невозможность себя реализовать, найти достойное место в жизни	29,5
Распространению в России идей межнациональной нетерпимости способствует «голос крови», ощущение своей национальной принадлежности	21,7
Просто людям надо куда-то направить свою энергию, никаких серьезных убеждений за этим не стоит	13,3
Распространению в России идей межнациональной нетерпимости способствует стремление организовать, сплотиться вокруг каких-то идей, найти друзей и единомышленников	11,6
Затрудняюсь ответить	13,1
Другое мнение	3,5

Итак, неприятие и агрессивное отношение молодежи к современным этнокультурным реалиям и процессам обуславливается широким спектром причин и факторов. С одной стороны, это имманентно присущие причины (возрастные), с другой – актуальные социокультурные и социально-экономические причины. К основным условиям формирования неприятия можно отнести низкий уровень осведомленности о других культурах, а также в условиях возрастающей мультикультурности российского социума – неизбежное столкновение ценностей и норм различных этноконфессиональных общностей.

В заключение можно сказать, что современное состояние этнокультурного развития молодежи имеет ряд проблем, к которым относятся: слабое общероссийское гражданское самосознание (общероссийская гражданская идентичность) при все большей значимости этнической и религиозной самоидентификации, этнополитический и религиозно-политический радикализм и экстремизм и рост националистических настроений в среде различных этнических общностей. Неприязнь и агрессивное отношение к представителям других культур выражается в негативных чувствах и большой социокультурной дистанции, прежде всего по отношению к культурно далеким

этническим общностям, приезжим, а также этносам, исповедующим ислам. С целью преодоления наметившихся негативных тенденций в области этнокультурного развития в молодежной среде и развития и оптимизации этнокультурной компетентности молодежи необходимо принимать соответствующие комплексные меры по различным направлениям этнокультурного развития (образовательное, правовое и др.) на основе анализа результатов эмпирических социологических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арена: Атлас религий и национальностей. – М.: Некоммерческая Исследовательская Служба СРЕДА, 2013. – 239 с.
2. *Бородкин Ф. М., Володина Н. П.* Социальная напряженность и агрессия // Мир России. – 1997. – Т. 6. – № 4. – С. 107–150.
3. *Кублицкая Е. А.* Межнациональные отношения и толерантность // Официальный сайт ИСПИ РАН. – URL : <http://isprras.ru/pics/File/Kublickaya.pdf>
4. Москвичи и петербуржцы о своих этнических симпатиях и антипатиях (ВЦИОМ) : Пресс-выпуск. – № 1934. – 24.01.2012. – URL : <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112356>
5. Непосредственные вопросы – 2011. – М. : Некоммерческая Исследовательская Служба СРЕДА, 2012. – 288 с.
6. Постановление Правительства РФ от 20 августа 2013 г. № 718 «О федеральной целевой программе “Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)”». – URL : <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf>
7. *Рукавишников В. О., Иванов В. Н.* Социальная напряженность: диагноз и прогноз // Социологические исследования. – 1992. – № 3. – С. 3–23.
8. *Ярская В. Н.* Социология молодежи в контексте социальной работы / В. Н. Ярская, Л. С. Яковлев : учеб. пособие. – Саратов : СТГУ, 2004. – URL : <http://ecsocman.hse.ru/text/19197291/>

УДК 316.62

В. Л. Примаков

профессор, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: vprim2007@yandex.ru

СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ СОВРЕМЕННОГО МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИИ

В статье анализируются теоретические основы научного изучения профилактики современного молодежного экстремизма в России. Определяются сущность, содержание, объект, предмет, субъекты профилактической работы. На основе изучения экспертных оценок и мнений формулируются основные направления, а также наиболее действенные меры по профилактике молодежного экстремизма в российском обществе.

Ключевые слова: молодежный экстремизм; социальная регуляция; противодействие экстремизму; профилактика молодежного экстремизма; основные направления и меры профилактики молодежного экстремизма.

Primakov V. L.

Advanced Doctor (Sociology), Professor, Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU;
e-mail: vprim2007@yandex.ru

ESSENCE, CONTENT AND MAIN ORIENTATIONS OF PREVENTION OF CONTEMPORARY YOUTH EXTREMISM IN RUSSIA

The article analyses theoretical basis of scientific survey of prevention of contemporary youth extremism in Russia. The author finds essence, content, object, subject-matter, actors of prevention. On the basis of studying expert estimations and opinions, the author elaborates the main orientations and the most efficient measures of youth extremism in Russian society.

Key words: youth extremism; social regulation; counteraction of extremism; prevention of youth extremism; main orientations and measures of prevention of youth extremism.

В условиях обострения серьезных внутренних и внешних угроз безопасности России, непредсказуемых социальных, политических, экономических, духовно-нравственных и иных последствий, научное изучение проблем распространения и противодействия экстремизму приобретает особо актуальное значение. Причем, если анализу опасности, причинам возникновения и условиям распространения

различных форм экстремизма посвящено достаточно много научных работ [1–3; 5; 6], то научное осмысление прикладной составляющей противодействия этому явлению остается в необоснованном дефиците. Зачастую даже терминологическая характеристика этих мер выглядит неопределенной. Действительно, в чем содержательное различие, например, «предупреждения» и «профилактики»?

Анализ научной литературы по проблеме предупреждения и профилактики экстремизма позволяет выделить более общее по отношению к ним понятие и явление – «социальная регуляция». В сущностном понимании социальная регуляция – есть социальная функция общества, реализующая актуальную потребность в упорядочении социальных отношений. Речь идет не только о регуляции девиантного поведения. Чем глубже степень девиации (по степени угрозы социальному сообществу), тем актуальнее и многограннее регуляция. В функциональном понимании социальная регуляция призвана обеспечить:

а) нормоопределение, т. е. ясное и четкое понимание нормы (а точнее – границ нормы), за которой поведение классифицируется как девиантное;

б) выявление (обнаружение) отклонения от нормы;

в) устранение или минимизацию отклонений до оптимального, либо минимально допустимого;

г) предупреждение (недопущение) проявления девиаций;

д) профилактику зарождения, формирования и проявления девиаций.

При этом подчеркнем, *во-первых*, тривиальный вывод о том, что любую девиацию легче (и не только в социальном плане) предупредить, снизить возможность осуществления, предохранить (профилактировать), чем обнаружить, классифицировать, устранить или минимизировать.

Во-вторых, понятно, что регуляция при достаточном многообразии механизмов, субъектов, регуляторов предопределена проблемой нормоопределения, нормоклассификации. Действительно, что можно считать нормой поведения среди молодежи, а что нет? Причем речь идет не только о правовой классификации действий и поступков.

В-третьих, предупреждение и профилактика экстремистских проявлений во многом обусловлены эффективностью/неэффективностью механизмов пресечения (минимизации), устранения применяемых санкций в отношении девиантов. В социологии и социальной

работе давно подмечено, что там, где неукоснительны и конкретны меры пресечения, там глубже и основательнее интернализированы нормы и ценности социально одобряемого поведения, там более эффективны внутренние ограничители для проявления экстремального поведения, снижается необходимость как в предупредительных мерах, так и в санкциях.

В-четвертых, весьма важным и необходимым на научно-теоретическом и прикладном уровнях представляется разделять механизмы и, соответственно, способы и формы предупреждения и профилактики экстремизма. В сущностном понимании, предупреждение ориентировано на недопущение (в случае возникновения и/или проявления) экстремизма. Объявление о недопустимости, недопущение осуществления, констатация ответственности, приостановление деятельности и пр. – вот основные терминологические конструкции и способы, раскрывающие сущность и содержание предупредительной работы. Что близко, но содержательно неэквивалентно профилактике. Так, например, Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» четко определяет следующие направления этой деятельности (ст. 3): «Противодействие экстремистской деятельности осуществляется по следующим основным направлениям: принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности; выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц» [4]. В таком контексте предупреждение и профилактика существенно различаются и разделяются. По выделенным направлениям профилактика и предупреждение являются составными частями противодействия. Это с одной стороны, с другой – эти два механизма очень близки и по содержанию, и по способам, приемам. При этом профилактика, направлена, в том числе, на предупреждение экстремистской деятельности.

В-пятых, профилактика в общей системе регуляции социального поведения, вообще, и противодействия экстремистской деятельности, в частности, занимает особое место и выступает в качестве основы работы, противодействующей экстремизму. Причем эта основа не прямого (непосредственные меры, запреты, ограничения и пр.),

а косвенного действия, формирующая соответствующие условия невозникновения экстремизма. Профилактика призвана предохранять от появления и развития чего-либо негативного. Не уничтожать негативное, как и его проявления, не избегать, не пресекать, а устранять, снижать влияние негативных факторов. В этом состоит важное методологическое понимание профилактики. Ибо социально негативное во многом есть следствие объективно сложившихся экстремогенных условий, причин, механизмов и связей, порождающих это явление. Уничтожить их «по желанию» невозможно. Можно только «закрывать глаза» и не видеть либо само явление, либо его социальную опасность.

На основе вышесказанного под **профилактикой экстремизма** в молодежной среде мы будем понимать деятельность по устранению, снижению влияния условий и причин, способствующих формированию и проявлению экстремизма.

Основной *целью* профилактики экстремизма в данном контексте есть смысл видеть конструирование (создание) таких экзогенных (социальных, в широком общественном смысле) и эндогенных (социально-психологических) условий, а также воздействий (прямых и косвенных) на личность молодого человека и молодежные группы, которые способствовали бы формированию у них здоровой ценностно-ориентационной основы, снижению экстремистских проявлений.

В качестве основных *субъектов* профилактической работы определяются: семья, школа (образовательная система с совокупностью педагогов, психологов, специалистов), органы государственной власти федерального и регионального уровней, органы местного самоуправления, организаторы молодежного досуга, спорта, творческого развития, общественные объединения, различные молодежные сообщества и организации, СМИ, конструкторы интернет-среды, организаторы сетевого взаимодействия (в совокупности специалистов, средств и способов).

В качестве *объекта* профилактической работы будут вступать подростки и молодежь в целом, ее различные объединения, группы, а также молодежь, находящиеся в так называемой «зоне риска» (формирующие, воспроизводящие, редуцирующие экстремальные и экстремистские формы взаимодействия).

Предметная область ограничена всей совокупностью условий и обстоятельств, которые формируют ценностно-ориентационную основу личностного поведения. Предметное содержание профилактической работы может быть описано следующей моделью (см. табл. 1).

Таблица 1

**Модель анализа содержания профилактики экстремизма
в молодежной среде**

Предмет профилактики	Объект и предметное содержание профилактической работы	
	Молодежь в целом	Молодежь из так называемой зоны риска
Экзогенные условия	Формирование условий проявления экстремальности нерадикальными социально-одобряемыми способами	Разрушение идеологических, нравственных, социальных основ экстремистского взаимодействия, экстремистского пространства; создание альтернативных, конструктивных площадок и способов реализации активности и экстремальности
Эндогенные условия	Формирование толерантной, ответственной, социально ориентированной, гражданской личности, социально-конструктивных жизненных компетенций, личностных ценностей, установок и ориентаций	Психокоррекция неконтролируемой экстремальности, экстремистских, ксенофобских настроений, установок, ориентаций

Содержательная локализация этого содержания позволяет выделить основные направления профилактической работы. При этом следует заметить, что необходимость профилактической работы отмечают не только эксперты, педагоги и практики. Сами молодые люди в основной своей массе понимают важность противодействия экстремизму в России и определяют наиболее действенные, с их точки зрения, пути противодействия экстремизму (см. рис. 1).

Так, только десятая часть опрошенных подростков и молодых людей считают, что такой угрозы не существует. Причем среди подростков этот процент значительно (более чем в два раза) выше, чем среди молодежи. Необходимость борьбы с экстремизмом подтверждают даже участники молодежных субкультур. С возрастом (взрослением), получением профессионального образования, приобретением трудового опыта растет понимание необходимости и значимости различных способов борьбы с экстремизмом.

Одним из наиболее эффективных способов, как это не странно, молодежь считает меры уголовного преследования и административно-правового запрета.

Рис. 1. Основные пути (способы) борьбы с угрозой распространения экстремизма в современной России, по мнению московской молодежи (в %) (сумма больше 100 %, так как использовался полузакрытый вопрос с возможностью выбора нескольких вариантов)

Так, уголовное преследование лиц, подстрекающих к радикальным, незаконным методам, поддерживают более половины опрошенных молодых людей (51,4 %). В области запрета – партии, объединения и движения, пропагандирующие экстремизм (41,8%), продажа и размещение в СМИ националистической, фашистской и иной литературы экстремистского толка (38,7 %), все организации и объединения радикального толка (28,0 %). Даже контроль за деятельностью СМИ поддерживается почти четвертью опрошенных молодых людей.

Опрос экспертов позволил более системно, целостно и упорядоченно определить **основные направления** (пути, комплексы, по

выражению самих экспертов) *профилактической работы по противодействию молодежному экстремизму*. Представим их в некотором упорядоченном списке, ранжированном экспертами.

1. Эффективная государственная политика на федеральном, региональном и муниципальном уровнях в реализации социально ориентированных целей и задач, в том числе молодежная политика; усиление внимания и реализация действенных мер по соблюдению законности, правопорядка и повышению ответственности за его нарушение.

2. Совершенствование гражданского общества, его институтов в интересах формирования и совершенствования свободной, толерантной среды взаимодействия, социальной солидарности, условий для самореализации молодежи.

3. Нормативно-правовое обеспечение системы профилактики молодежного экстремизма и ксенофобии; совершенствование нормотворческой и правоприменительной практики как предупредительной основы профилактической работы.

4. Духовно-нравственное воспитание, формирование и развитие гражданственности, правового сознания, патриотизма и мультикультурализма, укрепления этнокультурных и межрелигиозных отношений.

5. Повышение эффективности социализирующей роли семьи, семейного воспитания.

6. Коренная содержательная и организационная перестройка деятельности школы (образования, в широком смысле) в интересах профилактической работы.

7. Создание системы альтернативных полей и практик для широкого социального взаимодействия молодежи (как реального, так и виртуального), реализации ее потенциала, в том числе в области досуга, спорта и отдыха.

8. Коренное содержательное изменение информационного, пропагандистского профилактического воздействия на молодежь и подростков в интересах воспитания нравственно здоровой личности.

9. Аналитическое и методическое обеспечение профилактической работы в интересах предупреждения экстремизма и ксенофобии в подростково-молодежной среде.

Основное содержание направлений (путей) профилактической работы по предупреждению молодежного экстремизма, решаемых в их рамках задач и наиболее действенных мер и способов, сформулированных на основе оценок различных экспертных опросов, можно представить в форме следующей таблицы (см. табл. 2).

Основные направления (пути), наиболее действенные меры и способы профилактики молодежного экстремизма

Основные направления	Задачи, наиболее действенные меры и способы, рекомендуемые к осуществлению в рамках этих направлений
Эффективная государственная политика в области создания условий для эффективной профилактики экстремизма	<ul style="list-style-type: none"> • проведение более социально ориентированной, социально справедливой политики, в том числе молодежной политики • создание условий, направленных на повышение жизненных шансов молодежи в образовании, трудоустройстве, обеспечении жильем; поддержку молодежи, находящейся в трудной жизненной ситуации • инициирование, организация, проведение и обеспечение системы социально-психологической «диспансеризации» детей, подростков и молодежи • оценка эффективности и внесение корректур в реализацию Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2011–2015 гг.» • подготовка кадров, в том числе специальных, для организации детского и молодежного движения, обладающих компетенциями профилактической работы; • обеспечение координации действий государственных органов и общественных объединений по реализации программ и проектов для детей и молодежи • совершенствование механизмов государственной поддержки детских и молодежных общественных объединений и др.
Совершенствование гражданского общества	<ul style="list-style-type: none"> • расширение прав и свобод в обществе, форм самоорганизации и самоуправления, в том числе в молодежной среде • утверждение в деятельности всех элементов и структур гражданского общества правового сознания и практик, мультикультуры и толерантности между его субъектами, обществом и государством • создание условий для реального включения молодежи в управление обществом на всех его уровнях, различных организаций и сообществ • совершенствование связи структур гражданского общества и религиозных организаций различных конфессий для обеспечения межрелигиозного мира, толерантности и др.
Нормативно-правовое обеспечение профилактики экстремизма	<ul style="list-style-type: none"> • усиление мер, направленных на соблюдение правопорядка и повышение ответственности за его нарушение • усиление контроля за соблюдением законности в деятельности правоохранительных органов • доработка действующего антиэкстремистского законодательства с учетом возникающих понятийных и правоприменительных коллизий • развитие ювенальной юстиции и ювенального права, создание современного правового поля жизнедеятельности детей и молодежи • совершенствование работы органов по делам несовершеннолетних, главным образом в организации контроля и профилактики правонарушений детей «группы риска», находящихся на профилактическом учете, подростковых и молодежных организаций и др.

<p>Духовно-нравственное воспитание подростков и молодежи</p>	<ul style="list-style-type: none"> • повсеместное создание условий формирования толерантности, терпимости, доброты и взаимопонимания в обществе • разработка и внедрение в общественном сознании и широкой социальной практике новой ценностной модели личности молодого человека, основанной на толерантности, культуре мира, патриотизме, гражданской ответственности • расширение возможностей, например, путем создания фондов, для поощрения деятельности учреждений и организаций в области культуры и искусства по формированию патриотизма, гражданственности и гуманности среди молодежи • поддержка значимости и развитие ценностно-ориентационной культуры жизни, производства, быта, досуга и пр., востребованности постоянной личностной рефлексии, осознания собственного «Я» у молодых людей и окружающего социума • утверждение на всех уровнях власти, общественных отношений принципов уважения и дружбы народов, веротерпимости, недопустимости унижения на основе национальных, конфессиональных и иных социальных различий • повышение роли и авторитета религии в широкой социальной практике, в формировании нравственных качеств и свойств личности подростков и молодежи и др.
<p>Повышение эффективности социализирующей роли семьи</p>	<ul style="list-style-type: none"> • создание системы обучения родителей воспитательным компетенциям, эффективной социализации ребенка с учетом возрастных и иных личностных особенностей • создание действенной психолого-педагогической помощи родителям в воспитании детей, их психологической и ориентационной диагностике, разрешении семейных и воспитательных конфликтов, профилактике экстремальности и экстремизма • создание системы оперативного контроля со стороны семьи за образовательным, свободным и иным времяпровождением ребенка • оказание действенной материальной, организационной, социально-психологической помощи семьям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации • активное привлечение родителей к формированию и обеспечению образовательной стратегии и траектории ребенка • активное участие родителей в учебно-воспитательном процессе, в творческом развитии детей в рамках школы • повышение ответственности родителей, как административной, так и нравственной, за совершаемые их детьми неблагоприятные и асоциальные проступки • рациональное сокращение свободного, неконтролируемого пространства социализации детей и подростков и др.
<p>Совершенствование форм, механизмов, повышение роли образования в профилактике молодежного экстремизма</p>	<ul style="list-style-type: none"> • совершенствование содержания образования, доработка и обновление системы государственных стандартов, особенно по историческим и обществоведческим предметам • формирование, прежде всего, у педагогов безусловного отрицания насилия как ценности и как средства решения проблем, толерантности и уважения к личности ученика • глубокое и всесторонне изучение других национальных и конфессиональных культур, выработка компетенций широких взаимных контактов и взаимодействий

	<ul style="list-style-type: none"> • введение в средней и высшей школе элективных курсов, направленных на изучение культур, религий мира и России, формирование толерантно-уважительного отношения к ним • создание оперативной системы контроля (административного, педагогического, визуального, виртуального и пр.) за образовательным процессом, всем образовательным пространством учебно-образовательного учреждения • совершенствование практики (организации, форм, содержания и пр.) и повышение эффективности классной и внеклассной работы с целью формирования толерантного сознания, уважения к иным культурам, компетенций мультикультурного общения (встречи, фестивали, круглые столы, культурно-массовые мероприятия и пр.) • внедрение новых информационно-образовательных технологий, обеспечивающих тесный контакт учителя, семьи и ученика в образовательно-воспитательном процессе • коренное изменение воспитательной системы школы, включая систему мер, оценку эффективности, организацию, привлечение дополнительных субъектов (в том числе узких специалистов) и пр., с ориентацией на профилактические меры воздействия • развитие служб психологической помощи детям и подросткам в решении проблем социализации, взаимоотношений со сверстниками, родителями, в реализации программ развития личностных ресурсов • разработка системы психокоррекционной работы в образовательных учреждениях, направленной на профилактику ненормативной агрессии, экстремистских форм проявления активности и экстремальности • совершенствование профессионально-ориентационной работы, профессионально-личностной диагностики, помощи в выборе образовательной и профессиональной траектории развития ребенка и др.
<p>Создание альтернативных полей и практик для самореализации и развития молодежи</p>	<ul style="list-style-type: none"> • предупредительно-опережающее формирование и развитие позитивных молодежных субкультур, движений, групп • развитие деятельности и обеспечение доступности учреждений и организаций дополнительного образования детей и подростков (центры, дома, клубы, школы и пр.), ориентированных на творческое, спортивное, общеобразовательное развитие • развитие практической деятельности молодежных советов при органах власти, обеспечение их включения в реальные процессы общественного управления • поддержка массовых мероприятий, конкурсов, игр в области культуры и искусства, ориентированных на выявление и реализацию творческой молодежи • расширение базы, механизмов и форм включения молодых людей в экстремальные виды спорта (организации, соревнования, лагеря, слеты, фестивали и пр.) • институционализация различных молодежных движений и сообществ через их привлечение к организованным и социально-контролируемым формам реализации молодежной активности

	<ul style="list-style-type: none"> • организация и проведение фестивалей различных молодежных субкультур (творческих, музыкальных, культурных, спортивных и иных) • активная работа с лидерами неформальных субкультур. Например, организация конкурса (движения) «Неформальные (новые) лидеры России», направленного на выявление, обучение и включение в общественно продуктивную деятельность лидеров неформальных молодежных объединений, групп, движений • создание системы организаций и учреждений психолого-педагогической реабилитации детей и подростков (телефоны доверия, центры, приюты, убежища и пр.) • создание «уличных» служб психолого-профилактической работы с неорганизованной молодежью уличных групп и компаний • развитие районного и дворового спорта, соревнований, строительство спортивных комплексов и площадок, в том числе для занятий экстремальными видами спорта, вовлечение подростков и молодежи в повсеместное занятие спортом • создание и организация действенной работы студенческих центров, клубов, организаций досуговой направленности в учреждениях среднего и высшего образования • развитие и поддержка волонтерского движения, форм и способов благотворительной работы с участием молодежи и др.
Информационно-пропагандистское сопровождение профилактики экстремизма	<ul style="list-style-type: none"> • расширение госзаказа в СМИ для антиэкстремистской пропаганды среди молодежи • налаживание действенного и эффективного контроля за распространением интернет-сайтов экстремистской направленности, различного экстремистского контента • учреждение молодежных СМИ (телеканал, радио, журналы, газеты), пропагандирующих толерантность, гражданственность, патриотизм, здоровый образ жизни, успешность в среде молодежи • разработка и поддержка сайтов различной тематической направленности, противостоящих нетерпимости, ксенофобии, экстремизму, национализму и шовинизму • широкое информационно-пропагандистское сопровождение обоснованных запретительных и репрессивных мер со стороны правоохранительных органов, органов по работе с молодежью против экстремистски настроенных групп и конкретных лиц • повсеместная историко-патриотическая информационная, разъяснительная работа в СМИ с акцентом на военно-патриотическое и духовно-нравственное воспитание • обеспечение широкой информационной поддержки проектов и инициатив молодежных объединений • четкое взаимодействие всех СМИ для создания искусственно контролируемого контрпропагандистского информационного пространства, где экстремизм бы стал предметом широкой дискуссии, в том числе с участием молодежи и подростков • использование мер по разложению и обоснованной дискредитации в глазах общественности и молодежи экстремистских групп и их лидеров и др.

Аналитическое и методическое обеспечение профилактической работы	<ul style="list-style-type: none"> организация и обеспечение постоянного мониторинга, направленного на изучение проблем и социального самочувствия детей, подростков и молодежи, девиаций в молодежной среде, деятельности молодежных субкультур
	<ul style="list-style-type: none"> внедрение и расширение системы грантов, ориентированных на профилактику экстремистской активности в среде молодежи
	<ul style="list-style-type: none"> формирование научного сообщества и организация различных научно-методических площадок исследователей, ученых, педагогов, практиков и прикладников, занимающихся изучением и организацией профилактической работы
	<ul style="list-style-type: none"> создание тематического интернет-ресурса для практиков-прикладников, посвященного проблемам профилактики экстремистского поведения
	<ul style="list-style-type: none"> создание системы научно-исследовательских и прикладных лабораторий в вузах, органах муниципального управления, центрах и объединениях по работе с молодежью экспериментальных площадок для апробации и развития инновационных форм профилактики молодежного экстремизма
	<ul style="list-style-type: none"> систематическое вооружение педагогов и практиков методической литературой по причинам, условиям и факторам молодежного экстремизма, эффективным способам его профилактики
	<ul style="list-style-type: none"> организация системы обучения (тренингов) педагогов и прикладников, направленной на формирование у них компетенций организации и осуществления профилактической работы (классы, семинары, конференции, круглые столы и пр.) и др.

Однако даже подобный список мер и способов вряд ли можно назвать исчерпывающим, ибо профилактика молодежного экстремизма есть явление системное и очень сложное. В целом можно констатировать, что в теории и практике профилактической работы сложилось понимание основных путей и мер по предупреждению экстремизма в подростково-молодежной среде. Эта работа должна носить комплексный, разносторонний, многоуровневый характер. А конкретные формы – учитывать специфику сфер воздействия, субъектно-объектных отношений, используемых приемов и способов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Давыдов Д.Г.* Причины молодежного экстремизма и его профилактика в образовательной среде. – URL: http://www.muh.ru/content/doc/2013/2013_02_Davydov.pdf
2. *Половнев А.В.* Дестабилизирующие этноконфессиональные факторы социально-политической ситуации в России // Геополитика. Глобализация. Международные отношения. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2011. – С. 139–149. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 25 (631). Сер. Политические науки).

3. *Примаков В. Л., Образцов И. В., Маткаримова Г. В.* Этноконфессиональная напряженность в РФ: опыт социологического изучения и анализа : монография ; под ред. В. Л. Примакова. – М. : ФБГОУ ВПО МГЛУ, 2014. – 118 с.
4. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». – URL: <http://www.rg.ru/2002/07/30/extremizm-dok.html>
5. *Чупров В. И., Зубок Ю. А.* Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. – М. : Academia, 2009. – 320 с.
6. Этноконфессиональные факторы укрепления единства России и расширения межкультурного диалога на пространстве СНГ : монография / А. Я. Касюк и др. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – 192 с.

УДК. 316.4

А. В. Третьяков, А. В. Половнёв

Третьяков А. В., научный сотрудник Научно-исследовательского центра (социологического) ВС РФ; e-mail: alex_socium89@mail.ru

Половнёв А. В., доцент, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: polovnev_av@mail.ru

ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ГРАЖДАН В ПУНКТАХ ОТБОРА НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ПО КОНТРАКТУ

На современном этапе строительства и развития Вооруженных Сил Российской Федерации важнейшим направлением деятельности является совершенствование системы комплектования армии рядовым и сержантским составом по контракту. Для того чтобы процесс набора на военную службу по контракту сделать более качественным и эффективным, необходимо всестороннее изучить условия по привлечению граждан к прохождению военной службы по контракту, и здесь наиболее важно получить информацию о количественно-качественных характеристиках данного процесса с помощью социологических методов.

Ключевые слова: военно-профессиональная ориентация; военная служба по контракту; средства массовой коммуникации; Вооруженные Силы Российской Федерации.

Tretyakov A. V.

Researcher Research Centre (Sociological) of the Armed Forces of the Russian Federation; e-mail: alex_socium89@mail.ru

Polovnev A. V.

Ph.D. (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU;
e-mail: polovnev_av@mail.ru

MILITARY-PROFESSIONAL ORIENTATION OF CITIZENS AT POINTS OF SELECTION FOR MILITARY SERVICE UNDER THE CONTRACT

At the present stage of the Russian Federation Armed Forces' development, the most important activity is to improve army recruitment system of privates and sergeants serving under the contract. In order to make the process of conscription under the contract better and more effective, a comprehensive study of conditions to attract citizens to military service under the contract is necessary. The most important information to obtain is information about quantitative and qualitative characteristics of the process using sociological methods.

Key words: military-vocational orientation; military service under the contract; mass-media; the Armed Forces of the Russian Federation.

На современном этапе развития Вооруженных Сил РФ актуальным направлением остается совершенствование системы комплектования российской армии рядовым и сержантским составом. В соответствии с поручением Президента РФ численность солдат, матросов, сержантов и старшин, проходящих военную службу по контракту, к 1 января 2017 г. должна увеличиться и составить 425 тыс. человек (из общей численности 1 млн чел.) [4]. Для того чтобы процесс набора на военную службу по контракту сделать более качественным и эффективным, требуется анализ проводимых профориентационных мероприятий, а также социального состава потенциальных добровольцев. Особую роль в процессе совершенствования военно-профессиональной ориентации и развития гражданско-военных отношений играют социологические исследования, проводимые в том числе среди потенциальных кандидатов на должности военнослужащих по контракту [5; 6].

Ведущую роль в социологическом обеспечении управленческой деятельности в российской армии долгие годы играет Научно-исследовательский центр (социологический) Вооруженных Сил РФ, основанный в конце 1980-х гг. [3]. В интересах повышения эффективности профориентационной деятельности НИЦ на регулярной основе осуществляет мониторинг отношения российских граждан к службе в ВС РФ на контрактной основе. В данной статье представлены результаты опроса респондентов ($n = 1690$), посетивших пункты отбора на военную службу по контракту, организованных в большинстве субъектов РФ в 2014–2015 гг. Среди опрошенных в звании рядового (матроса) 61 % (в 2014 г. – 57 %), сержанта (старшины) – 30 % (в 2014 г. – 36 %), прапорщика (мичмана) – 9% (в 2014 г. – 7 %).

Социальный состав граждан, принявших участие в опросе, показывает, что интерес к военной службе по контракту на рядовых и сержантских должностях проявляют преимущественно выходцы из рабочих семей с невысоким уровнем образования. Более половины из них (около 60 %) росли в семье рабочих; около 12 % выходцы из семей служащих бюджетной сферы; 10 % из фермерских или крестьянских семей; 8 % из государственных служащих; 7 % из семей военнослужащих; 4 % из семей служащих на частных предприятиях. Высшее образование имеет только каждый пятый опрошенный (21 %), среднее профессиональное образование – 29 % добровольцев,

почти у половины респондентов (46 %) только школьное и начально-профессиональное образование (ПТУ). Среди потенциальных добровольцев каждый второй (53 %) холост и 59 % не имеют детей.

Проведенный в 2015 г. опрос в пунктах отбора на военную службу по контракту показал, что большую часть потенциальных добровольцев (86 %) устраивают условия для заключения контракта о прохождении военной службы. Только 10 % опрошенных эти условия устраивают лишь частично, а разочаровавшихся в них – 2 % ответивших. По сравнению с аналогичным опросом, проведенным в 2014 г., доля потенциальных кандидатов, которых привлекают условия для заключения контракта о прохождении военной службы, в 2015 г. увеличилась на 22 % (см. рис. 1). Рост позитивного отношения к заключению контракта о прохождении военной службы связан скорее всего с ухудшением ситуации в российской экономике и возникающими на этом фоне трудностями на рынке труда (сокращение персонала, уменьшение заработной платы и т. д.), а также ростом уровня поддержки российской армии со стороны гражданского общества, повышением престижа военной службы и улучшением имиджа Вооруженных Сил Российской Федерации [1; 2].

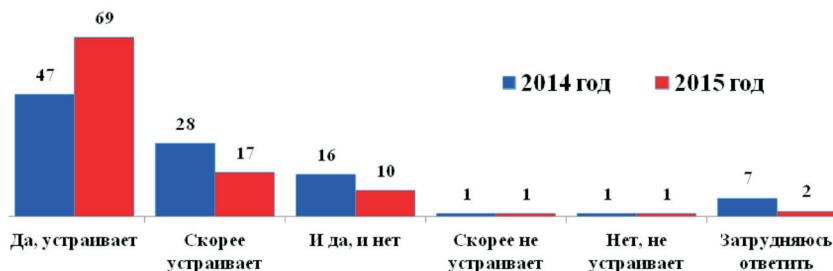

Рис. 1. Отношение к условиям для заключения контракта о прохождении военной службы (в %)

Большинство участников опроса отмечали, что выбор в пользу военной службы по контракту как основной профессии является очень ответственным решением, так как принимается на длительную жизненную перспективу и в дальнейшем может определить не только их судьбу, но и будущее членов их семьи. Только тщательно обдумав и оценив условия, способствующие удовлетворению всех сфер и интересов, потенциальные военнослужащие по контракту выбирают военную профессию.

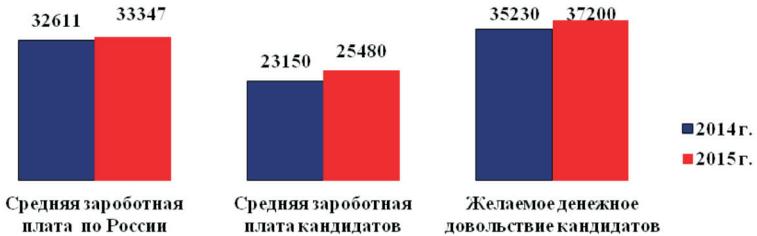

Рис. 2. Среднемесячная заработная плата по РФ и желаемая при заключении контракта (в тыс. руб.)

Граждане, заинтересованные в подписании контракта на военную службу и пришедшие на пункты отбора, в большинстве своем уже имели опыт трудовой деятельности с заработной платой ниже средней по стране. Так, 66 % (в 2014 г. – 64 %) опрошиваемых работают или работали в различных сферах со средней заработной платой чуть более 25 тыс. руб. (см. рис. 2). Средняя заработная плата по России, по данным Росстата, при этом составляла в 2015 г. более 33 тыс. руб.

Стремление к повышению уровня заработной платы является существенным мотивом для выбора военной службы по контракту. По мнению опрошенных, они готовы сделать выбор в пользу военной службы по контракту, если величина их среднего ежемесячного денежного довольствия будет составлять в среднем около 37 тыс. руб., т. е. чуть выше средней заработной платы по стране.

Большинство потенциальных кандидатов, интересующихся военной службой по контракту, считает, что по состоянию здоровья, психологически и физически они полностью готовы к военной службе. Вместе с тем, по сравнению с 2014 г. субъективная оценка готовности к военной службе стала более критичной, а полную готовность по уровню военной подготовки отметил только каждый второй опрошенный (51 %) (см. рис. 3).

Очевидно, посетители пунктов профессионального отбора понимают, что на «гражданке» и без профессиональной подготовки их квалификация как военных специалистов постепенно утрачивается.

Важную роль в военно-профессиональной ориентации граждан на военную службу по контракту играет система информирования о ней. Более половины опрошиваемых (54 %) получают информацию об условиях прохождения военной службы на пунктах отбора.

Рис. 3. Оценка субъективной готовности потенциальных добровольцев к службе в ВС РФ, %

Каждый второй использует для этих целей Интернет, еще около половины опрошенных (48 %) получают необходимую информацию в ходе общения с друзьями. Существенная часть опрошенных черпает информацию о военной службе и событиях в ВС РФ из телепередач (46 %), газет и журналов (40 %) (см. рис. 4).

Важным источником информации для потенциальных кандидатов является официальный сайт Министерства обороны РФ. Например, каждый четвертый (25 %) достаточно часто посещает его, почти каждый третий (32 %) делает это иногда, еще 21 % просматривают его редко, и только 22 % вообще к нему не обращаются. Из числа тех, кто посещает официальный сайт Министерства обороны РФ, больше половины (53 %) оценивают качество контента сайта на «отлично» или «хорошо», 21 % – «удовлетворительно», и 2 % высказали неудовлетворенность объемом и качеством предоставленной на сайте информации.

Мероприятия по военно-профессиональной ориентации, организуемые Министерством обороны РФ, пользуются у большинства опрошенных высоким уровнем доверия (см. рис. 5).

Развернутые в субъектах РФ мобильные пункты отбора на военную службу по контракту позволяют любому гражданину получить более достоверную информацию о Вооруженных Силах и порядке прохождения военной службы по контракту.

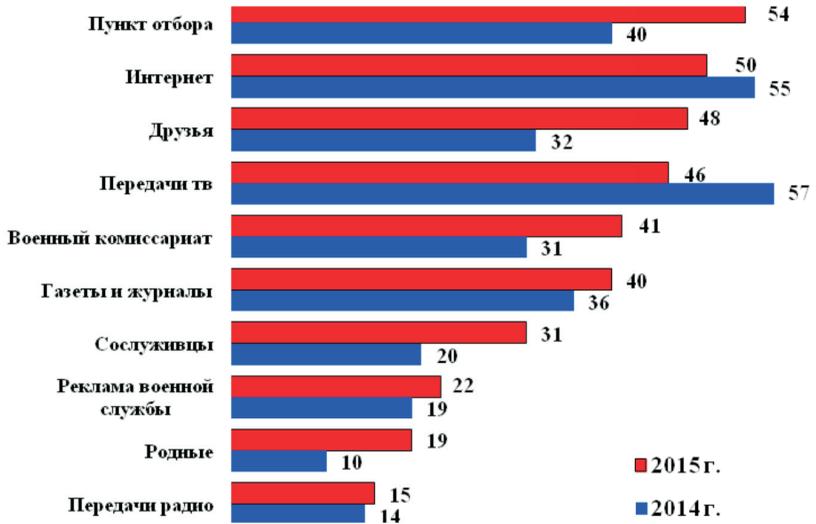

Рис. 4. Основные источники получения информации о военной службе по контракту и событиях в ВС РФ (в %)¹

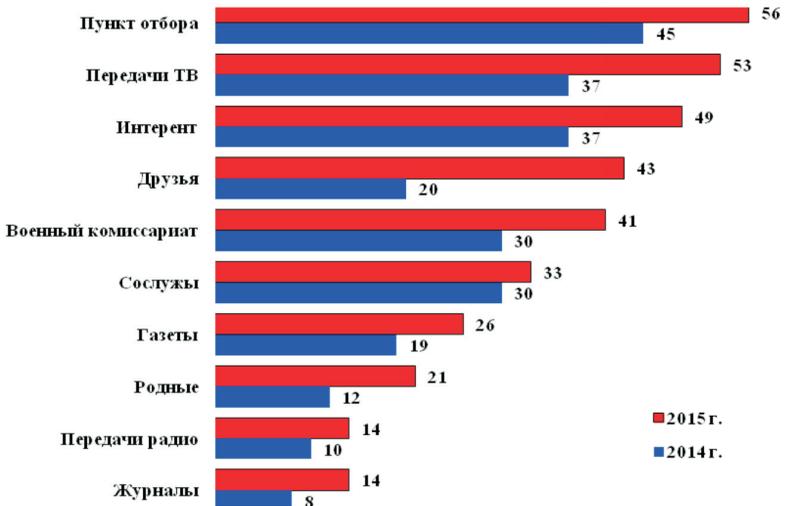

Рис. 5. Уровень доверия потенциальных добровольцев к различным источникам информации о Вооруженных Силах (в %)²

^{1,2}Сумма ответов превышает 100 %, так как можно было выбрать несколько вариантов ответов.

В ходе опроса выяснилось, что больше всего кандидаты на военную службу по контракту доверяют информации об армии, которую они получили на пунктах отбора – 56 %, в то время как уровень доверия к информации из телевизионных передач составил 53 %, из Интернета – 49 %, в военных комиссариатах – 41 %. Вместе с тем, более 40 % граждан не высказали доверия к перечисленным источникам информации, что говорит о необходимости дальнейшего совершенствования мероприятий по военно-профессиональной ориентации граждан на военную службу по контракту, в том числе через современные масс-медиа.

Таким образом, масштабные мероприятия по техническому оснащению и перевооружению армии и флота на современные образцы вооружения и военной техники, требуют дополнительного привлечения специалистов на военную службу по контракту.

Несмотря на высокую роль средств массовой коммуникации в информировании граждан, важное значение в системе военно-профессиональной ориентации сегодня по-прежнему имеют пункты отбора на военную службу по контракту. Проводимые ими мероприятия позволяют не только привлечь дополнительный контингент для прохождения военной службы по контракту, но и получить дополнительную информацию о мотивах, степени готовности и социальном составе кандидатов на военную службу по контракту. Данная информация, полученная с использованием социологических методов, позволяет лучше понять контингент, ориентирующийся на военную службу в современной российской армии, что способствует в свою очередь повышению эффективности разработки мероприятий по военно-профессиональной ориентации граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аналитика экспертов ВЦИОМ. Уровень поддержки россиянами армии РФ. – URL: <http://wciom.ru/index.php?id=238&uid=115298>
2. Новик В. К., Передня Д. Г. Имидж современной российской армии глазами молодежи // Социологические исследования. – 2006. – № 11. – С. 101–107.
3. Образцов И. В. Процесс институционализации военной социологии в России // Социологические исследования. – 2014. – № 7 (363). – С. 134–145.
4. Певень Л. В., Степанова Е. Е. Проблемы комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации военнослужащими, проходящими военную службу по контракту на должностях солдат, матросов,

- сержантов и старшин // Военный академический журнал. – 2010. – № 2. – С. 126–133.
5. *Половнёв А. В.* Военно-профессиональная ориентация молодых офицеров ВС РФ и ее формирование в современных условиях: дис. ... канд. социол. наук. – М., 2005. – 260 с.
  6. *Шаева О. Н.* Анализ гражданско-военных отношений в условиях общественных трансформации // Актуальные проблемы Международных отношений. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. – С. 232–243. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 2(662). Исторические и политические науки).

УДК 316.4

О. Н. Шаева

кандидат социологических наук, ст. преподаватель кафедры социологии ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: o.shaeva@mail.ru

МЕТОДЫ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

В статье рассмотрены программы и проекты по профилактике экстремизма в молодежной среде в различных странах, определены основные направления профилактики, раскрыты методы и формы деятельности в их рамках. Выделены общие особенности рассмотренных программ: комплексный подход, вовлечение значительного количества разнообразных субъектов, активность органов местного самоуправления, сообществ жителей и негосударственных организаций в реализации программ.

Ключевые слова: профилактика экстремизма; молодежь; этноконфессиональные отношения.

Shaeva O. N.

Ph. D. (Sociology), Senior Lecturer, Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU; e-mail: o.shaeva@mail.ru

APPROACHES TO PREVENTION OF YOUTH EXTREMISM: A CROSS-NATIONAL OVERVIEW

The article examines various projects designed to prevent violent extremism among youth and explores approaches and methods they are based on. The analyzed projects have the following common features: comprehensive strategy for prevention of extremism, variety of parties involved in the projects, active role of local authorities, communities and NGOs in project implementation.

Key words: prevention of extremism; youth; ethnic and inter-confessional relations.

Проблема экстремизма в молодежной среде является актуальной для различных стран мира, что обуславливает необходимость в его профилактике. Это позволит не только снизить частоту проявлений экстремизма в молодежной среде, но и будет способствовать гармонизации этноконфессиональных отношений в стране в целом. Анализ зарубежного опыта показывает наличие разнообразных направлений снижения уровня этноконфессиональной напряженности в обществе [1]. В данной статье рассмотрены программы, проекты и инициативы

различных стран, направленные на профилактику проявлений экстремизма в молодежной среде. Они обладают как сходствами, так и собственной качественной спецификой. Последняя обусловлена своеобразием причин, условий и форм проявления экстремизма в молодежной среде в различных странах.

Нами были проанализированы программы и проекты по профилактике экстремизма в молодежной среде в различных странах:

– Австралии («Культурная гармония. Следующее десятилетие 2002–2012» / «Cultural Harmony. The Next Decade 2002–2012») [4];

– Австрии (форум по вопросам ислама, организованный исламским сообществом Австрии и Министерством внутренних дел Австрии) [4, с. 73];

– Бельгии (проект «Безопасность сообществ и предотвращение радикализации» / «Community Policing and the Prevention of Radicalization (COPRA) Project») [4, с. 108];

– Великобритании (Стратегия «Предотвращение» / «Prevent Strategy», включающая 48 программ и проектов, проекты организаций «Rewind», «Soft Touch» и др.) [10; 12];

– Венгрии (проекты «Неделя гражданского участия» / «A Week of Civic Participation» и др.) [8];

– Германии (проекты «Жизнь» / «Hayat», «Team meX», «Изучать демократию и жить в демократии» / «Demokratie lernen & leben», «Пересечение множеств» / «Schnittmengen» и др.) [14];

– Нидерландов (проекты «Мы – амстердамцы» / «Wij Amsterdammers», «Присоединяйся или останься позади» / «Meedoen of achterblijven», Национальный план действий против расизма и др.) [7];

– Дании (план действий «Общее безопасное будущее», включающий 40 проектов, проекты «Мы-копенгагенцы» / «We Copenhageners (VI'KBH'R')», «Покажи расизму красную карточку» / «Show Racism the Red Card» и др.) [2];

– Испании (инициативы института «Открытое общество») [11, с. 59–60];

– Канаде (проекты Центра «За безопасные школы и сообщества» Университета Долины Фрейзер / «University of the Fraser Valley Center for Safe Schools and Communities», Национальный план действий против расизма и др.) [15];

– Норвегии (кампания «Остановите насилие» / «Stop the violence», «Молодежный проект церкви» / «the Church Youth Project» и др.) [3];

- Сомали (инициативные проекты женских сообществ и организаций) [13];
- США (проект «Бостонское чудо» / «Boston Miracle», инициатива «Безопасные школы / здоровые ученики» / «the Safe Schools / Healthy Students Initiative» и др.) [6; 16];
- Турции (молодежные проекты Национальной полиции Турции) [11, с. 139–140];
- Швеции (социальные проекты молодежного центра «Fryshuset») [11, с. 158];
- Франции (Национальная система предупреждения терроризма / «The Plan Vigipirate» и др.) [9; 11, с. 113–114];
- Швейцарии (проект социальных работников школ «Программы профилактики и вмешательства в группах сверстников» / «Peergruppenorientierte Präventions- und Interventionsangebote der Jugendhilfe in der Schule») [5] и др.

Обобщая разнообразный зарубежный опыт, можно выделить два основных направления профилактики экстремизма в молодежной среде:

- снижение влияния внешних причин и условий проявления экстремизма в молодежной среде;
- воздействие на внутренние (по отношению к «носителям» экстремизма – молодежи) причины и условия проявления экстремизма в молодежной среде.

Первое направление объединяет в себе формы деятельности, направленные на формирование социального окружения молодежи, способствующего устойчивости молодых людей к экстремизму, противостоящего его распространению в молодежной среде. Данные цели достигаются, во-первых, путем разрешения проблем в социальных взаимодействиях различных групп, служащих основанием для развития экстремизма в молодежной среде. В рамках зарубежных программ профилактики экстремизма среди подобных проблем в качестве наиболее значимых выделяются, прежде всего, конфликтные взаимоотношения и социальная напряженность между группами «с различной культурной принадлежностью» (cultural backgrounds), например, этническим или религиозным меньшинством и большинством. Гармонизация взаимоотношений подобных групп в мультикультурном обществе рассматривается как необходимое условие профилактики экстремизма в молодежной среде и подразумевает

формирование и укрепление социальных связей между подобными группами, интеграцию закрытых, обособленных этнических и религиозных групп (прежде всего мигрантов) в общество, поддержку принятия данными группами основ общей культуры, формирование у других граждан реалистичного, не стереотипного представления о подобных группах. Указанные задачи могут реализовываться с использованием следующих методов и форм деятельности.

1. Борьба с дискриминацией и нарушениями прав представителей различных этнических и религиозных групп. Конкретными методами выступают создание механизмов получения ими информации о своих правах и их защите, повышение контроля над взаимоотношениями полиции и представителей различных этнических и религиозных групп, привлечение последних к службе в полиции и т. д.

2. Расширение возможностей получения образования и трудоустройства представителей различных религиозных и этнических групп, прежде всего молодежи. Наиболее значимым методом является создание образовательных программ в целях обучения их государственному языку, получения профессиональной подготовки. Важно отметить, что в рамках подобных образовательных программ важным элементом является привитие молодежи из различных этнических и религиозных групп ключевых ценностей и норм общества, понимания прав и обязанностей его гражданина.

3. Обеспечение коммуникации органов государственной власти, представителей групп мигрантов, различных этнических, религиозных и других групп, экспертов, общественных организаций. Одним из методов реализации данной задачи выступает организация непосредственного взаимодействия и диалога перечисленных субъектов в рамках форумов, встреч, конференций, организуемых для обсуждения вопросов идентичности и ценностей различных групп, их интеграции в общество, взаимоотношений с государством и т. д. в целях разработки рекомендаций по решению проблем межкультурного взаимодействия. Другой целью подобных мероприятий может быть формирование доверия между субъектами, осуществляющими профилактику экстремизма, и этническими и религиозными группами, вовлечения представителей последних в профилактическую деятельность. Другим методом может выступать исследовательская деятельность, направленная на выявление социально-демографического состава и географического распределения различных этнических и религиозных

групп и сообществ, их социального положения и образа жизни, проблем, с которыми они сталкиваются.

Во-вторых, формирование социальной среды, способствующей устойчивости молодых людей к экстремизму, подразумевает развитие у субъектов в ближайшем социальном окружении молодежи навыков, необходимых для распознавания признаков потенциального или реального вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность и противодействия ему, а также формирования общекультурных компетенций молодежи. Данная задача реализуется в рамках различных форм и методов деятельности.

4. Специальная подготовка сотрудников учреждений, непосредственно работающих с молодежью – исправительных учреждений для несовершеннолетних, средних и высших учебных заведений, социальных служб, полиции, религиозных организаций и т. д. Данная подготовка направлена на формирование у сотрудников понимания условий и причин вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность, признаков и этапов данного процесса, освоение методик профилактики и противодействия распространению экстремизма в молодежной среде, а также понимания необходимых молодежи общекультурных компетенций и способов их включения в образовательный и воспитательный процесс. Конкретными формами деятельности в данном направлении могут выступать проведение разъяснительной работы, организация тренингов и курсов повышения квалификации, подготовка методических пособий, создание профессиональных сетей для обмена опытом по профилактике и противодействию экстремизму в молодежной среде и т. д.

5. Работа с родителями (или опекунами) молодых людей, для которых существует вероятность вовлечения в экстремистскую деятельность, направленная на информирование родителей о причинах и факторах экстремизма в молодежной среде, его основных проявлениях, развитие у родителей понимания ответственности за профилактику вовлечения их детей в экстремистскую деятельность, а также формирование необходимых для этого навыков. Конкретными формами деятельности выступают индивидуальное консультирование и психологическое сопровождение родителей, проведение встреч (форумов, дискуссий) для обмена опытом, подготовка информационных материалов и методических пособий для родителей, организация специальных курсов и тренингов для формирования у родителей необходимых

практических навыков взаимодействия с детьми. Специальная подготовка родителей может сочетаться с законодательным закреплением их ответственности за правонарушения детей (например в некоторых районах Великобритании).

Отметим, что ряд программ по профилактике экстремизма в молодежной среде подразумевают также развитие сотрудничества между основными субъектами в социальном окружении молодежи (родителями, образовательными учреждениями, социальными службами и полицией) для осуществления совместной деятельности по профилактике вовлечения молодых людей в экстремистскую деятельность. Формой такой деятельности может выступать вовлечение родителей в работу школ и других образовательных учреждений, обмен информацией между полицией, социальными службами и образовательными учреждениями для выявления молодых людей, для которых существует вероятность вовлечения в экстремистскую деятельность, на основе других форм отклоняющегося поведения: употребления наркотиков, воровства и т. д.

6. Создание системы информационной поддержки и консультирования субъектов в социальном окружении молодежи по вопросам экстремизма в молодежной среде и его профилактики. Конкретной формой работы при этом выступает организация многофункциональных центров, оказывающих консультационные услуги местным властям, общественным организациям и сообществам местных жителей, а также представителей образовательных и профориентационных услуг молодежи, выступающих базами для проведения мероприятий (например, дискуссий, выступлений), направленных на профилактику экстремизма в молодежной среде. Другой формой деятельности является подготовка и распространение материалов (книг, брошюр, руководств, документальных фильмов, интернет-ресурсов), раскрывающих различные проявления экстремизма и описывающих возможные пути его профилактики, личный опыт молодых людей, ранее вовлеченных в экстремистскую деятельность, результаты исследований по вопросам экстремизма в молодежной среде, основные положения законодательства об экстремистской деятельности. Данные материалы предназначены для широкого круга лиц – для использования в образовательных учреждениях, общественных и религиозных организациях, для информирования родителей и т. д.

Отметим, что характерной чертой данного направления профилактики является ориентированность предпринимаемых мер на конкретные группы молодежи, в силу различных причин (в связи с актуальными в конкретной стране проблемами молодежи) наиболее «восприимчивых» к экстремистской идеологии и склонных к экстремистской деятельности или уже вовлеченных в нее. К ним может относиться молодежь, находящаяся в неблагоприятном социально-экономическом положении, безработная молодежь, молодежь среди заключенных, молодежь в этнических гетто и т. д.

Второе направление профилактики экстремизма в молодежной среде объединяет меры, подразумевающие воздействие на сознание и поведение, а также образ жизни молодежи в целях предупреждения принятия экстремистских взглядов и идей, развития мотивации на совершение экстремистских действий. Данная цель реализуется, во-первых, посредством формирования следующих характеристик сознания и поведения:

- знания и понимания характерных особенностей различных культур, религий и этнических групп, актуальных и исторических вопросов внутренней и внешней политики и международных отношений¹;
- толерантности по отношению к другим культурам и отличающимся от собственной точкам зрения;
- представления об экстремистской идеологии, ее основных положениях;
- восприятия себя как гражданина государства, понимания своих гражданских прав и обязанностей;
- сформированной самоидентификации, в том числе на основе религиозной или национальной принадлежности, но не с позиций экстремизма, дискриминации или расизма;
- навыков избегания и разрешения конфликтов в межличностных взаимодействиях;
- навыков переработки, анализа и критической оценки информации, прежде всего применительно к материалам СМИ.

В совокупности, целью является создание у молодых людей более точной, объективной и полной картины мира и навыков критического

---

¹Формирование точного и объективного понимания данных вопросов рассматривается как особенно важное, если они определенным образом интерпретируются в рамках экстремистской идеологии.

мышления, обработки и анализа информации, поступающей из различных источников (СМИ, представителей экстремистских групп и т. д.), а также понимания основ экстремистской идеологии, способов ее воздействия на индивида. Подразумевается, что более образованные и информированные молодые люди будут более устойчивыми к воздействию экстремистской идеологии. Данная цель достигается посредством следующих форм и методов деятельности.

1. Организация образовательных и просветительских программ и мероприятий для молодежи, посвященных мультикультурализму, правам и свободам граждан, демократическим ценностям, истории религий, экстремистской идеологии, актуальным политическим вопросам и социальным проблемам и т. д. Отмечается множество различных форм применения данного метода профилактики: включение в программы образовательных учреждений специальных тематических блоков; проведение открытых лекций, семинаров, дискуссий, посвященных перечисленным выше вопросам, в образовательных учреждениях, молодежных клубах, общественных и религиозных организациях; подготовка и распространение информационных материалов соответствующей тематики и т. д.

2. Вовлечение молодежи в межкультурное взаимодействие. Основной целью данного метода является сокращение дистанции между различными группами молодежи, формирование реалистичного и объективного, а не основанного на стереотипах, представления друг о друге, приобретение опыта взаимодействия в виде сотрудничества. Конкретными формами деятельности выступают совместные (подразумевающие участие молодежи из различных этнических и религиозных групп) спортивные и развлекательные мероприятия, театральные постановки, экскурсии, мастер-классы, походы, летние школы и лагеря и т. д. В случае если прямое взаимодействие между группами молодежи затруднительно, возможным является их опосредованное взаимодействие и диалог. Так, например, в рамках одного из проектов по профилактике экстремизма представители различных молодежных групп обменивались видеозаписями своих рассуждений по поводу актуальных проблем, вызывающих проявления экстремизма в молодежной среде.

3. Индивидуальное консультирование и психологическое сопровождение молодых людей. Основной задачей, решаемой с применением данного метода, является преодоление трудностей с личной

идентификацией, формирование у молодых людей представления о последствиях вовлечения в экстремистскую деятельность и помощь в формировании жизненных стратегий, не связанных с экстремизмом. Формами применения данного метода могут быть проведение индивидуальных бесед с психологами, представителями социальных служб, специально подготовленными сотрудниками полиции, закрепление наставников за молодыми людьми, для которых существует опасность вовлечения в экстремистскую деятельность, создание специальных телефонных линий психологической помощи.

4. Пропаганда ролевых моделей из молодежной среды, не связанных с экстремистской деятельностью. В качестве таковых моделей при этом выступают успешные молодые люди – спортсмены, музыканты, бизнесмены, популярные религиозные деятели, открыто высказывающиеся против различных проявлений экстремизма в молодежной среде. Эти люди могут и непосредственно вовлекаться в деятельность по профилактике экстремизма, например, проводить мастер-классы, встречи и дискуссии с молодежью, вести работу с группами своих поклонников, особенно если среди последних присутствуют люди с экстремистскими взглядами.

Во-вторых, профилактика экстремизма в молодежной среде в рамках данного направления может осуществляться за счет вовлечения молодежи в социальную активность, общественную или политическую деятельность, создания условий для проявления гражданской позиции молодежи. Целью при этом является осознание молодежью своих гражданских прав, свобод и обязанностей, обеспечение включенности молодых людей в общество, создания альтернативных экстремистской деятельности способов удовлетворения потребностей молодежи, таких как потребность в самоидентификации, принадлежности к группе единомышленников, выражении своего недовольства и т. д.

5. Создание возможностей выражения своего мнения по вопросам экстремизма и обсуждения данных вопросов молодежью. Основной целью при этом является создание легальных площадок для обсуждения волнующих молодежь проблем, выступающих причиной формирования экстремизма в молодежной среде, в противовес аналогичным площадкам экстремистской направленности. Конкретными формами деятельности могут выступать создание интернет-сайтов для получения информации и обсуждения вопросов внутренней и внешней политики, экстремизма, идентичности, для выражения своего мнения,

предоставление молодым людям возможности создавать радиопрограммы, веб-материалы и т. д. для обсуждения тем, связанных с экстремизмом, и обучение их необходимым для этого навыкам работы с медиатехнологиями, конкурсы молодежных проектов (документальных фильмов, музыки, образовательных материалов) по тематике экстремизма и т. д.

6. Вовлечение молодежи из различных этнических и религиозных групп в политическую, общественную и экономическую активность. Данная задача реализуется посредством создания специальных программ участия молодежи в деятельности местных органов власти, ее привлечения к участию в выборах, поддержки студенческих союзов, вовлечения в волонтерскую деятельность, связанную с мигрантами, поддержки молодых предпринимателей и т. д.

7. Создание условий для проведения свободного времени молодежью. Прежде всего, подразумевается развитие неблагополучных в социально-экономическом плане районов городов путем создания молодежных центров, библиотек, учебных центров, кинотеатров и кафе, спортивных сооружений, организации учебных курсов и т. д.

Подводя итоги анализа рассмотренных программ, можно сделать вывод о том, что они обладают некоторыми общими характерными чертами. Во-первых, большинство из них являются комплексными – они подразумевают использование системы методов воздействия как на внешние, так и на внутренние причины и источники экстремизма в молодежной среде. Исключение составляют лишь некоторые местные узконаправленные проекты. Во-вторых, деятельность по профилактике экстремизма в рамках рассмотренных проектов имеет широкий охват – в нее включены как образовательные учреждения, полиция, органы местного самоуправления, так и общественные и религиозные организации, неформальные организации молодежи, учреждения дополнительного образования, группы местных жителей, коммерческие предприятия и т. д. В-третьих, планирование профилактической деятельности, определение ее целевых ориентиров, задач и методов их решения, объема финансирования осуществляется на уровне органов государственной власти (как правило, различных министерств и агентств – по работе с молодежью, вопросам миграции, внутренней безопасности и т. д.). Наиболее значимыми субъектами, непосредственно реализующими меры, запланированные

в рамках государственных программ, являются органы местного самоуправления, местные сообщества, общественные и религиозные организации. При этом для европейского и американского опыта профилактики экстремизма в молодежной среде характерно предоставление данным субъектам значительной свободы и самостоятельности в реализации целей и задач профилактических программ.

Наконец, важно отметить, что молодежь в рамках рассмотренных нами программ выступает как объект, так и субъект профилактики экстремизма – ряд функций по реализации профилактических мер может передаваться группам в молодежной среде (стратегия «воздействия изнутри») в связи с тем, что они оказывают на своих сверстников большее влияние и пользуются их большим доверием, чем представители других групп и организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Примаков В.Л., Маткаримова Г.В.* Основные направления регулирования этноконфессиональных отношений: рефлексия европейского опыта // Актуальные проблемы внешней и внутренней политики Российской Федерации. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. – С. 133–144. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 2 (713). Сер. Общественные науки).
2. A common and safe future. An action plan to prevent extremist views and radicalisation among young people // Government of Denmark. – 2009. – URL : <https://ec.europa.eu/migrant-integration/index.cfm?action=media.download&uuid=FBC310B9-FB85-7C31-946D632BC120D3B7>
3. *Carlsson Y.* Violent Right-Wing Extremism in Norway: Community Based Prevention and Intervention // Rieker, P., Glaser, M., and Schuster, S. (eds.). Prevention of Right-Wing Extremism, Xenophobia and Racism in European Perspective. – Halle : Deutsches Jugendinstitut, 2006. – P. 12–29.
4. Cultural Harmony. The Next Decade 2002–2012. White Paper // New South Wales Government. – 2004. – URL : <http://catalogue.nla.gov.au/Record/3409670>.
5. *Davolio M., Gerber B., Eckmann M., Drilling M.* The Special Case of Switzerland: Research Findings and Thoughts from a Context-Oriented Perspective // Rieker, P., Glaser, M., and Schuster, S. (eds.). Prevention of Right-Wing Extremism, Xenophobia and Racism in European Perspective. – Halle : Deutsches Jugendinstitut, 2006. – P. 29–47.
6. Empowering Local Partners to Prevent Violent Extremism in the United States. – URL : http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/empowering_local_partners.pdf (дата обращения: 20.11.2016).

7. *Grubben G.* Right-Extremist Sympathies among Adolescents in the Netherlands // Rieker, P., Glaser, M., and Schuster, S. (eds.). *Prevention of Right-Wing Extremism, Xenophobia and Racism in European Perspective.* – Halle : Deutsches Jugendinstitut, 2006. – Pp. 48–66.
8. *Ligeti G., Nyeste T.* Right-Wing Extremism in Hungary // P. Rieker, M. Glaser, and S. Schuster (eds.). *Prevention of Right-Wing Extremism, Xenophobia and Racism in European Perspective.* – Halle : Deutsches Jugendinstitut, 2006. – P. 96–112
9. Multi-Cultural France is becoming a Multi-Racist Society : An Interview with Ch. Rojzman, conducted by S. Schuste // P. Rieker, M. Glaser, and S. Schuster (eds.). *Prevention of Right-Wing Extremism, Xenophobia and Racism in European Perspective.* – Halle: Deutsches Jugendinstitut, 2006. – P. 113–124.
10. Preventing violent extremism pathfinder fund 2007/08. Case studies // Department for Communities and Local Government: London. – 2007. – URL: <http://www.tedcandle.co.uk/publications/022%20Preventing%20violent%20extremism%20pathfinder%20fund%20case%20studie.pdf>
11. Preventing Terrorism and Countering Violent Extremism and Radicalization that Lead to Terrorism: A Community-Policing Approach. – Vienna : OSCE, 2014. – 199 p.
12. Process Evaluation of Preventing Violent Extremism Programmes for Young People // Youth Justice Board for England and Wales. – 2012. – URL : <http://www.justice.gov.uk/downloads/publications/research-and-analysis/yjb/preventing-violent-extremism-process-evaluation.pdf>
13. *Ranstorp M., Hyllengren P.* Prevention of violent extremism in third countries: Measures to prevent individuals joining armed extremist groups in conflict zones. – Vällingby : Elanders Sverige AB, 2013. – 33 p.
14. *Rieker P.* Juvenile Right-Wing-Extremism and Xenophobia in Germany: Research and Prevention // P. Rieker, M. Glaser, and S. Schuster (eds.). *Prevention of Right-Wing Extremism, Xenophobia and Racism in European Perspective.* – Halle : Deutsches Jugendinstitut, 2006. – P. 67–78.
15. University of the Fraser Valley Center for Safe Schools and Communities. – URL: <http://blogs.ufv.ca/blog/2013/02/ufv-launching-centre-for-safe-schools-and-communities/>
16. *Winship C.* End of a Miracle? Crime, Faith, and Partnership in Boston in the 1990's. – URL: http://scholar.harvard.edu/files/cwinship/files/end_of_a_miracle_0_0.pdf

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета Общественные науки Выпуск 2 (767)	VESTNIK of Moscow State Linguistic University Social Sciences Issue 2 (767)
--	---

Редакторы:

Е. М. Евдокимова, Н. М. Тимакова

Компьютерная верстка: Г. П. Лопатина

Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 26.12.2016 г.

Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 14,0

Заказ № 1469

Адрес редакции:

119034, Москва, ул. Остоженка, 38

Тел.: (499) 245 33 23

E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки:

07.00.00 – Исторические науки и археология

22.00.00 – Социологические науки

23.00.00 – Политология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» является преемником следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Исторические науки», «Политические науки», «Исторические науки. Политические науки», «Общественные науки».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66049 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: MSLU-SOC.RU

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна